

У. Вельтман

Храм и Грааль

**Мистерии ордена тамплиеров и св. Грааля
Значение этого импульса для современности**

*перевод с немецкого А.А. Демидов (2008)
издательство ИНФО-3*

ВВЕДЕНИЕ

В 1928г. появилась весьма значительная книга Вальтера Иоганна Штейна, озаглавленная "Мировая история в свете св. Грааля".(1) В своё время автор этой книги преподавал историю и литературу в первой свободной Вальдорфской школе(2) в Штутгарте. Объёмистый труд имел подзаголовок "Девятый век". Автор исследовал историческую основу средневековой легенды о Парсифале, придерживаясь при этом, главным образом, эпоса Вольфрама фон Эшенбаха. При этом он пришёл к ошеломляющим результатам, которым современное литературоведение пока не уделило должного внимания.

Наиболее важным выводом этих исследований было то, что за легендарными образами эпоса скрывались конкретные исторические персонажи, связанные между собой узлами крови. Время, когда разыгрывались все эти события, относится к девятому веку.

К сожалению, освещение дальнейших исторических событий завершилось по выходе первого тома Штейна. Продолжением этого труда должно было бы стать описание десятого века, при этом автор хотел исследовать связь между основанием городов и сыном Парсифаля Лоэнгрином; однако эта работа не пошла дальше предварительной стадии и публикации одной статьи (3).

Вальтер Иоганн Штейн умер в 1957г. Только через девять лет после его смерти его эпохальная книга была переиздана снова; при этом она была дополнена введением с биографическими заметками Герберта Хана и очень интересной статьёй Иоганна Таутца об авторе и его сочинениях. Не используя слова "реинкарнация" и "карма", Таутц убедительно указал на связь между Вальтером Иоганном Штейном и образом отшельника Треверцента, брата несчастного короля Грааля Амфортаса. К этому указанию я ещё вернусь следующих главах.

"Мировая история в свете св. Грааля" - заглавие, вызывающее вопросы. Допустимо ли вообще описание мировой истории в свете легендарного символа, внезапно появившегося в средневековой литературе в христианских странах Запада? К тому же и его происхождение, и его значение первые поэты Грааля интерпретировали совершенно по-разному. Может быть, Вальтер Иоганн Штейн избрал название для своей книги именно потому, что перед ним предстала сама историческая перспектива и её летописание, в которых отдалённые древние дохристианские культуры трансформировались в средневековые и новое время, и лейтмотивом которых должен быть св. Грааль? В этом случае само понятие "Грааль" должно было обладать более объёмным содержанием и значением, нежели ему обычно приписывают. Это подтверждается при чтении его книги. Если поближе ознакомиться с таким расширением понятия, расширением термина, которым Штейн обязан своему учителю Рудольфу Штейнеру, тогда избранное заглавие можно считать претенциозным и спорным. Спорным будет оно особенно для тех историков и исторических писателей, которые достаточно хорошо знакомы с тем, что в истории гораздо больше скрытого, чем освещенного посредством документов; это "гораздо больше" заключено в духовных движущих причинах, с помощью которых только и можно установить смысловые связи между отдельными документами. Эти духовно движущие причины в форме идей могут быть доступны человеческому познанию.

Появлением книги Вальтера Иоганна Штейна мы обязаны также одному обстоятельству: в одиннадцатом классе первой Вальдорфской школы материалом для чтения были известные литературно-исторические произведения. Именно здесь почерпнул он материал, как он сам замечает это в своей книге. С другой стороны, в нём жил внутренний порыв, который увлекал его к теме Грааля, порыв, идущий от неведомой силы, граничащей со священной одержимостью. Это происходило оттого, что в глубинах своей судьбы Вальтер Иоганн Штейн был связан с темой Грааля.

В связи с этим произошло нечто замечательное: благодаря личной судьбе Штейна эпоха Парсифаля стала одной из важнейших и продолжительных частей учебного вальдорфского плана в одиннадцатом классе. И первая литературная "эпоха" (4), которую Штейн дал в одиннадцатом классе в Штутгарте в 1923г., стала моделью, по которой строились занятия во всём мире. Каждый ученик переживал на этом материале нечто очень важное, этот материал без сомнения является

центральной темой вальдорфского учебного плана. Хотелось бы сказать точнее, "эпоха" посвященная Парсифалю стала пробным камнем, показывающим, настоящая ли это Вальдорфская школа.

Так не происходили ли те события подобно историческим событиям? Ведь история - это не просто слепой природный процесс. Столь же мало предопределяется она идеями, далёкими от реальности. Исторические течения возникают большей частью оттого, что отдельный человек приносит духовный импульс, в борьбе и страдании вынашивает его, даёт ему воздействовать на себя, так что этот импульс, наконец, перенимают и несут вместе с ним другие. Тут можно вспомнить хотя бы Мартина Лютера или Вильгельма Молчаливого (принца Оранского) из новой истории, или Александра Македонского, или праотца Авраама из более отдалённых исторических эпох.

Хотя с 1928г. из рук вальдорфских педагогов выло немало публикаций, книга с подзаголовком "Девятый век" остаётся, на мой взгляд, поистине вальдорфской книгой. Впрочем, читать её не так легко, там много учебного материала - длинные цитаты, не вполне проработанные рассуждения; но есть там и проблески ошеломляющих прозрений, даже гениальности. Но, несмотря на несовершенство книги - о чём хорошо знал и сам Штейн - в ней дышит живой дух Вальдорфской школы; книга своим содержанием соприкасается с той основной субстанцией исторического потока, которой можно причислить и все труды Рудольфа Штейнера.

Вот почему понятно, когда каждый, работающий в Вальдорфском движении считает своим долгом в той или иной форме продолжить начинания Вальтера Иоганна Штейна. Не надо, впрочем, думать, что я хочу написать второй том книги Штейна, однако, тем не менее, мне бы хотелось принять эстафету, заданную так импонировавшим ему заглавием: заниматься всемирной историей и описывать её в свете св. Граля. Вот что пишет Штейн во введении к своей книге:

"Все представленные здесь важнейшие идеи принадлежат или самому Рудольфу Штейнеру, или являются дальнейшей разработкой его идей. Тем самым не сказано, что работа не может считаться самостоятельной. Имея дело с идеями Рудольфа Штейнера, переживаешь, что они несут в себе жизнь, которая ещё долго не иссякнет в том, что удалось разработать ему самому. Его идеи нельзя уловить в книжной форме, ибо они не есть нечто готовое, нечто завершённое, нет, они, благодаря постоянному возобновлению представляют собой поступательно движущуюся жизнь, светоносную духовную сущность. Человек становится самостоятельным творцом, если его охватит священный огонь этих идей, которые, как нечто невысказанное, не запечатлённое устремляется из духа Рудольфа Штейнера".

Это смелое слово сказано вопреки всем тем критикам, которых крайне раздражает всё, что не согласуется с *fable convenue*, баснословием обычной исторической канвы; оно противоречит и тем, кто рассматривает книги Рудольфа Штейнера как сборник догматов, и не может перенести, если кто-то, самостоятельно мысля, разрабатывает их дальше.

И хотя такие авторы все свои идеи заимствуют у Рудольфа Штейнера, они не желают добавить ни одного слова от себя, опасаясь показаться ненаучными.

В следующей главе надо будет регулярно ссылаться на результаты духовных исследований Рудольфа Штейнера. Эти результаты будут, однако привлечены не в качестве подтверждения или оправдания собственных оригинальных воззрений автора, но как продуктивный исходный пункт, как основополагающие идеи, освещающие исторические связи.

Два мотива раскрываются и приводятся в связь друг с другом: Грааль и Орден тамплиеров. Первая тема, по-видимому принадлежит к царству поэтической фантазии. Вторая, несмотря на обширную документацию, тоже представляет собой нечто легендарное, загадочное, завораживающее и одновременно разочаровывающее исследователя, поскольку приемлемого объяснения так называемой тайны тамплиеров всё же не найдено, несмотря на обилие литературы по этой теме.

В данном сочинении я не берусь раскрыть эту загадку достаточно удовлетворительным образом, но смею надеяться, что именно благодаря связи обоих мотивов появятся некоторые новые точки зрения, которые могли бы представить в новом свете до сих пор не поддающиеся объяснению факты.

С одной стороны обнаруживается, что "поэтическая фантазия" мистерии Грааля вытекает из двух, хотя и скрытых, но совершенно конкретных исторических течений, а, с другой стороны - что реальная история рыцарей тамплиеров носит поистине эзотерический характер. Большинство исследователей догадываются об этом эзотерическом характере, о формах и происхождении этого эзотерического элемента, хотя и далеко расходятся в его понимании.

Далее речь последует о том, как проявлялось последующее развитие импульса Грааля и Храма в дальнейшем ходе истории вплоть до нашего времени, каковы перспективы на будущее. Тем самым содержание этой книги непосредственно увязывается с содержанием моей книги "Гёте и Европа", которая имеет подзаголовок: "Размышления о нынешней ситуации в мире".

На совсем иных путях, нежели в моей книге о Гёте, я пытаюсь здесь приблизиться к центральному пункту современной мировой проблематики. На первый взгляд может показаться,

что тема Грааля и Храма не имеет ничего общего с данной проблематикой. Но благодаря избранному способу рассмотрения обнаруживается актуальность этой тематики и её связь с книгой "Гёте и Европа".

Мало помалу с помощью описания вырисовывается картина специфически европейской функции - быть центром между Востоком и Западом, играть связующую роль между этими полюсами человечества. Это целительное, связующее воздействие европейской Середины ещё не реализовано, оно постоянно сталкивается с препятствиями; тем не менее, оно, как идейное содержание, в любом случае должно стать частью сознания.

2. МИСТЕРИИ

2.1. РЫЦАРСКИЙ ЗАМОК БУРГЕНЛАНДЕ (АВСТРИЯ)

Настоящее произведение искусства содержит в себе истину, причём в большей степени, чем так называемая реальность. Древнегреческий философ Аристотель говорил о драме, что она больше соответствует истине, чем историческое описание. История повествует о событиях, разыгрывающихся по воле случая в течение столетий, в то время как драма изображает поступки и иные проявления людей так, как если бы они происходили по необходимости, по предписанному. В соответствии со смыслом этого, несомненно справедливого тезиса Аристотеля, мы позволим себе поставить в начале нашего изложения отдельные сцены из второй Драмы-Мистерии Рудольфа Штейнера "Испытания души" (1).

Трёх достигшим внутренней зрелости главным персонажам этих драм удаётся бросить взгляд в свою прошлую жизнь. Картины этого ретроспективного обзора можно считать результатом имажинативного познания, о чём сам Рудольф Штейнер упоминает в предисловии. Их надо рассматривать не как реальные исторические события, но как идеализированное изображение того, что происходило в жизни; в физическом мире, а также в драме это отображение становится познаваемым благодаря своим воздействиям. В самой драме нет никаких непосредственных указаний на то, что речь идёт о замке тамплиеров, где три вышеназванных персонажа находят себя при ретроспективном обзоре. Только дальнейший ход событий не оставляет сомнения в том, что в Союзе рыцарей следует признать идеализированный образ Ордена тамплиеров во времена его падения.

Известно, что в связи с этой сценой перед глазами Рудольфа Штейнер предстал вполне определённый замок тамплиеров. Он находился в Бургенланде (Австрия), недалеко от тех мест, где Рудольф Штейнер провёл своё детство (2).

Ретроспективный взгляд в XIV столетие, переживаемый указанными персонажами, описан в драме "Испытания души" в картинах от шестой до девятой. Переживая воздействие этих сцен, можно отметить некоторые особенности этого рыцарского Союза, которые отчасти совпадают с известными фактами из истории тамплиеров, тогда как другие не могут быть подтверждены исторически. Эти последние можно отнести к чисто сюжетной линии, к области поэтической фантазии. Но следовало бы полагать, что в них, - в смысле высказывания Аристотеля - можно найти нечто значительное. Какие же особенности имеются здесь в виду?

Рассматривая обстоятельства в целом, мы выясняем, что вышеназванные рыцари оказывают сильное влияние на всю округу. В шестой картине крестьяне и крестьянки говорят о господах из замка как о своих работодателях и кормильцах. Далее речь идёт о руднике, разработанном тамплиерами (3). Горный мастер находится на службе у рыцарей. Итак, их влияние простирается вплоть до хозяйственной деятельности - это тоже известный факт, характерный для Ордена тамплиеров.

Идёт разговор об учении, которое распространяют рыцари и которое вызывает сильную враждебность со стороны аббата соседнего монастыря. Из бесед, которые ведут друг с другом господа из замка, можно заметить, что их учение возвещает о христианстве, не вписывающемся в церковные догматы, но проистекающем из откровений, полученных самим Мастером из духовных миров, благодаря духовному просветлению. В данном случае можно говорить об эзотерическом христианстве, которое противостояло римско-католическому христианству. При этом надо также обратить внимание на три вещи: во-первых, спиритуальный импульс, распространяемый здесь, ориентирован исключительно на будущее, - рыцари знают, что их Орден будет уничтожен, они знают и то, что их глава, Гроссмейстер, уже убит, и что их собственная судьба будет такой же - погибнуть в борьбе за правое дело. Они готовы отдаться этой судьбе, хотя у некоторых возникают сомнения.

Второе, достойное удивления - это форма рыцарского учения, то, как они говорят о будущем - вполне конкретно. Уверенность в личном перевоплощении, реинкарнации, выражается ими непосредственно.

Гроссмейстер:

"Выискивают уж враги повсюду"

*Как бы отнять у нас богатства наши,
Которым не для себя владеем,
В которых видим только средство
Привлечь к себе людские души,
Способные принять
Духовное зерно для лет грядущих, -
Дабы возшло, как только души эти
Вернуться снова из духовных царств
В существование земное".*

и немного ниже:

*"То, что мы в душах насадили
Пусть как бы и умрёт на время;
Но вновь на землю возвратятся люди,
Что здесь дышали светом нашим,
И наше дело в мир внесут они".*

Процесс, возбуждённый против тамплиеров по почину короля Франции Филиппа Красивого, обвинил рыцарей в ереси. Почему же ни в одном из актов процесса нельзя ничего прочесть об учении о реинкарнации, которое римско-католическая церковь считала злейшей ересью? Потому, что у тамплиеров не было мысли о перевоплощении? Сделав такой вывод, мы упустили бы из виду, какого рода махинации использовал Филипп Красивый. Дело не в том, слышал ли он об этом учении, или нет; его заботило другое - подвергая тамплиеров адским пыткам добыть у них непротиворечивые показания, что и обнаруживается в ходе процесса. О самом процессе будет сообщено в специальной главе. То, что в актах процесса учение о реинкарнации не упоминается как ересь, вовсе не доказывает того, что это учение не было распространено у тамплиеров; оно было известно, по крайней мере, посвященным рыцарям.

Ещё больше удивляет другой аспект учения, которое распространялось из замка рыцарей. В девятой картине дочь горного смотрителя (Берта) просит свою мать рассказать одну из сказок,

Которые от рыцарей приносит
Домой отец на радость стольким людям,
Которые их слушают охотно.

Это интересное высказывание, и для многих оно звучит невероятно. Странность его состоит в том, что - если вспомнить - посвящённые катары тоже рассказывали сказки своим последователям. Все настоящие народные сказки первоначально исходили от посвящённых; они рассказывали их народу. То же самое относится к сказаниям и легендам.

Что же за сказку рассказывает жена горного смотрителя?

Госпожа Кюне:

Её охотно расскажу я. Слушай!
Жил некий человек.
О мирозданье много думал он.
Всего же больше ум он мучил,
Стремясь постигнуть зла происхождение.
И всё не мог найти себе ответа.
"От Бога этот мир, - так думал он, -
Но Бог в себе одно Добро содержит.
Как из Добра возникли злые люди?"
Так думал он, но думал безуспешно.
Не находил он на вопрос ответа.
Случилось раз, что на своей дороге
Перед собой он дерево увидел,
Что в разговор вступило с топором.
И так промолвил дереву топор:
"Что я творю, того не сотворишь;
Тебя срублю, меня ж не срубишь ты".
Но дерево сказало топору:
"И года нет, как человек срубил
Мой сук и сделал рукоять твою,
Другой топор вонзивши в плоть мою".
И как услышал это человек,

Так тотчас мысль в душе его возникла.
 Не мог её он выразить словами,
 Но на вопрос она ответ давала,
 Как из Добра возникнуть Зло могло.

Конечно, не случайно автор вкладывает в уста жены зрителя Кюне эту сказку о происхождении зла, которую, в свою очередь рассказали рыцари. Рудольф Штейнер даёт здесь, хотя и в поэтической форме, ответ на вопрос, которым занимались многие исследователи тамплиеров; а именно, можно ли связать тайны Ордена с манихеями (5).

Сказка госпожи Кюне в простой образной форме раскрывает основную мысль манихеев. Здесь, правда она выявлена иначе, нежели изображается обычно. Обычно утверждают, что учение Мани или Манеса носит абсолютно дуалистический характер; добро и зло - в соответствии с ним - вечно существуют в мире рядом друг с другом как непримиримые противоречия. Зло не имеет ни начала, ни конца. Однако, такой взгляд распространяли враги манихеев, а с истинным учением Мани он не согласуется. Напротив, в манихейском мифе о сотворении, мы находим следующую историю (здесь даётся резюме).

Однажды духи мрака захотели напасть на царство света. Они добрались до его границы и хотели овладеть им. Но ничего поделать они с царством света не смогли. Царству света надо было наказать их. Но в царстве света не было зла, одно добро. Так что демоны тьмы могли быть наказаны только чем-то добрым. Что же произошло? Произошло следующее: духи светлого царства взяли часть своего собственного царства и примешали к материальному царству тьмы. Из-за того, что часть светлого царства смешалась с царством тьмы, в царстве тьмы возникло что-то вроде кислого теста, забродившего вещества, отчего царство тьмы пустилось хаотический хоровод. В нём возник новый элемент, а именно, смерть, так что с тех пор оно постепенно разрушало само себя, неся в самом себе зародыш уничтожения. Далее говорится, что из-за случившегося, возник человеческий род. Прачеловек и был тем, кто был послан из светлого царства, чтобы смешаться с царством тьмы, чтобы посредством смерти преодолеть то, чего не должно быть в царстве тьмы; преодолеть в самом себе.

Основа этого мифа очень характерна для манихейства. Царство тьмы не подвергается наказанию, оно принуждается не насилем, а любовью, мягкостью. Царство света жертвует наиболее благородным и оно, смешавшись с тьмой, может в будущем избавить от зла.

Что лежит в основе такого понимания зла? Ничто иное, как то, что высказано в сказке госпожи Кюне. Добро и зло были первоначально неотличимы друг о друга. Древесина, из которого была изготовлена ручка топора, была ещё в стволе дерева. В этом смысле добро и зло были в вечности едины друг с другом. Но если из того, что первоначально было добром нечто изымается, или оказывается изъятым, может быть сначала даже из добрых побуждений, то может возникнуть зло, причём добрые побуждения будут извращены. Если последний топор захочет из тщеславия проявит собственную активность, которая направлена против порядка вещей, то тогда инструмент, бывший когда-то добрым, станет злым.

Манихейский поток распространился в Восточной Азии, а позднее в Западной Европе (как течение катаров): римско-католическая церковь яростно боролась с ним, особенно в лице Августина, который сам в течение девяти лет был учеником манихеев, перед тем, как перешёл в католическое христианство.

Тем не менее, и в прошлом, и в настоящем в случае идейной борьбы происходит следующее: люди борются против мнений, которые являются их собственными некомпетентными измышлениями. Эти мнения они приписывают предполагаемым противникам: предметом борьбы становится их собственное толкование, иногда прямо противоположное тому, что имеет в виду противная сторона.

Так и тут: явно еретический дуализм в учении Мани на поверку оказывается чем-то совсем иным. Изучая тексты манихеев (6), мы никогда не обнаружим в них равенства между царством тьмы и божественным царством света. Царство тьмы расценивается как царство "противообразов", в которых господствует принцип противления. Как скоро мы рассматриваем элементы зла в качестве импульса сопротивления, противодействия, становится возможным познавать добро и зло как действующие совместно в плане творения. В этом смысле "Фауст" Гёте всецело пронизан манихейским принципом.

Если человек проникнулся этим единством, он сможет пожелать вместо того, чтобы уклоняться от зла, испытать это зло, чтобы на нём опробовать свою силу сопротивления. Если ему удастся не потерять внутреннюю силу света - в действительности силу Христа - если он при обхождении со злом будет тренировать свою кротость и чистоту, он тем самым поможет царству "противообразов" когда-нибудь снова вернуться в царство света, а это означает, что он работает над спасением зла.

Эта манихейская установка такова, что глубоко потрясает нас, если мы слышим описание гибели тамплиеров. Это учение делает понятным то, что рыцари, которые подобно львам

сражались с магометанами, когда дело шло о поддержке христианства в Иерусалиме, подчинились силе зла, когда атака была направлена против их собственной жизни. Нигде мы не находим сведений о проклятиях или противодействии их мучителям (Сноска о проклятии Якоба де Моле)

В сценах, посвященных тамплиерам, Рудольф Штейнер на примерах индивидуальностей некоторых их представителей показал обычную идеальную картину их стремлений. Слова Гроссмейстера в начале седьмой картины дышат той же самой сверхчеловеческой кротостью и невозмутимостью, которые порождены силой, а не слабостью.

Из разговора между первым и вторым церимониймейстерами ясно, что некоторые рыцари внутренне противятся тому, чтобы это понять и соответственно поступать (восьмая картина)

Можно указать и ещё на две дальнейшие странности, которые больше согласуются с исторически известными сведениями, чем описанное до сих пор: впечатляет толерантность рыцарей по отношению к еврею Симону, который оказывает помощь в округе замка, применяя свои особые медицинские познания. Однако из-за них Симон навлекает на себя обвинение в колдовстве со стороны некоторых крестьян и крестьянок.

Идеализированное изображение этих жизненных обстоятельств указывает в этом случае на известный факт, что тамплиеры, как пламенные защитники христианства, могли всё же быть толерантны по отношению к иудеям и магометанам. Из своего собственного эзотерического опыта они знали, что семитские народы Ближнего Востока - к ним надо ещё причислить и иудеев рассеяния - часто владели глубокой спиритуальной мудростью и практическими познаниями, которые отсутствовали тогда у европейцев.

Вторая странность указывает на хорошо известный факт. В существующей литературе об Ордене в разных местах упоминается, что тамплиеры готовы были принять в свой Орден даже тех людей, которые в глазах всего света были запятнаны тяжкой виной. В описанном в мистериях Союзе рыцарей это тоже имеет место, об этом мы узнаём в шестой картине, когда первый церимониймейстер спрашивает:

*Первый Церимониймейстер:
Но может ли Союз
Терпеть в своих рядах сочленов,
Не с чистою душою
Служить решивших целям благородным?*

*Гроссмейстер:
Лишь Тот один благое весит в душах,
Кто благо Высшее свершает
И в ходе кармы мировой
Даёт плохому искупить вину...*

В этих словах Гроссмейстера мы опять-таки находим нечто, в высшей степени направленное на будущее. У людей средневековья правовое сознание ещё полностью базировалось на ветхозаветном принципе: "Око за око, зуб за зуб". Да и в наше время это мало изменилось. Христианское правовое сознание будущего находится в новозаветном примере с грешницей, нарушившей брачные обычаи. Христос при этом не действует вопреки древнему закону Моисея, который осуждает женщину на побиение камнями, но Он прежде всего указывает обвинителям на их собственные грехи, отчего они, стыдясь, расходятся, а затем что-то пишет на песке. Вина, которой отягчила себя женщина, должна быть компенсирована, уравновешена мировой справедливостью; сама Земля берёт на себя эту вину женщины, пока она сама в другой земной жизни не искупит эту вину своей судьбой, своей кармой. Но к её свободному "я"-существованию обращается призыв, когда Христос говорит: "И Я не осуждаю тебя; иди, и впредь не греши" (Иоанн, 8, 11)

Эта же позиция звучит и в словах Гроссмейстера; она понятна лишь в свете реинкарнации и кармы. Оба эти понятия в будущем станут рассматривать как центральные представления христианства, хотя сегодня они кажутся некоторым весьма сомнительными.

Основываясь на исследовании цитированных здесь сцен из Драмы-Мистерии "Испытание души" можно прийти к следующему гипотетическому выводу: если допустить, что при своём описании XIV столетия Р. Штейнер действительно дал идеализированную картину Ордена тамплиеров, которая, хотя и не во всём соответствует историческим деталям, но выражает дух реальных событий, - если всё это допустить, то мы ознакомимся с наиболее характерной движущей силой этого орденского сообщества - с импульсом посвящения, который указывает на будущую христианскую культуру. При этом нельзя недооценивать наличие импульса манихейства; поиск правильного отношения ко злу.

В пятой главе мы попробуем привести факты, подтверждающие справедливость сделанного здесь вывода. Но сначала мы должны более основательно заняться темами, которых мы пока только бегло коснулись. Надо также прояснить вопрос: что такое импульс посвящения?

2.2. ДОХРИСТИАНСКИЕ МИСТЕРИИ

Непредвзятое наблюдение великих культур дохристианской эпохи наводит нас на мысль, что в эволюции человечества есть главные течения, сходящиеся к одному центральному пункту, туда, где в момент Мистерии Голгофы со всей очевидностью произошёл поворот времён. Из этого пункта видимым или скрытым образом эти эволюционные потоки направились в будущее.

Не кажется ли нам, что христианство пришло, чтобы обновить всё старое? Разве не действовало оно в эволюции земли и человечества подобно всё обновляющему алхимическому процессу, названному в Апокалипсисе Иоанна Богослова "откровением", - откровением самого существа Христа?

Ведь христианство - это не вероучение или исповедание, это скорее реальное проявление всеобъемлющего Существа.

Иисус Христос в своей, явленной на земле человеческой форме действовал в рамках Греко-римской культуры (7). Важнейшие культуры, которые можно считать подготовительными этапами этого Явления, развивались в Индии, Персии, Вавилоне и Египте. Антропософия говорит в этой связи о трех послееатлантических культурных эпохах. Имеется в виду доисторическая древняя культура в Индии, из которой затем, позднее, возникла культура индуизма, затем очень древняя персидская культура, которая, точно также как и индийская, гораздо позднее получила исторические подтверждения, и, наконец, известные древние культуры на Ниле и в Междуречии (Египет и Вавилон). Каждая из этих культур имела время начала, кульминации и упадка, которые вместе охватывали период свыше 2000 лет. Они следовали друг за другом, начиная с древней Индии, после того как завершились последние колоссальные изменения на земной поверхности, известные в геологии как водные катастрофы, ледниковый период, гибель отдельных частей Земли. То, что существовало до указанного времени, носит в оккультной науке название Атлантиды.

Во время атлантической эпохи земля, которая тогда выглядела совсем иначе, чем сейчас, тоже было населена. Даже тогда были человеческие культуры, направлявшиеся из центров посвящения, оракулов и мистериальных центров. В этих мистериальных центрах люди, подходившие для этого по своим задаткам и происхождению, получали так называемое посвящение. Это значит, что им сообщали мудрость, но не только древнюю. Они учились самостоятельно созерцать те духовные миры, которые в то время могли еще переживать до известной степени и другими людьми и которые в более позднее время стали целиком и полностью недоступны для обычного восприятия и мышления. Они учились поддерживать связь с высшими мирами или богами. Посвящение требовало от тех, кто ему подлежал, строгой телесной аскезы и труднейших душевных испытаний, ибо никто, отягчённый самостью не мог переступить границу духовной страны.

Все мистерии строго сохранялись в тайне, чтобы огромная сила, которую давало людям посвящение, не попала в руки незрелых, недостойных людей.

Посвященные становились королями и святителями своего народа. Они были теми, кто задавал направления во всех отраслях социальной жизни. В соответствии с этими направлениями надо было жить и работать. Это относилось не только к области религии, искусства, целительства, юрисдикции, но и к сельскому хозяйству, животноводству, но и первоначально даже к размножению людей - всё регулировалось посвященными вождями. Такие вожди считались в народе богами или, по крайней мере полубогами, и воздавали почести, причём в то время случалось и так, что существа, принадлежавшие к более высокой ступени, чем человек, инкорпорировались, временно воплощались в таких посвящённых. Индусская традиция говорит в таких случаях об "Аватарах", это нечто иное, чем инкарнация. При инкарнации духовное существо входит вплоть до вещественной телесности. У "Аватаров", напротив речь идёт о частичном внедрении. Например, божественный Кришна был "Аватаром" Вишну, но не инкарнацией.

В послееатлантических культурах места мистерий продолжали своё существование; в различных центрах посвящения адепты знакомились с тайной о высшем Творце мира, Солнечном Духе, Логосе, который единожды сойдет на землю и примет человеческий облик.

Однако, несмотря на несомненное сходство, в дохристианских мистериях были и большие различия. Эти различия обуславливались различием народов, то есть, национальными различиями, и различиями культур. а также разными задачами, которые должен был выполнить каждый народ в общей эволюции человечества.

Если обратить внимание на сходство в различных видах мистерий, в их содержании, сталкиваешься с двумя явно противоположными типами. Эти типы связаны с двумя группами народов, которые направились из гибнущей Атлантиды на Восток, причём одна группа шла северным, а другая - южным путём. (Рудольф Штейнер, ПСС, т. 119 и т. 123). Исходным пунктом для обеих групп была современная Ирландия, восточная часть древнего Атлантического континента, располагавшегося сначала между современными Америкой, Африкой и Европой; эта

часть уцелела от гибели.

В Ветхом Завете идет речь об этом, как о хорошо известном. Но там говорится не о двух, но о трех потоках, представленных тремя сыновьями Ноя Симом, Хамом и Иафетом. Иафетики или индогерманцы шли северным путем через Скандинавию и Северную Россию до сердца Азии. Позднее эти движения повернули вспять, и индогерманские племена в следующих одно за другим переселениях народов продвигались из Азии обратно в Европу, где некоторые их племена остались по дороге. Южным путём через Южную Францию, Испанию, Северную Африку, Египет и Аравию шли шамиты или хамиты (потомки Хама), семиты шли средним путём, который в некотором смысле тоже можно причислить к Южному. Оба потока народов встретились в Индии, откуда начали свой исход послеатлантические культуры.

Само собой разумеется, такими передвижениями и переселениями народов по всей Земле руководили посвящённые. Библейские имена от Сифа до Ноя называют великих посвящённых Атлантической Эпохи. В самого Ноя мы отождествляем с великим посвящённым центральных мистерий Атлантиды - солнечных мистерий. Индусы называли его Ману, он подготавливал послеатлантическую эпоху. Все дохристианские культуры, которые сходились к Мистерии Голгофы в некотором смысле исходили от Ману-Ноя. Подробное изложение этих связей вы найдёте в трудах Р.Штейнера (ПСС, т. 13 и др.)

Богослужение у названных народов явно показывает, какого вида мистерии они имели, ибо народные религии были ничем иным, как вульгаризированным содержанием мистерий, принявшим всенародный характер. Посвящённые обладали содержанием познания, тогда как народ - религиозным чувством.

Северные мистерии вели ученика мистерий к божествам природы, божествам звёзд и планет - это был макрокосмический путь, тогда как южные мистерии вели посвящаемых внутренним путём, путём микрокосмическим, мистическим. Этот последний часто обозначался как нисхождение в нижний мир, - такие образы встречаются в сказках. При этом речь идёт о мистическом погружении в себя, в собственное существо, чтобы в своей собственной душе достичь творящих божественных сил, в то время как макрокосмический путь вёл сквозь покров чувственных впечатлений. Внутренний путь наиболее отчётливо просматривается в Древнем Египте. Проходя через посвящение Изиды, на этом внутреннем пути приходили к Озирису как к полуночному Солнцу. Великий посвящённый северного потока, Заратустра, указывает своим ученикам на Дух Солнца, находящийся снаружи, вовне, в Космосе.

Поскольку оба пока имели один и тот же исходный пункт и их последующая своего рода встреча происходила в Индии, лежащей далеко на Востоке, нельзя исключить возможности, что, как и в исходном пункте, при встрече происходило новое слияние обоих потоков. Это имело место в действительности. Путь Йоги, путь мистерий в Индии осознаёт и внешнюю, и внутреннюю стороны божественного мира как некое единство.

На Западе установить такое единство было труднее, поскольку мистерии оставались более скрытыми, чем в азиатском мире. Спиритуальные познания Рудольфа Штейнера, тем не менее, позволили сделать подробное описание очень скрытых мистерий Гибернии, восходящих к атлантическим временам, и ещё действовавших вплоть до первых христианских столетий. (ПСС, тт. 232, 233) В них мы находим дуализм мужского солнечного принципа и женского лунного принципа, что выражается в форме двух таинственных статуй в скрытом храме; благодаря переживаниям ученика мистерий эта двойственность обретала высшее единство. Для этого его учителя указывали ему на приближение Христа, который является носителем высшего единства Божественной духовной сущности.

Двойственность северного и южного мистерийного путей очень ярко выступала в тех феноменах, которые были связаны с двумя богами; Апполоном и Дионисом. Апполон, светлый солнечный бог надземной сферы рассматривался как бог северян. Следуя сообщениям Дельфийской традиции, он проводил зиму в своём любимом северном народе, среди гипербореев; можно предположить, что это были кельты. Дионис, чьё истинное существо следовало искать среди страшных хтонических богов нижнего мира, был одновременно и героем, жившим на земле. В далёком прошлом он проделал долгий южный путь в Индию. При этом его сопровождала целая свита вакхантов, сатиров и силенов. Здесь нетрудно увидеть параллель между потоками Ману-Ноя, тем паче, что о Ное, как и о Дионисе рассказывали, что он первый посадил виноградную лозу. Во всяком случае в такому суждению следует относиться с осторожностью. Ведь сходство ещё не есть тождество. Странствия южного потока Ману-Ноя совершались за тысячи лет до странствий Диониса, которые исследователи, рассматривающие историческую подоплёку этого мифа датируют примерно 1400 до Р.Х.

И вновь, спустя примерно тысячу лет Александр Македонский совершает тот же самый поход на Восток, будучи инспирирован божественными героями прошлого.

В середине между Западом (Гиберния-Ирландия) и Востоком (Индия) в Древней Греции северный и южный потоки соединяются: сын Апполона Орфей обновляет дионисийские мистерии Элевзина и превращает двойственность в единство (9). (См. Рудольф Штейнер ПСС, т. 124). Для

высочайших посвящённых Древней Греции бог света Аполлон и мистический бог Дионис были двумя аспектами одного и того же Божественного существа. Эти посвящённые знали, что макро- и микрокосмический пути на более высоком уровне объединяются воедино.

Нас не должно удивлять, что в раннюю христианскую эпоху Христа напрямую ввязывали с Апполоном-Орфеем и Дионисом. Изображения в катакомбах показывают Христа как Орфея или как доброго Пастыря с ягнёнком на плечах, подобно тому, как изображали Аполлона с телёнком за плечами. (Символы солнечного равноденствия в Тельце и в Овне - примечание переводчика). Известно, что дионисийский мистериальный культ был положен в основу христианского культа (10). (Это же относится и к мистериальному культу персидского солнечного бога Митры, см. например Р.Штейнер, "Мистерии древности и христианства", где автор говорит о христианстве как о соединении культов Митры и Диониса - примечание переводчика). Греческому посвящённому, который не случайно носил имя Дионисий, речь апостола Павла в Ареопаге в Афинах (см. Деяния, 17) могла открыть дорогу к мистерии христианства, поскольку "дионисийский" характер "неведомого Бога" (Деяния; 17.23) был ему хорошо известен. ("Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали, между ними Дионисий Ареопагит и женщина по имени Дамарь, и другие". - Деяния 17, 34)

Можно было бы указать и на иные стороны содержания и формы дохристианских мистерий, но чтобы не размывать картину, мы на этом ограничимся. Но вот что ещё имело огромное значение: в каждом из видов посвящения существенным было то, что тот, кто его проходил, уже при жизни переживал то, что переживал умерший, пребывающий в мире мёртвых. Оба названные пути, которые выводили за пределы обычной сферы сознания, носили ужасный, устрашающий характер. Приходилось страдать, испытывать ужасные страхи, мучительные пугающие переживания. Когда в древних легендах говорили о сверхчеловеческом мужестве героев, это было указанием на силы, которые достигались при посвящении.

В конце концов, посвящаемый мог стать до некоторой степени "обожествлённым" только вне своего тела. Тело дарило ему чувственные восприятия и переживание "я". И тем, и другим надо было полностью пожертвовать, чтобы иметь участие в царстве богов.

Вот почему в многочисленных мистериальных центрах посвящение было связано с процедурой, которая водила ученика в состояние, подобное смерти. Однако смерть была всё же не полной. Ведущий жрец или иерофант искусственно приводил ученика в состояние кажущейся смерти, полу-смерти (Scheintod), в котором ученик проводил три с половиной дня, будучи заключён в погребальную камеру, специально устраиваемую для посвятельного процесса в храмах или склепах. В течение этого времени вне своего тела находилось не только духовно-душевное существо будущего адепта; его так называемое эфирное тело, реализующее связь жизненных сил, тоже большей своей частью высвобождалось из вещественного, физического тела. В таком состоянии, прошедший предварительную подготовку человек, тем не менее оставался в сознании, то есть он не забывал впоследствии тот опыт, те переживания, которые он имел, находясь вне своего тела. Сверхчувственные органы, посредством которых мог быть воспринят Божественный мир, напечатлелись его эфирному телу, вследствие чего наступало постоянно длящееся ясновидение, которое для посвящённого, по его возвращении в физическое тело давало возможность переживать на более высоком уровне сознания. Его воскресение из смерти было в то же самое время рождением его высшего существа. С этих пор он шёл по жизни как "вновь рождённый", и, как правило, получал новое имя.

Благодаря явлению Христа на земле этот процесс изменился в своей основе - Евангелия не оставляют в этом никаких сомнений: "Царство Небесное" пришло к человеку.

Связь с Божественным Царством теперь надо было искать не вне физического тела, жертвуя земными переживаниями "я"; этого Царства с той поры можно было достичь при обычных земных условиях. Ради этого Существо Христа на глазах людей Само совершило акт собственного посвящения в теле Иисуса из Назарета. То, что до тех пор происходило сокрыто в храмах или местах оракулов в символической форме, то, что по определённому поводу всенародно проводилось в качестве культовых мероприятий, как, например, символическая смерть и воскресение на празднике Адониса (11), теперь произошло не в символической форме, но реально, фактически: подготовка, смерть, положение во гроб, Воскресение. Таким образом, деяния высшего духовного значения разыгрывались явно.

Когда в Евангелиях говорится: "Завеса в храме разорвалась надвое сверху донизу" (Матф, 27,51; Марк, 15,38; Лука, 23,45), то это было одновременно и реальными событиями, и духовным знаменем. Когда завеса в храме разодралась, то святая святых предстала перед глазами человека. Христос есть исполнение священных мистерий, ибо через Него они стали явными. После смерти и Воскресения Христа человек может достигать благодаря Ему Царствия Небесного, не проходя путём древней процедуры посвящения. Благодаря Его жертве верующие в Него имеют часть в Царствии Небесном. Мы здесь не рассматриваем вопрос о том, что "верующие" в смысле христианства по апостолу Павлу не противопоставляются "познающим" И всё же вопрос этот возникает, и в следующей главе мы займёмся им.

2.3. ХРИСТИАНСКИЕ МИСТЕРИИ

Но если христианство стало исполнением мистерий, то почему же после Голгофы тайные пути посвящения сохранились? Почему помимо церковного христианства существовало ещё тайное, эзотерическое христианство?

Благодаря деянию Христа началось новое мировое становление, имеющее значение для всех людей земли, несмотря на тот факт, что для большей части человечества не было возможности осознать это. Даже те, кто последовал за Христом в Палестине и верил в Него как в Мессию, очень отличались друг от друга по уровню своей человеческой зрелости. Даже среди 12 учеников были более продвинутые и менее продвинутые, если позволено в данном случае использовать столь тривиальное выражение. Понятно, что уровень духовного развития определялся способностью понимания, уровнем рассудка.

То, что Иисус Христос выступает как брат людей, как друг грешников и мытарей, как Учитель народа, которому Он в образной форме возвещает о Царствии Божием, не противоречит и тому факту, что Он в то же самое время выступает как высший Богочеловеческий Иерофант обновлённых мистерий. Также выявляется и то, что созревшим Он даёт возможность первыми пройти христианское посвящение. Но Он делает это, соблюдая старую форму. В этом смысле пишет Рудольф Штейнер о "воскресении Лазаря" как о древней форме процесса посвящения, который, тем не менее, совершается на глазах непосвящённого окружения. (ПСС, т. 8) Тем самым Иисус Христос выразил то, что древние храмовые тайны должны быть раскрыты.

Лазарь был учеником, "которого любил Господь", и который после своего посвящения стал носить имя "Иоанн". Выражение "его любил Господь" имеет значение в связи с мистериями, оно обозначало того, кто был наиболее зрелым, кто воспринял наивысшие тайны.

Становится понятным, что в христианскую эпоху эзотерический поток исходит от индивидуальности Иоанна с его Евангелием и Откровением (Апокалипсисом). Те, кто в средневековье искали истинного, не секуляризованного, сделавшегося внешним христианства, называли себя **иоанновыми христианами**.

В лекциях прочитанных Рудольфом Штейнером в 1906г. в Париже, которые были в виде реферата представлены французским писателем Эдуардом Шюре (ПСС, т.94) Р.Штейнер указывал на братства, которые чувствовали себя иоанновыми христианами. К св. Иоанну (Богослову) имели отношение: альбигойцы, катары, тамплиеры и розенкрейцеры. Р.Штейнер говорит о них: "Все они занимались практическим оккультизмом и относились к этому Евангелию как к своей Библии, своему молитвеннику. Можно даже считать, что легенда о Граале, о Парсифале и Лоэнгрине исходит от этих братств, и что она была популярным выражением их тайных учений".

Семь ступеней иоаннового христианского посвящения (ПСС, т. 99) были ничем иным, как семью событиями, описанными в Евангелии Иоанна: омовение ног, бичевание, возложение тернового венца, несение креста и распятие, мистическая смерть, положение во гроб, Воскресение. Христианский ученик иоаннового пути должен был окончательно исключить себя из социальной жизни. Он должен был долгое время предаваться картинам семи ступеней. На этом пути, который брал за основу душевные силы, силы характера, нрава, христианский посвященный мог соединиться с Существом Христа, стать причастным Его откровению глубочайших тайн человека, земли и мира.

При дохристианском посвящении ученик должен был целиком и полностью отдать себя во власть посвящающего учителя. Иоаннов ученик, напротив, обретал Учителя лишь в самом Христе. Христианское посвящение хотя и происходи в состоянии отрешённости, но уже не связано более с определёнными местами мистерий и оракулов, как и само христианство не связано с каким-либо определённым местом. В качестве подготовки к той или иной ступени посвящения ученик медитативно погружается в Евангелие от Иоанна. При этом особое значение имели его первые слова (1-14); от них исходила, и всегда исходит особенная сила.

Этими начальными словами Иоанн (Богослов) ставит своё Евангелие в ряд, относящийся к традиции Мистерий ЛОГОСА, Мистерий Слова, важнейшим центром которых в древнегреческом и азиатском мире был храм Артемиды в Эфесе (сноска об Эфесе). Мистерии ЛОГОСА, представленные в секуляризованном, мирском виде у Гераклита Эфесского, стоиков и других философов, а также в мыслительных течениях евреев и христиан привели к так называемому учению о ЛОГОСЕ (12). Египетские мистерии Изиды и Озириса тоже представляли собой Мистерии Слова, посредством которых посвящаемый проникал к истинному творению мира. С помощью лаконичных слов "И Слово стало плотью" Иоанн говорит не более и не менее, как то, что само Высшее Творящее Существо, а именно то, к Которому приводило посвящение, реально воплотилось в Иисуса из Назарета. Он, следовательно, указывает первыми четырнадцатью строками своего Евангелия не только на древнюю мудрость Азии, Египта и Древней Греции, но и констатирует её осуществление, исполнение: Бог действительно стал человеком!

Ещё два других элемента, принадлежащие к христианскому посвящению должны мы взять из Евангелия от Иоанна и присоединить к нашей теме. Оба они представляют собой известные, но недостаточно хорошо понятые моменты из драмы Страстей Господних на Голгофе.

Иисус говорит с креста своей Матери об ученике, которого Он любил: "Жено, се сын Твой!" А ученику Он говорит: "се Мать твоя!" Затем в тексте говорится: "И с этого времени ученик сей взял Её к себе". (Иоанн, 19, 26-27) (13). Почему взял он Её к себе? Иоанн взял Мать Иисуса в своё собственное существо.

Почему здесь Он не называет Её Марией, да и нигде в своем Евангелии не называет Её так? Он называет Её иносказательно "Мать Иисуса"; тем самым он приоткрывает тайну, которая была хорошо известна христианскому гнозису в целом. MATER DELAROSA, Которая стояла под крестом на Голгофе, несла в Своём Существо девственные космические душевные силы, которые называли Софией, Премудростью. Мария - имя экзотерическое, София - эзотерическое. Это Существо Софии, "очищенное астральное тело" надо было принять Иоанну. Так Христос возлагает на него задачу открыть для людей путь к очищенным, чистым душевным силам. То, что в дохристианских мистериях называлось катарсисом, очищением, стало для христиан путём Девы Софии. Кто стремится очистить низшую часть души от земной скверны, кто делает свою душу чистой Девой, может принять в себя духовный принцип, принять Святого Духа, может быть оплодотворён Им и пробуждён к вечной жизни.

Почитание Марии, которое играло такую важную роль в средние века, возникло первоначально из христианского посвящения и имело эзотерическое значение у рыцарей Ордена тамплиеров.

Иоанн был единственным учеником из внутреннего круга двенадцати, который стал свидетелем Распятия. Он был единственным, кто сообщает, как римский солдат ударил своим копьём Иисуса в бок, причём из раны истекла кровь и вода. Всё, что в позднейшей легенде о Граале сообщается о Мистерии крови и копья, выводится из этого места в Евангелии от Иоанна. Мы можем увидеть отсюда, что тайна Грааля является квинтэссенцией иоаннового христианства. Несмотря на то, что эту возникшую позднее легенду возводят не к Иоанну, а к Иосифу Аримафейскому, - из чего можно было бы заключить, что мы имеем дело с двумя различными эзотерическими потоками (15), правильнее было бы, по моему мнению, больше внимания обращать на согласованность, нежели на различия. Вот почему ценны также и те аспекты христианской эзотерики, которые связаны с Апостолом Павлом, гностиками и Мани (манихеями).

Благодаря Явлению Христа на Земле начался новый поток посвящения, исходящий от Него и к Нему же притекающий. В нём главное содержание, объединение и цель всех духовных стремлений. Ведь может существовать, собственно лишь одно единственное неделимое эзотерическое христианство. И если Христос является осуществлением, исполнением чаяний древнего посвящения, то и оно должно быть принято в этот новый поток. Дохристианские мистериальные культуры исчезли, но их субстанция должна была в некотором смысле воскреснуть, обновиться в свете новых мистерий.

И всё же в христианской эзотерике имеются различия. Разные люди, мощные индивидуальности (можно назвать их учителями человечества) имели своей задачей перенести старое в новое. Мы видим Апостолов или людей, напрямую связанных с их кругом, которые разыскивали места, где скрывались древние мистерии: Иоанн направляется в Эфес, Павел, совместно с Дионисием Ареопагитом оснует эзотерическую школу в Афинах вблизи мест древних Элевзинских мистерий, Иосиф Аримафейский направляется на Запад и вносит эзотерическое христианство в мистериальную культуру кельтов.

Даже дорога Апостола Петра в Рим связана с одной из мистерий. В Риме с незапамятных времён находился Палладиум (маленькая статуя Афины Паллады - Афины Потрясающей), закопанный под храмом Весты в центре города, Палладиум, который прежде был духовным средоточием Трои. Эта статуя была связана в солнечных мистериях. Христианские посвящённые знали, что Рим был центром скрытого солнечного символа (Рудольф Штейнер ПСС, т.208). Константин Великий несомненно должен был знать о духовной силе Палладиума, поскольку он переместив центр, столицу Римской Империи в город Византий, тайно взял Палладиум из Рима и в городе Византии, который стал потом называться Константинополь (Царьград) закопал Палладиум под одной высокой колонной.

Вплоть до четвёртого столетия христианство ещё повсюду примыкало к древним мистериям. Мы помним о том, что месса, литургия была метаморфозой дионисийского мистериального культа.

В Александрии и Антиохи, центрах эллинистической культуры, жили величайшие учителя древнего христианства: Ориген, Клемент Александрийский, Лукиан и Арий, которые благодаря своим учениям о философии Платона и Аристотеля прямо или косвенно примыкали к древним мистериям. Весь христианский гнозис с его, хотя и сомнительными, но грандиозными воззрениями о человеке и космосе были ничем иным, как отмирающей сущностью мистерий, которая нуждалась в обновлении. Итак, несмотря на доминирующие различия, поиски Христа означали поиск той реальности, которая могла бы все эти различия упразднить.

Мы могли бы наблюдать, как происходило следующее: древние мистерии умирают, а после

четвёртого столетия полностью исчезают. Когда-то цветущие святилища и храмы Элевзина, Эфеса и Самофракии лежат в руинах. В то же самое время из Рима, от правящей в Риме христианской Церкви явно исходит тенденция, направленная на уничтожение, на разрушение всех мистериальных традиций, всех связей с древней мудростью. Возращается враждебность по отношению ко всякой эзотерике, длящаяся по сей день. Позднее эта враждебность начинает господствовать не только в церкви, но и в науке, ею проникается и общественное мнение.

Августин, великий Отец западной церкви выступил как открытый враг манихейства, то есть выступал против важнейшего эзотерического потока гностицизма. Оригена и Климента Александрийского Римская Церковь объявила еретиками, как и Ария. Император Восточной Римской Империи, Византии, который построил в своём городе храм св. Софии, закрыл Академии, в которых преподавалась древняя мудрость (17).

На Западе и в Средней Европе, где до шестого, седьмого веков большое влияние оказывало ирландское христианство примыкавшее к кельтским и германским мистериям, тоже происходила романизация, означавшая уничтожение древнего мистериального элемента. Имела место и ассимиляция, которая в то же самое время означала приобретение этим древним мистериальным элементом слишком внешнего характера, что вело к их ослаблению и, в конце концов, к распространению догматизма.

Начиная с четвёртого столетия по Р.Х. ищущие души не находили реализации своих духовных запросов в стремящейся к власти Римско-католическом церковном христианстве. Император Юлиан, так называемый Отступник (Апостата) был глубоко разочарован, когда у христианских священников не нашёл ответа на вопрос о солнечной тайне Христа (18). Эзотерика должна была становиться всё более скрытой. Таким образом она превратилась в своего рода неизвестную главу в истории Европы; неизвестную, скрытую, но исполненную значение для развития Европы.

К характеристике этого эзотерического христианства относится также и то, что оно в определённые моменты выступало на свет, а затем снова исчезало, чтобы позднее вновь явиться в новой форме и снова придти в кажущийся упадок, исчезнуть.

2.4. ДУХОВНОЕ ВОДИТЕЛЬСТВО

Невозможно приблизиться к загадкам Храма и Грааля, не рассмотрев при этом некоторые тайны эволюции человечества. В духовной науке появившейся в начале двадцатого века под именем антропософии Рудольфа Штейнера мы найдём целую сокровищницу сообщений о духовном водительстве человека и человечества, сообщений, которые прежде были исключительно достоянием эзотерических братств. Рудольф Штейнер под свою ответственность приоткрыл некоторую часть этого тайного знания. Он действовал на основе прозрения о необходимости этого в настоящее время. Он мог и смел делать это потому, что получил свои знания не из какой-либо традиции, а на основе собственного исследования. Никого не должно удивлять, что такое разоблачение, раскрытие тайного знания вызвало непонимание и нападки.

Рудольф Штейнер доверил интимное эзотерическое содержание только членам антропософского Общества, так что это содержание осталось, прежде всего, в замкнутом круге. Циклы и лекции для членов Общества, однако, попадали в руки людей, которые не были готовы к тому, чтобы принять их должным образом; вот почему эти люди по причине непонимания или злого умысла посмеивались или даже боролись с этой эзотерикой. На враждебность такого рода можно было ответить только публикацией всех без исключения лекций для членов Общества. С 1923 года все напечатанные лекции Рудольфа Штейнера стали появляться в продаже. (19)

По моему мнению, эзотерическое содержание, которое в течение семидесяти лет сохранялось в определённом кругу, теперь должно быть предано гласности, несмотря на то, что оно может вызвать непонимание, сопротивление и враждебность. В настоящее время рынок захлестнула такая волна сомнительной эзотерики, что могут возникнуть неслыханные иллюзии и дезориентация, если результаты точных исследований Рудольфа Штейнера не будут широко распространены.

Если мы рассматриваем воскресение Лазаря как посвящение, совершённое Христом, участником которого Он сделал ученика, которого Он любил, то какое суждение вынесем мы о других случаях воскресения, пробуждения от смерти, о которых сообщается в Евангелиях? Это пробуждение дочери Иаира (Матф, 9, Марк, 5, Лука, 8) и юноши из Наина (Лука)? Были ли и они посвященными, имели ли они отношение к эзотерическому потоку, как это было в случае Лазаря? Некоторый свет на эти вопросы проливают лекции Рудольфа Штейнера об Евангелии от Луки (ПСС, т. 114), но особенно интересно сообщение из одной лекции Рудольфа Штейнера, которое осталось лишь как запись в записной книжке и, по всей вероятности, не было опубликовано. Эмиль Бок поместил его в свою книгу "Три года" (20), не сообщая о подробностях. Вышеназванная запись упоминается также и в книге Ганса Петера Ван Манена "Искатели Христа и слуги Михаила". Рудольф Штейнер указывает сначала на трёх царей из стран Востока. Он называет их представителями трех дохристианских послеплатонических культурных эпох - древнеиндийской,

древнеперсидской и египетско-вавилонской. Дары, которые они приносят Младенцу, символизируют духовные плоды этих культур. Затем Рудольф Штейнер говорит, что Христос ради будущего пробудил эти три индивидуальности, которые в то же время являются представителями этих культурных периодов, поскольку дары этих периодов должны стать плодотворными в более поздних эпохах. Их воздействие в будущем является зеркальным отражением прошлого. Первая культурная эпоха (древнеиндийская) отражается в седьмой культурной эпохе (южно-американской), вторая (древнеперсидская) - в шестой (русско-славянской), третья (египетско-халдео-вавилонская) в пятой (германо-европейской).

В дочери Иаира, старшего раввина в синагоге в Капернауме пробужден представитель древнеиндийской эпохи. О том, что в данном случае происходит мистериальное деяние, можно узнать по присутствию трёх самых зрелых учеников - Петра, Иакова и Иоанна. Это те же самые лица, которые потом переживали откровение на горе Фавор. Им было велено молчать о том, что произошло в доме Иаира. Об индивидуальности двенадцатилетней девочки мы не знаем. Рудольф Штейнер не раскрыл эту тайну. Но он указал на кармическую связь между женщиной, двенадцать лет страдавшей кровотечением и дочерью Иаира. Троице ученикам было в известной мере преподано знание о карме. В соответствии с легендарными повествованиями, множество которых содержится в апокрифических сочинениях, описывающих события в Палестине, женщиной, которую Христос исцелил от кровотечения была никто иная, как Вероника, которая позднее, во время несения креста отирала лицо Иисуса. На её платке остался отпечаток Его лица.

Пробуждение Лазаря связано со второй древнеперсидской культурной эпохой. Великим учителем и представителем этой эпохи был Заратустра. Однако тот, кто как представитель этой эпохи был пробужден Христом, не был носителем индивидуальности Заратустры. Лазарь-Иоанн выступил здесь заменив Заратустру. Его "я"-существо в одной из ранних инкарнаций жило в посвященном мастере-строителе Хираме-Абифе, наиболее значительном из сыновей рода Каина. Он был тем, кто с тысячами своих рабочих смог возвести из камня, дерева и металла храм Соломона. Вот здесь то и надо искать связь иоаннового элемента со строительством храма. Рудольф Штейнер говорил, что развитие Хирама протекало в некотором смысле параллельно развитию индивидуальности Заратустры.

Величайшая мистерия христианского развития человечества нашла своё выражение в той своеобразной замене, при которой Хирам-Лазарь стал выступать вместо Заратустры. Это событие связано с явлением Христа в человеческом образе на Земле в одном из сыновей соломониной линии рода Давида. Индивидуальность Заратустры вместе со вторым существом, называемом в иудейских и дохристианских тайных учениях сестринской душой Адама (Schwesterseele Adams), получила задачу стать сосудом, который смог бы вместить Христа. Сестринская душа Адама была чистой райской частью Первочеловека, частью, не подвергшейся грехопадению. Она была рождена как второй мальчик-Иисус из рода Давидова в линии сына Давида Нафана (21) В намерения автора не входит описывать здесь мистирию, каким образом оба эти наследственных потока образовали единственную оболочку, которую мы называем Иисусом из Назарета.

Откровение Рудольфа Штейнера об обоих мальчиках-Иисусах благочестиво и убедительно описывает Эмиль Бок в своей книге "Детство и юность Иисуса" (22). При этом он опирается не только на духовные исследования Рудольфа Штейнера, но и на легенды, гностические сочинения и иные сообщения.

Мы должны попытаться с доверием отнестись к той мысли, что "я" Заратустры, которое в качестве человеческого "я" населяло тело и душу Иисуса из Назарета, оставило Его во время крещения на Иордане для того, чтобы уступить место для "я" Христа, которое при крещении вошло в человека Иисуса.

Спустя недолгое время "я" Заратустры снова инкарнировалось на земле в учителе Ария (св. Лукиан Антиохийский, 220-311гг по Р.Х.- примеч. перев.), и с тех пор известен в оккультной науке как духовный вождь под именем Мастер Иисус. От него исходят инспирации, связанные с арианством, а позднее со средневековыми течениями так называемых мистиков и "Друзей Божиих).

Заратустра, следовательно, не мог быть пробужден от смерти Христом. На его месте пробужденным стал Лазарь Иоанн. Иисус Христос Сам утвердил эту замену, когда Он с креста назвал Иоанна сыном своей Матери.

Индивидуальность Лазаря-Иоанна, о которой уже было сказано, что она инагурировала течение иоаннового христианства, эта индивидуальность стала затем - при переходе из средневековья в новое время - благодаря новому посвящению инагуратором того потока, который может рассматриваться как метаморфоза иоаннового течения, а именно, инагуратором розенкрейцерства. Ведущий дух этого потока носит имя уже не Иоанна, а Христиана Розенкрейца (Р.Штейнер, П.С. т. 130).

Третье пробуждение от смерти произошло с представителем третьей послеатлантической эпохи, египетско-вавилонско-халдейской, с юношей из Наина (Лука,7). О нём говорится, что он сын вдовы. Это выражение является техническим термином в мистериальной речи. Египетские

посвященные называли себя Детьми Изиды, печальной Вдовы, чей супруг Озирис был убит. В одной из прошлых жизней юноша из Наина был тем, кто в Саисе в Египте поднял священный покров Изиды. Этот покров, как гласил строгий запрет, - не смел поднимать ни один из смертных: это означает, никто не мог отважиться на это, не будучи подготовлен к бессмертию, не пройдя посвящения. Вследствие своего поступка ему пришлось умереть.

О его жизни как юноши из Саиса почти ничего не известно; ничего, кроме того, что люди, присутствовавшие при его пробуждении говорили "Великий пророк восстал среди нас". Однако до сих пор считалось, что сказанные слова относились к Иисусу Христу. Рудольф Штейнер был первым, кто указал, что эти слова относились к юноше. Множество народа, вышедшее вместе со вдовой, ясно показывает, что он пользовался большим почётом.

В третьем столетии по Р.Х. эта индивидуальность родилась снова и, поскольку она была пробуждена Христом, плодом этого события стало то, что она смогла вызвать к жизни мощное эзотерическое движение. Как Мани или Манес эта индивидуальность снова стала называться "сыном вдовы". В его учении - манихействе - было соединено всё то, что как мистериальную мудрость можно пережить в древних религиях, но представлено оно было в свете христианского гнозиса. Последователи древнеегипетской и вавилоно-халдейской звездной мудрости, астрологии, персидские приверженцы зороастрийского богослужения и даже буддисты могли, благодаря учению Мани, придти к пониманию христианства. Как Мани эта мощная индивидуальность действовала благодаря инспирации Параклета, Утешителя или Святого Духа, готовясь к своей последующей задаче - привести все религии к соединению.

Эта индивидуальность должна была снова перевоплотиться для того, чтобы относительно всей мудрости, относительно всякой сознательной связи со Христом, оказаться в полном неведении. Как "полный дурак" он вступает в мир как Парсифаль, сын вдовы Герцелаиды. После долгих блужданий он становится избранным королём Грааля. В соответствии с легендой Грааль, в конце концов, доставляется снова с Запада на Восток. И сам Парсифаль тоже снова едет на Восток. В этом движении выражено то, что однажды эта индивидуальность в качестве нового учителя христианства установит связь между Востоком и Западом в свете св. Грааля. При этом всё более важную роль будет играть учение о реинкарнации и карме. В некотором смысле Парсифаля следует рассматривать как представителя нашего времени, то есть пятой послеатлантической эпохи, в которой зеркально отражается третья египетско-халдео-вавилонская эпоха. Юноша из Наина - это тот, кто созревший плод египетско-халдео-вавилонской мудрости в её дохристианской форме должен перенести в современность, но уже в форме мудрости Грааля. Вот для чего был он пробужден от смерти Христом. В полном неведении Парсифаля выражается характерная черта современного человечества. Человек нового времени должен посредством "неведения" и сомнения, скептицизма, от "тупого скептика", как называет Парсифаля Вольфрам фон Эшенбах, снова обрести "душевность", придти к одухотворению.

Если задаться вопросом; не был ли и представитель иудейства пробуждён от смерти, то следует обратить внимание на Апостола Павла. Посвященный фарисей Савл благодаря своему переживанию на пути в Дамаск становится христианским посвященным Павлом. Он не встречает смерть, подобно Лазарю или дочери Иаира, или юноше из Наина, но он в течение трёх дней остаётся слепым и не может ни есть, ни пить. Он не является представителем старой, отмирающей культуры. Он должен глубочайшим образом пережить трансформацию древнего морального закона в христианскую любовь. Его "обращение" - это и есть новое посвящение. В его апостольском путешествии его сопровождает Воскресший, на что ясно указывается в его Посланиях.

Апостола Павла можно непосредственно примкнуть к греческим мистериям. Руководимая им и Дионисием Ареопагитом школа в Афинах явилась истинной мистериальной школой (23). На основе эзотерической христианской инспирации великий художник Рафаэль изобразил встречу Ап. Павла и Дионисия Ареопагита на своей знаменитой фреске "Афинская школа" в "stanza della signature" в Ватикане. Мнение о том, что обе центральные фигуры представляют собой Платона и Аристотеля, основано на заблуждении или ошибке (24). В этой Афинской мистериальной школе преподавали эзотерический гнозис. Знание о высших иерархиях и их связи с Божественной Троицей было без сомнения центральной частью этого обучения. Об этом говорит широко известное сочинение о небесных иерархиях, которое несколькими столетиями позднее появилось на основе эзотерики апостола Павла и Дионисия (О небесных иерархиях). Мы можем допустить и то, что всё, написанное Павлом в его Посланиях к христианским Общинам в более экзотерической форме, преподавалось в Афинах как познание посвящения. Мы здесь в первую очередь подразумеваем христианские добродетели веру, любовь и надежду которые явились метаморфозой платоновских добродетелей: мудрости, умеренности и мужества.

Петр (вера), Иоанн (Любовь) и Иаков (надежда) рассматривались как представители этих трёх добродетелей. В "Божественной комедии Данте" есть одно место, где поэт описывает, что ему пришлось сдавать названным апостолам небесный экзамен в отношении этих добродетелей (Рай, песни 24, 25, 26).

У тамплиеров было три ступени, три градуса посвящения, связанные с тремя добродетелями и их представителями Петром, Иоанном и Иаковом. К этому мы вернёмся позднее более подробно.

В этой связи большую важность приобретает также следующее: влияние эзотерики апостола Павла и Дионисия на Западную Европу известно. Помимо прочего, оно отражено в легенде о св. Денисе, который пришёл в Париж и претерпел там мученическую смерть (25). Можно сомневаться в историчности этой легенды, однако известно, что его сочинение на греческом языке о небесной иерархии было переведено в Париже ирландским монахом Скотом Эриугеной.

В меньшей степени выявляется связь между эзотерикой апостола Павла и мистериальном центре на Чёрном море. Рудольф Штейнер тоже говорит об этом центре очень немного. В небольшом цикле из трёх лекций в 1912г. мы находим следующее (ПСС, т.155)." В Колхиде на побережье Чёрного моря в древности была основана мистериальная школа, которая существовала довольно долго и в христианскую эру. Здесь действовали учителя, инспирированные Буддой, который после его последней инкарнации как Гаутамы Будды открывался уже не на Земле, но лишь в духовных сферах. Учение о равенстве и братстве среди людей, так характерное для буддизма, было в этих мистериях связано с христианством. Учеников этих мистерий направляли так, чтобы они могли воспринять христианские импульсы с особой интенсивностью. Они могли также развивать ясновидение, так что они становились особыми посвященными, которые, следуя апостолу Павлу в особенный момент своей жизни воспринимали христианский импульс помимо церковных таинств. Мы считаем, что Франциск Ассизский в своей прежней жизни был посвящен в мистерии Колхиды. Рудольф Штейнер описывает, как глубокая моральность Франциска Ассизского, которую он не проповедовал, но которая струилась из него сама как целительная сила, коренилась в этом колхидском посвящении, при котором три импульса - вера, любовь, надежда были заложены в его душу как всепроникающие силы.

Прежде, чем мы обратимся к Северо-Западной Европе, для того, чтобы увидеть, какое мистериальное течение, вытекая оттуда под руководством посвященных учителей, связывалось с Мистерией Христа надо ещё раз сказать о роли, которую на повороте времён сыграл в мировой истории Аристотель. Мы остаёмся в рамках темы "духовное водительство", и хотя может показаться, что мы удаляемся от основной темы о храме и Граале, будет всё же показано, что аристотелевское течение было для этой темы столь же значительно, как и вышеописанное "пробуждение от смерти".

2.5. МУДРОСТЬ И НАУКА

Древнегреческая философия, достигшая своего апогея в лице Платона и Аристотеля, была детищем мистерий. В то время как у Платона в образных диалогах сквозь философские понятия ещё просвечивает их мистериальная подоснова, у Аристотеля, великого ученика Платона, эта подоснова гораздо более скрыта. Аристотель совершенно сознательно скрывает эту мистериальную подоснову, или можно было бы также сказать, что он открывает эту мистериальную подоснову в абстрактно-логической форме.

То, что в древности было мистериальной мудростью, позднее становится известным: сначала от поэтов, в образной форме, позднее от философов в понятиях. Мудрость "отдельного" посвященного становится для повзрослевшего человечества наукой.

Труды Платона и Аристотеля в некотором смысле представляют собой кульминацию древнегреческой культуры, которая во всех своих аспектах отражает вочеловечивание, воплощение в человека Божества, - и в скульптуре, и в литературе и философии, и в общественной жизни. Благодаря этому греческий мир был подготовлен, подготовительной ступенью к Явлению Христа на земле: хотя подготовка носила иной характер, нежели в иудаизме, оно было не менее важным.

В христианской теологии, матери всей западной науки, платонизм и аристотелизм играли важную роль потому, что теология пыталась согласовать евангельские вероисповедные истины с греческой философией. В этом процессе возникли изменения и ограничения по отношению к первоначальному образу мыслей обоих философов, основы которого всегда носили мистериальный характер. И причиной тому были не только произошедшие с того времени изменения в человеческой душе, но и вполне осознанное стремление в кругах римско-католической Церкви изъять все мистериальные элементы из христианства и полностью искоренить язычество. (Р.Штейнер П.С. т.175). Искажение и извращение сочинений Аристотеля и его философии было прежде всего делом арабских учёных; только позднее благодаря арабизму его труды стали достоянием христианства и западной учёности.

Особое значение для нашей темы имеет изучение этого развития, ибо оно показывает как из столетия в столетие все эзотерические христианские потоки соприкасались с одной стороны с римско-католическим христианством, а с другой - с арабизмом. Это одинаково верно как по отношению к рыцарям Грааля, так и к тамплиерам и розенкрейцерам.

В этой связи нам хотелось бы даже чистый платонизм и аристотелизм, которые по существу не

противоречили друг другу, причислить к течению эзотерического христианства. Эта точка зрения совпадает с точкой зрения Вальтера Иоганна Штейна в его книге "Мировая история в свете св. Грааля".

Здесь мне не хотелось бы проследивать дальше платоновскую линию, которая уже в неоплатонизме изменила свой основной характер, чтобы через Плотина достигнуть Августина, основателя римской ортодоксии, но я хотел бы вместо этого, проследить развитие аристотелизма.

Об Аристотеле мы знаем, что наиболее близким, хорошо подготовленным ученикам, помимо универсального знания, которое он преподавал в Лицее, он сообщал также тайные знания, которые назывались акроаматическими (сообщаемыми устно, воспринимаемыми на слух)(26). Без сомнения можно считать, что эти тайные знания ещё имели прямое отношение к природной мудрости Элевзинских мистерий, следовательно, к той мудрости, которую Аристотель получил однажды от Платона.

В биографии Александра Македонского Плутарх рассказывает, что Александр написал письмо своему учителю Аристотелю, в котором упрекает его за то, что тот в своих трудах открыл кое-что из содержания своего тайного учения. (Цитата) Характерен сухой и трезвый ответ Аристотеля: "Знай, что это опубликовано, но всё же не опубликовано. Понять это смогут лишь те, кто слышал это от нас самих".

Без сомнения, упомянутые здесь тайные знания имеют отношение к естественнонаучным трудам философа. Но при более точном исследовании его метафизика имеет точно такое же отношение к мистериальным откровениям, выраженным в абстрактных понятиях. При этом подразумеваются Самофракийские мистерии Кабириов и Эфесские мистерии Логоса. Рудольф Штейнер на основе своих спиритуальных исследований даёт несколько необычную интерпретацию разговора между Платоном и Аристотелем, который, согласно традиции состоялся в Академии и из которого делают вывод о разрыве между обоими философами. По мнению Рудольфа Штейнера, Аристотель получил задание облечь в абстрактные, лишённые образа понятия ту древнюю мудрость, которая в философии Платона ещё находилась в образной форме. Так что "разрыв" был вполне преднамеренным (П.С. том 232)

Давая и исполняя такие поручения Платон и Аристотель содействовали приближающейся Мистерии Христа. В то время как Существо Христа из солнечных высей ниспослано по нисходящему пути, чтобы примерно через триста лет явиться в Иисусе из Назарета, Аристотель выковывал из космической звёздной мудрости чашу своей логики. СЛОВО, ЛОГОС стал плотью, пришёл к человеку и низвёл из высот в глубины Царство Небесное. Благодаря Аристотелю человеческая душа получила инструмент для того, чтобы воспринять Дух христианства, ибо в логическом мышлении можно было почувствовать нечто родственное Солнечному Духу. Но если чувство этого родства утрачивается, то логика может стать инструментом антихристианства. Не одна только логика Аристотеля может рассматриваться в качестве служебного инструмента на повороте времён; рассуждения Аристотеля о душе, об этике, о природе неба и земли были в первую очередь предназначены для того, чтобы обновить деградирующие мистерии Азии и Египта и создать метафизические покровы, в которые могло бы облечься юное христианство.

Не следует удивляться словам "предназначены" и "рассматриваются". Мы отваживаемся допустить, что Аристотель и его царственный ученик Александр вполне сознательно смотрели в будущее и были непосредственно инспирированы Духом Времени, которым в том столетии был Солнечный Архангел Михаил (27), вестник Христа. В особенности Александр во всех своих проявлениях и своих походах имел всепобеждающую репутацию солнечного героя, посвящённого сына Божия. За двенадцать лет он осуществил сверхчеловеческие деяния, принёс аристотелизм впадающему в упадок миру древней мистериальной культуры. Благодаря этому импульсу, распространившему эллинизм в Передней Азии и Египте упадок древнего мира был надолго приостановлен. Древнегреческий язык стал всемирным языком, древнегреческая философия и наука оплодотворили восточную и египетскую мудрость; мировая культура шла вослед всемирной Империи Александра, которая распалась сразу же после его смерти. В этом спиритуально-космополитическом элементе, под влиянием которого оказались даже римские варвары, могло быть принято христианство. Греческий язык - это язык Евангелий, Посланий Ап. Павла, Апокалипсиса, а также всех гностических сочинений как христианских, так и иудейских и языческих. Греческий язык - это изначальный язык христианской литургии, а алтарные таинства называются "мистерионом".

Какова же была судьба философии Аристотеля, и каким был её путь на Восток и на Запад?

Благодаря ученику Аристотеля Теофрасту и другими путями, труды, посвященные логике попали на Запад. Там они становятся фундаментом философии и науки не только средневековья, но и нашего времени. Напротив, естественнонаучные труды благодаря Александру Македонскому сначала проникают на Восток и только через несколько столетий, будучи отфильтрованы и интеллектуализированы арабизмом, возвращаются назад в Европу.

Совсем непросто отыскать следы трудов Аристотеля в Передней Азии. Когда в 640г. по Р.Х. они были открыты в Академии Гондхисапура, они уже проделали долгий путь из Афин через

Антиохию, Эдессу и Низибю, где преподавал Аристотель, и вернулись в эту несторианско-христианскую Академию (28).

За тысячу лет, истекшие со времён Аристотеля и Александра происходило не то, что, возможно входило в первоначальные намерения духовного водительства человечества; слияние древнегреческих мистерий в одежде аристотелизма с обновлённым парсизмом, насколько это было возможно в свете Мистерии Христа. Местом встречи мог бы стать Гондхисапур, и это слияние могло бы вполне войти в течение, подготавливавшее Мистерию Голгофы. Великий учитель Древней Персии Заратустра за тысячу лет до того возвещал Солнечного Духа, который низойдёт в одно человеческое существо, в Спасителя (По яшту 19:89 из Авесты):

Могучую и царственную весть несущую,
 Эфирную Ауру Солнца, Богом творимую
 почитаем мы в молитве;
 Она переходит на победоносного Спасителя
 и на других, Его апостолов,
 кто ведёт мир вперёд,
 кто одолевает старость и смерть,
 разложение и тлен,
 кто ведёт вас к вечной жизни,
 к вечному процветанию,
 к свободной воле,
 если мёртвые снова восстанут,
 и придёт Живой Победитель смерти,
 и волей подвигнет мир вперёд.
 (перевод на нем. Герман Бек)

Три мудреца, из утренних стран, три мага, котрые как последние ученики Заратустры жили в стране Саба (Йемен), знали, что в Спасителе будет инкарнирована сама индивидуальность Заратустры. Они созерцали его как нисходящее "Я"-существо, как золотую звезду (Зоро-Астр) и направляли по ней свой путь, чтобы принести ему дары. Парсизм был до некоторой степени подготовлен к тому, чтобы понять человеческую природу Иисуса. Греческая же мудрость могла проникнуть в тайну Воскресения, в Божественную природу Христа Иисуса. Понимание этих тайн подготавливалось в Элевзинских мистериях. Дионисий Ареопагит, греческий посвященный, по словам Ап. Павла признавал Воскресшего как "неведомого Бога" мистерий. Только что описанные влияния прорабатывались навстречу друг другу с двух сторон: через государственное христианство Константина Великого и через Сасанидский нео-парсизм. Восточная Римская Империя (Византия), которая простиралась от областей Передней Азии до персидских границ и которой арабские походы в ? веке по Р.Х. нанесли территориальный ущерб, была, несмотря на свою эллинистическую культуру зависима в религиозном отношении от Рима. Государственная религия, поставленная под контроль Константином Великим приняла ярко выраженный римско-юридический характер, который ало соответствовал истинному духу христианства. Различные Соборы, начавшиеся Первым Вселенским Собором в Нике (325г. по Р.Х.), на котором подверглось осуждению учение Ария, становились вехами на пути развития "ортодоксии", православия, что означало гибель первоначального христианства. Даже несторианское христианство, которое было сильно связано с философией Аристотеля, было объявлено еретическим (Третий Вселенский Собор в Эфесе) и должно было исчезнуть из Империи (31). На Востоке, в странах второго потока, возникло новое Персидское или Сасанидское царство (224-651 г. по Р.Х.), первым царём которого был Ардашир I. Древнее богослужение Зороастра было здесь снова восстановлено внешним образом, служение священному огню было обновлено, но внутренний духовный огонь отсутствовал. Единственным движением, которое ещё могло снова возродить этот внутренний огонь, было манихейство. Мани, урождённый перс, принёс настоящее обновление парсизма своим мощным учением о царстве света и царстве тьмы: это учение сделалось внутренним благодаря мистической силе Христовой жертвы. После того как о нём услышали в новом персидском царстве Сасанидов, царь Бахрам I в 276г. приговорил его к смерти. Он умер в тюрьме, его труп был страшно изуродован и выставлен на позор и всеобщее обозрение на городских воротах Гондхисапура. Несмотря на то, что манихейское учение в новом персидском государстве беспощадно преследовалось, воспоминания об этом духовном течении хранились вплоть до времён халифов. Это можно узнать хотя бы по тому, чт имена прямых последователей Мани, вождей манихейской общины, были записаны в фирист (32) 987 г. по Р.Х.

И всё же продолжительная связь между греческой наукой Аристотеля с персидско-манихейской религией не могла осуществиться, не говоря уже об их взаимном слиянии. Посвященный в Элевзинские мистерии Император Юлиан "Отступник" страстно искал этой связи. Его поход на Восток не был обычным завоевательным походом, что было и в случае походов Александра

Македонского. Он вёл наступление на те области, где он должен был найти тайну Солнца. Можно сказать, он искал обновлённые благодаря Мани, Солнечные мистерии Персии. Но Мани был мертв, а сам Юлиан пал от рук убийцы недалеко от города Гондхишапура. Через двести лет на трон Константина Великого, который сделал древний греческий город Византий Римом Востока (Вторым Римом - примеч. перев.), занял император совсем иного склада, нежели благородный, исполненный трагизма Юлиан. Фанатичный ортодокс Юстиниан I закрыл в 529 г. по Р.Х. "языческую" философскую школу в Афинах. Исполненная благочестия, существовавшая почти тысячу лет Академия Платона должна была исчезнуть. Гонимые ученики мудрости бежали ко двору царя Хосроя I из династии Сасанидов. Эта эмиграция греческих учёных, которые лишь на короткое время оставались в Персии, была похожа на то изгнание, вследствие которого в более ранние столетия философия Аристотеля достигла Персии.

В Гондхишапуре осуществлялась в седьмом веке по Р.Х. связь иного рода, а именно между Аристотелем и арабами. Эти воинственные и любопытные сыны пустыни в кратчайший срок захватили большую часть Византийской Империи и нового Персидского Сасанидского царства. Они проявили большую остроту ума и с жадностью восприняли господствующую там культуру. Труды Аристотеля были там переведены на арабский язык. Академия Гондхишапура стала центральным пунктом драгоценной учёности, особенно в области медицины, которая охватывала тайны человека и природы.

В восьмом столетии центром учёности и утончённой культуры становится вновь основанный Багдад. Завоевательное стремление арабов ведёт их всё дальше через Египет и Северную Африку в Испанию, где возникает так называемый Западный Халифат, столь же блистательный, как и Багдад на Востоке. На этом пути Аристотель в одеждах арабизма приходит на запад. Его естественнонаучные труды были переведены сначала на сирийский, а позднее все - на арабский. Это повелел сделать сын Гаруна-аль-Рашида и одной персидской женщины Аль-Мамун, котоому Аристотель явился во вне:

"Аль-Мамун увидел особенно прекрасного по виду мужчину и спросил его: "Кто ты?" "Аристотель", ответило явление. Аль-Мамун спросил его о причине его красоты. Аристотель ответил, что это красота духовных мыслительных законов."

Вот почему мыслящий как перс Аль-Мамун отдал приказ перевести всего Аристотеля.

Борьба за гегемонию между арабским и персидским элементом в Восточном Халифате во время правления Гаруна-аль-Рашида шла с явным ущербом для персидского элемента; Гарун-аль-Рашид велел отрубить голову своему персидскому Великому визирю, а сильный родовой клан визиря - клан Бармакидов велел искоренить. Эта борьба означала, в сущности, атаку одностороннего исламского лунного принципа на солнечный принцип. Луна бунтовала против Солнца, вместо того, чтобы с любовью нести его.

Тем самым мы касаемся центральной части, сердцевины нашего рассмотрения: как мотив Грааля раскрывается в мировой истории. Существо Солнца шаг за шагом, по градусам (33) спускается к Земле. Его приход должен быть там подготовлен, воспринят и несом. Такова служебная функция, соответствующая сущности Луны. Лунные силы действуют в размножении, в наследственности, во всей мудрости природных законов, в инстинктивной любви, происходящей из кровного родства. В некотором смысле древняя мудрость мистерий есть дар Луны: отражённая гармония звёздного и солнечного миров.

Связь Солнца и Луны является важнейшим аспектом тайны Грааля. Мы находим её ещё в дохристианское время в образе лунного серпа, который охватывает солнечный диск и одновременно несёт его. Солнечный Дух - Христос спускается вниз в лунную оболочку Иисуса. Иисус из Назарета является наиболее благородным в израильском лунном течении, которое хочет послужить Солнцу. Его человеческое "я" есть "я" высочайшего посвящённого древне-персидской культуры, "я" Заратустры, которое на Иордане уступает своё место Божественному "Я" Христа.

Греческая мудрость есть "лунный экстракт" мистерий, происходящих из Азии. Логические законы Аристотеля являются лунной чашей, сформированной для того, чтобы постичь Солнечную Сущность. Аристотель и Александр - слуги Солнца, слуги Михаила, котрые возвращают в Азию **духовный Эфес**, - ведь Эфес был святилищем Лунной Богини, лунным импульсом - его то они и возвращают, чтобы подготовить путь христианству.

Когда же лунный принцип поднимает мятеж против Солнца, то возникает антиграаль. Тот полумесяц, который отклоняет от Христа, приходит в непосредственную область зла. Гарун-аль-Рашид велел принести голову своего персидского Великого визиря на блюде: вот всемирно-исторический образ антиграаля!

Персидский элемент, вступивший в связь с чистым аристотелизмом, образует лунную чашу древней мудрости. Одна удивительно красивая средневековая легенда сообщает о белой Лилии Бланшфлёр, которая была заключена в башне Вавилонского эмира, из которой её освободил розовый юноша Флор. Величественно и грациозно действует описание впечатления, которое производила на эмира и его вассалов красота Бланшфлёр. Итак, здесь, как и во сне Аль-Мамуна прекрасный блеск мудрости брезжит людям Востока. Культурный импульс арабизма постоянно

колеблется туда и сюда между позитивным и негативным аспектом лунного принципа. И с этими колебательными движениями связана также и судьба аристотелизма. Позитивный аспект состоит в том, что мистериальная мудрость, пусть даже в сильно отфильтрованном и интеллектуализированном виде, - хотя знающие еще могут узнать её, - переносится в Европу. Так известие о Граале из Прованса в качестве звёздной мудрости приходит к Вольфраму фон Эшенбаху, а именно через Киота, который находит таинственную книгу Флегетаниса в мавританском Толедо и приносит её Вольфраму.

Эзотерическая книга Аристотеля, его труд об алхимии, достигает Запада на арабском пути (см. глава 4.7). Она попадает в руки одного португальского рыцаря и, в конце концов, оказывается у Василиуса Валентинуса, известного алхимика. Алхимиками и розенкрейцерами были те, кто культивировал природную мудрость мистериального характера. В "Fama frateritas" Валентина Андреа описано, как Христиан Розенкрейц получал мудрость на Востоке и в Испании для того, чтобы затем снова связать её с Мистерией Христа.(39)

Вследствие негативного воздействия лунного импульса в арабизме мудрость мистерий отделяется от солнечного элемента. Она становится интеллектуальным знанием, холодной учёностью и несёт в себе смертоносную силу материализма. Беря своё начало от западноевропейских университетов, таких как Парижский или Оксфордский, эта форма арабизма оказывает решающее влияние на христианскую культуру.

В схоластике 13 столетия по Р.Х. великие доминиканцы Альберт Великий и Фома Аквинский выступают против этого негативного воздействия лунного импульса. Во имя чистого аристотелизма они ведут борьбу с "арабизированным" аристотелизмом. Их христианская, солнечная интеллектуальность возвращает мышлению исполненную смысла задачу: стать носителем откровения, исследователем сверхчувственного: это и есть импульс Грааля в его наивысшем, чистейшем содержании.

Но негативная сторона завоёвывает триумф: европейская наука арабизируется. Благодаря Роджеру Бэкону номинализм одерживает победу над реализмом, защитниками которого были Альберт Великий и Фома Аквинский: так христианская Европа капитулирует перед полумесяцем. Р.Х. при Пуатье, христианские мыслители оказались побеждёнными в борьбе против интеллектуальных сил Кордовы.

Надо ли удивляться, узнавая от Рудольфа Штейнера, что Френсис Бэкон, основатель естественнонаучного материализма, примыкающего к схоластическому номинализму, был перевоплощённым Гаруном-аль-Рашидом? (ПСС т. 235-240) Читая сочинения Френсиса Бэкона мы сталкиваемся с анти-аристотелизмом. Его "Новый Органон" есть материалистический ответ на звёздную мудрость древнегреческих мастеров. Его "Новая Атлантида" есть гениальная псевдонаучная новелла, в которой описана своего рода суперакадемия Гондхипапура: дом Соломона на таинственном острове Бенсалемс.

Позитивный арабизм на Востоке был погублен тюркизмом, который становился всё сильнее в Восточном Халифате. Борьба, которую тамплиеры в 12 и 13 веках по Р.Х. вели за Гроб Господень была борьбой с тюркским исламом, но не с высокообразованными арабами. Однако в это время дух древних мистерий ещё не совсем исчез на Ближнем Востоке. Разными путями этот последний отблеск мудрости ещё притекал в Европу благодаря крестоносцам, тамплиерам, купцам и иудеям. Однако источник его был опустошён, он иссяк посреди варварства Османа и Тамерлана (35). Негативный лунный аспект охотно вступил в связь с агрессивностью Марса.

А как же сам Аристотель? Где находим мы его индивидуальность, - то, что он сам называл энтелехией, - в драме Грааля и антиграаля? Его индивидуальность проживает, - как это сообщает Эмиль Бок в своей книге о Рудольфе Штейнере, - короткую жизнь в девятом столетии в качестве юноши Шионатулэндера. Поэма о Граале повествует, как он для своей возлюбленной Сигуны хочет поймать таинственного пса, который носит ошейник, где напечатлены двенадцать добродетелей. Таким образом он характеризуется как искатель звёздной мудрости (36). Шионатулэндер был убит Орилусом, причем был убит вместо Парсифаля, тогда как Орилус думал, что убил Парсифаля. Парсифаль находит мёртвого юношу, которого держит на руках на своем лоне Сигуна. Так что здесь на земле тоже не удаётся установить прямую связь между "Аристотелем" и "Мани" (имеется в виду перевоплощённый в Шионатулэндера Аристотель и перевоплощённый в Парсифаля Мани - примеч. перев.). Однако связь в более глубоком смысле всё же устанавливается благодаря тому, что Шионатулэндер отдаёт всю жизнь за Парсифаля.

В 13 столетии по Р.Х. индивидуальность Аристотеля снова воплощается как Фома Аквинский. Так он, как великий христианский мудрец может снова направить поток аристотелизма в солнечное русло (Р.Штейнер, ПСС т. 74)

Европейская наука вплоть до нашего времени следовала за негативным лунным импульсом. Однако гётеанизм и антропософия Рудольфа Штейнера несут соответствующий времени импульс к обновлению мистериальной мудрости в свете Христа. Иными словами, новая наука Грааля манифестирует себя своими трудами в современной культуре.

2.6. МИСТЕРИИ СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Когда известие о явлении Христа на Земле стало распространяться среди людей, эта радостная весть двигалась с Востока на Запад. Но это течение с Востока на Запад несло в себе южный, египетский компонент, тогда как воспринимающему Западу был присущ северный компонент. Распространение христианства на Запад является в некотором смысле обращением потока Ноя-Ману, который вёл из древней Атлантиды в Европу и Азию. Взглянув на дело точнее, мы сможем распознать в христианском течении, направленном на Запад, северное и южное движение. Навстречу христианству с Запада и с Севера приходит нечто, сохраняющееся там в состоянии ожидания.

Это удивительным образом отражается в легендах, повествующих о святынях Шартра. Там ещё в дохристианские времена почитали Деву, которая должна была родить младенца, Спасителя мира. Мудрые местные священники - как рассказывает легенда - ежегодно посылали в Палестину вестника, который должен был узнать: исполнилось ли ожидаемое? Когда же, наконец, они получили такое известие, обрадовались все - и друиды и весь народ Шартра вместе с ними. Позднее миссионеры были очень удивлены этой историей; они крестили и народ, и священников-друидов (37).

Конечно, в качестве возражения против такой апокрифической легенды можно было бы сказать, что на Востоке, в Персии и Египте, Палестине и Греции жило точно такое же ожидание Спасителя, причём в израильском народе оно было предсказано пророками, тогда как у других народов оно протекало более скрытным образом, в лоне мистерий. Но, тем не менее, существовала огромная разница. Великие восточные "культуры Адвентна" расцветали в следующих одна за другой эпохах. Но в культурах Северной и Западной Европы этого не было. Кельтское и германское устройство древней Европы внешне было ещё очень примитивно, тогда как в Египте, Вавилонии и Древней Греции уже возникают грандиозные, возвышенные произведения искусства, великолепные науки, создаются глубочайшие философские произведения.

Кельты и германцы в некотором смысле копят силы, отодвинув свой расцвет в сфере внешней цивилизации на более позднее время. Они должны были ждать, пока их время не наступит. Расцвет германских народов был с одной стороны обусловлен прошлым, а, с другой стороны, связан с их будущими задачами. Только в новое время, то есть примерно с 15 столетия германские народы стали носителями новой культурной эпохи, пятого послееатлантического периода. Для этого им требовалась подготовка, осуществляемая из европейских мистериальных центров.

В главе 2.2 говорилось о перемещении групп людей из древней Атлантиды на Восток. При этом различались два основных потока; один северный, и один южный. Вождей северного потока встретились на своём пути на Восток с группами населения, находившимися в стадии деградации. Эта деградация была обусловлена моральным упадком, который и привел, в конце концов, к гибели Атлантиды. Рудольф Штейнер говорит в этой связи о том, как были преданы мистерии, из-за чего оккультные силы стали достоянием неочищенных людей, которые вследствие этого эгоистически использовали неслыханные магические способности. Так возникло сильнейшее нравственное разложение среди большей части человечества древней Атлантиды. Этот декаданс, затронувший даже физическое тело вызвал в конце концов, природную катастрофу. Книга Бытия (1 книга Моисеева), эпос о Гильгамеше (38), а также все легенды о потопе у других народов в вопросе о гибели Атлантиды вполне согласуются с упомянутыми эзотерическими сведениями.

Посвящённые вожди северного потока Ману должны были позаботиться о том, чтобы последствия выдачи мистериальных тайн постепенно, но с гарантией можно было бы обезвредить. Это должно было привести к облагораживанию населения Европы. Германская мифология описывает, этот процесс в мифе о сыновьях Хеймдаля, божественных стражах моста Бифрост. Хеймдаль названный здесь Ригром, посещает как гость одну за другой три родительские пары: прадеда и прабабку, деда и бабу, мать и отца. Первая пара оказывает ему весьма скудный приём, тем не менее, после его пребывания прабабка понесла от Ригра ребёнка. Родился он очень чёрным, сморщенным, горбатым, с большими руками и ногами и заострённым лицом. Ребёнка назвали Трэль (раб, наёмник). У деда и бабки Ригра встретили лучше, но и там он зачал ребёнка, который родился через девять месяцев; этот сын был крепок, краснощёк, с весёлыми глазами, и назвали его Карлом; он стал ремесленником и крестьянином с крепкими руками. Ригр отправился дальше и пришёл к одной благородной паре родителей, которая встретила его по-царски. Но и здесь, как и прежде он оставался три дня и три ночи и с матерью зачал сияющего ребёнка с блестящими щеками, сверкающими глазами и белокурого, по имени Ярл (князь). Позднее Ригр сам воспитал его. Ярл получил страну и двор, женился на прекрасной девушке Эрне, и от них обоих произошли первые короли. Они восприняли мудрость рун и их называли Ригр (39).

Миф проникновенно описывает как осуществлялось здесь облагораживание человечества под опекой одного высокого духовного существа. На протяжении тысячелетий действует это существо

в евгеническом "воспитании" племён, из которых мало помалу возникли кельты и германцы. Когда незадолго до начала христианского летоисчисления римляне соприкоснулись с германскими народами, эти последние не имели ещё ни импозантной внешней культуры, которая могла бы проявляться в архитектуре или скульптурных произведениях искусства, ни сформированных социальных институтов. Зато они имели сильные, красивые тела и высоко развитую моральность, что выражалось в почтительном, достойном отношении к женщине, в храбрости, верности и бескорыстии. (Как известно, эти положительные качества, так удивлявшие римлян, в дальнейшем ходе развития не всегда удавалось сохранить в чистоте).

Мистерии Нертус или мистерии Ньёрд в Ютландии тоже имели евгенические задачи. Благодаря жрецам процесс размножения высвобождался из эгоистического произвола человека. Зачатие совершалось бессознательно, весной, а рождение происходило в то время, которое мы называем Рождеством. Такие дети расценивались как "Благородно рождённые", тогда как дети, рождённые в иное время, то есть дети сексуального произвола, считались детьми позора (40). Водительство посвящённых осуществлялось очень скрытно, мистерии охранялись гораздо строже и больше удерживались в тайне, нежели в других местностях. Это было продиктовано стремлением не допускать злоупотребления духовными силами.

Ясновидческое сознание у германцев и кельтов сохранялось гораздо дольше, чем у культурных народов Азии, Египта и Южной Европы. Это обнаруживается по тому, неисчислимому богатству народных легенд и сказок, которые мы там находим. Значительное многообразие в этой области удивляет точно так же, как и изумительное сходство мотивов друг с другом.

Тем не менее, великие легенды о Богах и героях, такие, как содержащиеся в Эдде, возникли не из ясновидения обычных людей, а были образом сверхчувственного опыта, который переживали при инициации посвящённые.

В Скандинавии и Северной России существовали первоначально мистерии дровов или тротов, которые позднее стали известны как мистерии друидов (Р. Штейнер ПСС т. 93). Они в очень давние времена были основаны посвящённым Зигом, Сигом или Сигом. В нём действовало высокое духовное существо в ранге Архангела, бог ОДИН, который позднее у германцев назывался Вотаном или Воданом. Содержание этих мистерий тротов и друидов состояло в пробуждении убитого солнечного бога Бальдура, то есть: в развитии сознательно воспитанного ясновидения, которое могло бы проникать в высшие духовные царства. Это осуществляется благодаря тому, что круг из двенадцати человек действует сообща. Каждый из этих двенадцати человек развивает особую душевную силу или духовное свойство и ставит их на службу целому. Таким образом, тринадцатый становится носителем открывающегося Божества, которое манифестирует себя в кругу двенадцати. Этот тринадцатый рассматривался также как представитель святой Троичности.

В мифах о богах в Эдде все переживания при посвящении изображаются в качестве духовных существ: двенадцатичный пантеон богов и сила зла, которую надо преодолеть. И всё же на всём, относящимся к европейской мифологии лежит отпечаток трагизма. Это находит своё выражение и в мифах о "сумерках Богов". Посвящённые в древней Европе очень остро переживали состояние гибели. Поскольку мудрецы, благодаря своему посвящению могли отождествляться с Бальдуrom и Ху, - представителями изначальной космической сущности в человеке, - они сознавали, что эти божества смертны и что над азами и ваннами должна находится ещё более высокая действительность, ещё более могучее Божество. Вот почему для германской души откровение Христа было исполнением чаяний в значительно большей степени, нежели для южных народов. При этом значительно следующее: изначальный мистериальный импульс послеплатантической Европы шёл с Севера Европы. Оттуда спиритуальное влияние изливалось на Среднюю Европу, на Западную и Южную Европу.

Греческая традиция говорит о гиперборейях, таинственном народе жрецов или ордена жрецов, которые ежегодно посылали своих вестников в Додону (оракул Звеса) и Делос (оракул Аполлона). Они поистине были солнечным народом Аполлона и у них такие греческие герои как Персей могли участвовать в трапезе бессмертных. Гипербореев считали кельтами, но это неправильно, потому что кельты довольно поздно выделились из общей индоевропейской группы племён как самостоятельная племенная группа. Предания о гиперборейях относятся к гораздо более раннему времени. В этих преданиях оживает воспоминание о раннем солнечном мире, когда божественная мудрость струилась в ещё не материальный, эфирный земной мир. Существа содействовавшие этому ушли из земной сферы, однако Север Европы благодаря близости чистой, не подверженной времени полярной области, сохранял нечто от их воздействия. Свидетельством этому служит мир скандинавских и финских легенд и сказаний (41). Мистерии тротов несли в себе гиперборейский импульс. Ведущий иерархический Дух, задачей которого было подготовить будущее - ОДИН, переместил центр европейских мистерий в Северную Германию. Имеется достаточно сведений для предположения, что Экстерштейн под Падеборном можно считать таким мистериальным центром.

Но деятельность Одина простиралась до областей, близких к Чёрному морю. Мы уже видели, что в этом регионе ещё до начала христианских столетий действовал мистериальный центр.

Греческие легенды указывают на Колхиду как на то место, куда стремились аргонавты, чтобы добыть золотое руно: ясное указание на то, что здесь действовал мистериальный центр, который ещё существовал в эпоху героев, то есть около 1400 г. до Р.Х. Колхида лежит у подножья Кавказских гор, колыбели индоевропейской расы.

На побережье Чёрного моря, хотя и западнее, у Азовского моря, жили кимбры и киммерийцы, которых называли также скифами, несмотря на то, что они очень отличались от скифов, имевших родство со славянскими народами. Мы считаем (и научных доказательств этому вполне достаточно), что это были протогерманские племена из Скандинавии, Финляндии и России, которые переместились на юг. Отсюда поток стал двигаться назад в Среднюю и Западную Европу. Этот германский поток принёс культуру Вотана, как последнюю инспирацию Одина. Тогда же возникло руническое письмо как первый интеллектуальный импульс. Кельтские друиды наотрез отказались принять этот импульс. С того времени (примерно 1000 г. до Р.Х.) впервые возникла отчётливая разница между кельтами и германцами. Кельты твёрдо придерживались своего солнечно-лунного культа, своего древнего ясновидения, благодаря которому они сохранили связь с природой, в то время как для германцев наступили "сумерки Богов": то есть утрата солнечного посвящения из-за помрачающей силы интеллекта. Они готовили себя к нашему времени, когда интеллект формулирует законы природы, а всё божественное из природы изгоняется. В этом процессе своего исторического становления они подверглись сначала римскому, а затем арабскому влиянию (42).

Экспансия германцев отодвинула кельтские племена на Запад. Там они столкнулись с племенными группами, которые уже на протяжении столетий находились под руководством друидов. На крайнем Западе, на острове Ирландия существовали очень скрытые высокие мистерии, которые вели своё происхождение от древнейшего атлантического солнечного оракула. Наверное существовала связь между северо-европейскими мистериями тротов и мистериями Гибернии (Ирландии). Докельтские племенные группы населявшие Ирландию, которые в ирийской мифологии причисляли к богам - Туата-де-Даман, несомненно пришли из Скандинавии, возможно из Ютландии (43)

В главе 2.2. уже упоминались вкратце ирландские мистерии. Мы должны представить себе, что в основе всего, сообщаемого о западных кельтах, которые пришли на британские острова и в Ирландию примерно в 500г. до Р.Х. и построили там мегалитическую культуру друидов, - в основе всего этого лежат Великие Солнечные Мистерии. Это относится не только к дольменам и менгирам, это относится также и к эпосу короля Артура с его Круглым столом, и к волшебнику Мерлину, это относится также и к ирландскому христианству, которое великие миссионеры в период с шестого по двенадцатый века по Р.Х. перенесли в континентальную Европу.

Углубляясь в это прахристианство Запада (44), мы сразу же обратим внимание на некоторые яркие явления: это, во-первых, его противоположность римско-католическому христианству, и, кроме того, очевидные мистериальные основы этого прахристианства, с которыми мы уже познакомились, описывая посвящение друидов. Круг из двенадцати с тринадцатым в центре мы находим как в случае Артура, так и у ирландских и британских монахов, которые странствовали по европейскому континенту.

Надо отметить также космическую ориентацию кельтского христианства. Христос ещё рассматривался как истинный Бальдур, истинный Ху, который действует из космической сферы жизни. Поэтому часто Его называли Владыкой или Царём элементов, стихий. Крестообразный знак рассматривался как священный символ Солнца, а не как древо - орудие убийства, чем стало представление о кресте в позднее время.

Ирландские святые часто были учеными и поэтами, то есть друидами, которые ещё с особым почтением относились к греческим текстам, ветхозаветному Писанию, а также к греческим Отцам Церкви. Перевод книги Дионисия Ареопагита "Об ангельских иерархиях" выполненный монахом Скоттом я уже упоминал в главе 2.4. Все традиции Грааля указывают на кельтский Запад: Иосиф Аримафейский с чашей Тайной вечери едет в Англию, как о этом сообщает Роберт де Борн. Его стол Грааля имитирует Круглый стол Мерлина, который тот сделал для отца Артура Утера Пердрагона. Кретьен де Труа и Вольфрам фон Эшенбах тоже описывают встречу между рыцарями Грааля и рыцарством Артура. К этой связи мы ещё вернёмся в пятой главе. Если мы исследуем судьбу когда-то могущественных кельтов, мы увидим, что этот народ, если вообще можно назвать народом эти очень отличные друг от друга племена, идёт к исчезновению. Христианские рыцари короля Артура, ирландские и британские монахи несли последние отблески древних мистерий, преобразованные в глубоко христианский импульс, но этот мистериальный отблеск исчез, как это уже происходило в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке, когда Рим всё больше набирал силу. Германцы в некотором смысле связали себя с римской "волчицей", а позднее и с полумесяцем ислама, тогда как с кельтами этого не случилось. Кельтский народ как народ исчез, ибо он пожертвовал собой. Рудольф Штейнер говорит об этой жертве в своём цикле лекций об европейских народных душах (П.С. т.121 "Миссия отдельных народных душ в связи с мифологией германского Севера"). Он говорит, что народный дух кельтов отказался от

восхождения к более высокой эволюционной ступени в последовательности рангов иерархических существ и, вследствие этого стал ведущим Духом эзотерического христианства. Это означает, что всё, описанное в главах 2.3, 2.4, 2.5 как иоанново христианство и гностическое манихейское христианство, поскольку оно носит мистериальный характер, связано с одним общим Духом, который следует представлять себе вполне конкретно. Это то же самый Дух, который осуществлял водительство над кельтскими племенами в древней Европе.

Хотя германцы переживали гибель своих древних богов, они как народы победоносно захватывали владения в Европе, подготавливая её к нынешней эпохе, тогда как кельты или совсем исчезли, или были оттеснены германскими захватчиками. Неизмеримые сокровища древней кельтской мистериальной культуры были утеряны из-за дикости викингов - прежде всего в Ирландии. Может быть, задача этих диких язычников - норманов и датчан именно в том и состояла, чтобы воспрепятствовать негативному влиянию блестящего прошлого, ибо его время уже прошло.

Имело значение и то, что наводящий страх вождь норманнов Ролло после своей безуспешной осады города Шартра в 911г. по Р.Х. обратился в христианство. При крещении он принял имя Роберт и стал вассалом короля Карла Святого, на чьей дочери он женился. Его ленные владения с тех пор назывались Нормандией. Отсюда герцог Вильгельм Завоеватель захватил в 1066г. по Р.Х. Англию.

Легенда повествует, что когда на стенах осаждённого города появился епископ Шартрский, который прикрепил тунику св. Девы Марии на своё копье как знамя, это повергло норманнов в ужас и стало причиной их поражения. С этого момента побеждённый Ролло обратился в христианство (45). Современный человек считает это выдумкой, *cum grano salis*. Интересно, однако, что тем самым был положен конец ужасу перед викингами. Известно, что у Шартра было немаловажное кельтское мистериальное прошлое и с этим прошлым связал себя эзотерический христианский элемент. Внешне это нашло своё выражение в торжественном перенесении священной туники св. Девы Марии в Шартрский Собор.

Несмотря на то, что история древней Европы довольно сложна - со всеми переселениями народов, которые могут казаться современному человеку запутанными и бессмысленными, - мы должны всё же исходить из того, что эти движения, эти перемещения групп населения, все эти обоюдные влияния и взаимопроникновения, в конце концов, совершались под мудрым духовным водительством. Благодаря им у человека развивалось сильное личное сознание. Однако оно несло с собой опасность, что принявшие посвящение станут использовать пробуждённые при этом силы в целях личного произвола и, тем самым, будут злоупотреблять духовными силами, используя их в целях власти. Ужасные деяния, рассказы о человеческих жертвоприношениях и прочем в этом роде фактически практиковались жрецами мистерий. Но по большому счёту мероприятия, на протяжении тысячелетий осуществляемые из центров мистерий оказывали положительное воздействие. Личное мужество, телесная сила, добродетель котировались очень высоко. С современной точки зрения зачастую нелегко бывает понять с какой расточительностью тратили когда-то германцы свои силы и расточали вою доброту. Средневековое рыцарство, которое предстаёт перед нами не только в легендах, но и благодаря историческим описаниям было наследием этих древнегерманских времён.

Трагическое настроение, заложенное в знании об этих "Сумерках Богов" - иначе говоря, в утрате ясновидческих способностей - коренным образом менялось при вести о смерти и Воскресении Христа. В одной лекции 1909г. (ПСС т. 57) Рудольф Штейнер говорит об этом следующее: "В древних мистериях посвящённый побеждал смерть, но не полностью. И вот теперь он встретился с великой Мистерией Голгофы. Именно в среде европейских мистерий эта историческая мистерия воспринималась с более глубоким пониманием, чем где бы то ни было. Здесь царило настроение, которое можно выразить следующим образом: люди говорили себе: когда мы проходили посвящение, это было вживанием в находящийся вверху божественно-духовный мир, который, однако, был уже проникнут дыханием умирания. Но тот, кто вживался в то, что могло быть пережито как облик Христа, кто вживался в этот величайший импульс Христа, тот, кто обретал понимание Христа, приходил к такому пониманию, которое помогало ему узнать следующее: как Солнце освещает растение и благодаря этому пробуждает в нём жизнь, так и импульс Христа втекает в человеческую душу. Благодаря этому она вбирает в себя силу, дарующую душе знание об её вечности и бессмертии, знание о победе над смертью. Благодаря тому, что она получила правильное понимание Христа, душа оживает. Говорили себе: кроме того, что можно изучить о Христе внешне, есть ещё внутреннее знание, выражающееся в том, что душа ищет Ху или Бальдура, но уже иного Бальдура, Того, Кто свершил таинство Голгофы. Если душа это переживает, то она достигает высшего ясновидения, как оно достигалось в древних мистериях. Именно здесь, в Европе сразу же возникло глубокое понимание того, что это значит. Эта внутренняя уверенность, эти честные поиски души, поиски глубочайшего единения со Христом, выражали себя в тайнах Грааля. Это глубинное единения оставалось тайным, ибо мир в целом ещё не созрел, чтобы постигнуть истинное значение Голгофы, переживаемое в связи с кровью

Спасителя. О том, каким образом эта тайна Грааля является тайной человеческого "я" и тайной его отношения к Существу Христа, речь пойдёт дальше.

Мы завершим эту главу кратким рассмотрением, задуманным как обобщение темы о духовном водительстве, о котором говорилось в главе 2.4.

Когда Рудольф Штейнер говорит о великих духовных учителях человечества, он использует выражение, употреблявшееся в древне-индийской мудрости, выражение "Бодисатва" или "Бодисатвы". Мы должны при этом представлять себе круг из двенадцати мудрецов, переживших в ходе столетий много инкарнаций, благодаря чему они достигли универсального знания и всеобъемлющего опыта, что возвысило их до уровня творящих существ. Вплоть до своих жизненных сил они проникнуты высоким иерархически существом из ранга Архангелов. Они руководят эпохами и культурами и приносят человечеству новые импульсы. В ходе чередующихся времён они имеют специальные задачи, и в то же самое время образуют друг с другом своего рода чашу для гораздо более высокого существа, которому они служат так же, как душа служит своему человеческому "я". Именно это высокое существо имеем мы в виду, когда произносим имя Христа.

В древнеевропейских мистериях качестве инспиратора действовало одно существо - ОДИН, позднее именуемый Вотаном. Человек выступавший как носитель этого существа Бодисатвы звался ЗИГ - это имя было составной частью имён многих героев. Кажется ошеломительными указания Рудольфа Штейнера на то, что это высокий водитель кельтско-германских народов по окончании своей задачи в Европе был воплощён как индусский царевич, который к 29 годам возвысился до Бодисатвы. То есть достиг такого уровня совершенства, что уже не нуждался более в воплощении в земное тело, но мог в дальнейшем действовать из духовного мира. В первый момент такое сообщение кажется даже абсурдным: бушующее в буре и борьбе германское божество превращается в тихого, миролюбивого Будду, учителя сострадания и спасения! Но если ближе взглянуть на это, то на смену неприятию приходит благочестивое, исполненное страха Божия понимание тех удивительных путей, по которым должны проходить водители человечества. Один, будучи пережит в самых глубинах пропасти, в "Сумерках Богов", в процессе гибели, действует через всё, к чему он должен был подготовить свои германские народы: к связи с силами материи, силами зла.

Плоды этого опыта он уносит в дали Востока, это милость и сострадание человечеству. Но уже как Будда он развивается дальше: при рождении натавовского мальчика Иисуса высшее существо Будды пронизывает своими излучениями душевную оболочку райского Младенца. Пастухи на поле у Вифлеема славу света, излучаемую Буддой, переживают как ангельскую свиту, как множество ангелов (Рудольф Штейнер ПСС т. 114).

Рудольф Штейнер называет и второго великого "учителя Запада". О нём не говорят ни мифы, ни сказания о героях, он пребывает наиболее скрыто: это Скифианос. Очень редко название этого имени появляется в сочинениях раннехристианской эпохи. В средние века он вместе с Буддой и Заратустрой называется как один из трёх духов, трёх мыслителей, подлежащих проклятию, которое человек обязан был произнести, если хотел вступить в определённое христианское сообщество. Благодаря Рудольфу Штейнеру известно, что именно эти три великих учителя человечества, три Бодисатвы, Скифиан, Будда и Заратустра находятся под водительством ещё более мощной индивидуальности - Манеса или Мани, которого Рудольф Штейнер называет высоким провозвестником Христа. Они же являются служащими духами, которые инспирируют христианство в новое время и будут инспирировать его в будущем. В последней лекции цикла "Восток в свете Запада" (ПСС т. 113) сказано следующее:

"Через несколько столетий после того, как жил на земле Христос.... Манес собрал великий Собор, состоявшийся в духовном мире, принадлежащем земле. Он собрал вокруг себя три великих индивидуальности четвёртого столетия по Р.Х. Здесь в образной форме нашли своё выражение важнейшие спиритуальные факты культуры. Манес собирает эти индивидуальности по той причине, чтобы посоветоваться с ними о том, как мало помалу мудрость, живущая в ходе времён послеатлантической эпохи, смогла бы и в будущем оживать всё больше и обретать всё большую славу. Какими же индивидуальностями были те, кого собрал Манес на это достопамятное собрание, которое можно увидеть только духовными очами? Один из них - это та личность, в которой была в то время воплощена индивидуальность Скифианоса, переплощённый Скифианос эпохи Манеса. Вторая индивидуальность - физический отблеск вновь явившегося тогда Будды, и третий - вновь воплотившийся тогда Заратустра. Так вокруг Манеса мы видим коллегия: Манес в середине, а вокруг него Скифианос, Будда и Заратустра. Тогда в этой коллегии был утверждён план: как достичь того, чтобы вся мудрость Бодисатв послеатлантической эпохи всё сильнее и сильнее вливалась в будущее человечества. И вот то, что было там принято как план будущего развития земной культуры было сохранено и перенесено в те европейские мистерии, которые являются розенкрейцеровскими мистериями. В мистериях розенкрейцеровства всегда общаются индивидуальности Скифианоса, Будды и Заратустры. Они были учителями в школах розенкрейцеровства, учителями, которые посылали свою мудрость на

Землю в качестве дара, потому что благодаря этой мудрости можно было понять сущность Христа.

Что происходило на Земле в то время, которое протекло между Собором Манеса и расцветом нового времени, когда согласно великому плану уже забрезжило пробуждение мудрости - этим мы займёмся теперь. Это и будет история Грааля и ордена тамплиеров.

3. ХРАМ И ГРААЛЬ

3.1. Актуальность темы

Тема "Храм и Грааль" без сомнения актуальна. В своём щекотливом и спорном международном бестселлере "Святая кровь и Святой Грааль"(1) авторы Микаэль Байжент, Рихард Лайдж и Генри Линкольн опубликовали результаты своих десятилетних исследований загадки Рене-де Шато (2). Они пришли к шокирующим открытиям в области истории - ни больше ни меньше, как к гипотезе, что короли рода Меровингов, якобы, происходят от Иисуса из Назарета! Свои исследования они документируют; они верят (или делают вид, что верят), что на основе фактического материала им удалось пролить свет на истину; на самом деле, это, фактически, их собственная идея, которую они развивают в определенном направлении, или, скорее, отсутствие идеи, которое завело их в заблуждение и привело к ложным выводам. Тем не менее, для этих трех авторов нет сомнения в том, что Орден Тамплиеров и Грааль тесно связаны друг с другом.

Успех этой книги основан на её сенсационности, провоцирующей сделать вывод, что Мистерия Голгофы, якобы, была лишь "подстороенной игрой"; Иисус, якобы, никогда не умирал на кресте, не говоря уже о Воскресении. Он, якобы, был женат на Марии Магдалине и имел ребенка, который отправился со своей матерью в Южную Францию, чтобы там основать род Меровингов. Якобы и сегодня есть ещё во Франции потомки этой "святой крови", которые готовы к восстановлению королевской власти во Франции.

По моему мнению, читателей привлекают не столько эти открытия, как привлекательная, чарующая тема книги: следы тайны Грааля, Ордена Тамплиеров ит.п. Достойно удивления, как много ежегодных публикаций о мистерии тамплиеров. Утверждения Луиса Шерпентера (3) о том, что, исследуя руины Соломонова Храма в Иерусалиме, тамплиеры нашли сокровища Соломонова Храма, или, по крайней мере, сундук с казной, которую они потом перевезли во Францию, чтобы создать затем своего рода духовный фундамент Шартрского Собора, а также вера в то, что тамплиеры финансировали готические соборы - столь же "умно" и заслуживает доверия, как и измышления о "святой крови"; вот какие истории получают необыкновенную популярность!(4)

Ко всем этим фантазиям Жак де Машо добавляет "открытие", что тамплиеры, якобы добывали серебро в копях Южной и Центральной Америки.(5) Луис Шарпентер тоже сообщает эту "тайну", а вслед за ним об этом говорят и пишут другие, вместо того, чтобы тщательно это исследовать. Кто не знает книгу "The Spear of Destiny" Равенскрофта? Во всяком случае, этот бестселлер на тему Грааля с бризантными контрверсивными разоблачениями - в данном случае несомненными выдумками - как, например, описываемая встреча Вальтера Иоганна Штейна с Гитлером.

Книги о св. Граале, о "святой крови" и о тайнах тамплиеров находят много читателей. Некоторых привлекает сенсационность этой темы. Недавно я читал курс лекций о тамплиерах в одной студии в Германии. Среди слушателей нашлись два господина; они едва дождались, когда же закончатся сообщения о процессе тамплиеров. При всяком удобном случае они задавали вопросы, беря меня, подобно настоящим инквизиторам в "ежовые рукавицы": "Вы, конечно, знаете, что существует одиннадцать различных объяснений пресловутого "отречения от креста" у тамплиеров; какое из этих одиннадцати принадлежит Вам?" Мой ответ явно разочаровал их. Он, на мой взгляд, был единственно приемлемым, хотя и не имел отношения к одиннадцати другим.

Тема "Храм и Грааль", помимо того сенсационного элемента, который содержится в ней, или ей придаётся, должна сама по себе обладать особой притягательной силой и будить в нас более глубокий отклик, нежели чистую сенсацию или любопытство. Успех вышеназванных книг, главным образом, английских авторов, заключается, по большей части в том, что связывает с этой темой историю эпохи; "копье судьбы" - с закулисными основами нацистского режима, "святую кровь" - с историей Франции от начала нашего тысячелетия до настоящего времени. Авторы на свой манер трактуют "Мировую историю в свете св. Грааля". При этом они порой делают интересные открытия, хотя позволяют себе делать на их основе беспочвенные выводы. Зачастую такие авторы, обладают тонким нюхом по отношению к оккультизму, пользуются для раскрытия тайн таким ключом, который носит вульгарный и до удивления грубый материалистический характер; это нередко приводит в завершении к совершенно тривиальному или даже гениальному вранью. Жан Ферниот написал роман, озаглавленный "Святой Иуда". Он приходит к тем же выводам, что и Байжент, Лайдж и Линкольн в своей книге о "святой крови" и "св. Граале"; Мистерия Голгофы была, якобы, лишь кажущейся, одной лишь видимостью. У Ферниота "благородный террорист" Иуда, которого его лучший друг Иисус использует для своих честолюбивых планов, жертвует

собой, чтобы улучшить престиж Иисуса: он предаёт Иисуса и, в конце концов вешается, подговорив перед этим Петра распространить среди людей миф о Воскресении.

Подобную писанину можно рассматривать как просто злоумышленную и кощунственную, но можно также в таком человеке как Ферниот заметить, что он пытается найти обоснование некоторых глубоких вопросов голгофских событий. Но делает он это способом, далеким от догматического. Установленные на протяжении столетий факты выбрасываются за борт, или, лучше сказать, излагаются в диаметрально противоположном виде. Измена Иуды, которая, будучи глубочайшим злом, все же содействовала высочайшему благу - смерти и Воскресению, действительно является загадочным событием, если хотя бы представить её психологическую сторону. Но наиболее приемлемой гипотезой у Ферниота является то, что Иудой руководили политические амбиции, что он был революционным агитатором, который рассматривал приход Мессии как конец ненавистного римского правления.

Духовная наука даёт этой гипотезе Ферниота ошеломляющее обоснование, когда указывает на кармическую связь между Иудой Искариотом и Иудой Маккавейским, который за двести лет до того смело поднял успешное восстание против сирийских правителей Иудеи.⁽⁶⁾ Ферниоту неизвестны эти оккультные факты, но он сумел так глубоко войти в образ Иуды, что пришёл к кое-каким приемлемым выводам. Но его интеллектуальность соблазнила его созданный им образ Иуды привести в созвучие с Мистерией Голгофы, что и привело его к неправдивости.

Другой пример: Байджент, Лайдж и Линкольн присоединяются к мнению английского профессора Шмита, что пробуждение Лазаря было посвящением. Мы уже слышали, что антропософская духовная наука описывает это событие именно так; это очень важное открытие, которое может поколебать всеобщую веру в чудо. Но что же говорит об этом дальше книга "Святая кровь и святой Грааль?" Потрясающая мистерия посвящения Лазаря, в результате которой он становится в посвященном Иоанном, превращается в тривиальное событие! Со всей очевидностью эти писатели рассматривают всё, связанное с Иисусом в свете кровного родства. Лазарь ведь брат Марии Магдалины, следовательно, по смыслу этой книге - шурин Иисуса! Объяснение слова Грааль базируется на предположении: San Gral = sang real (sang royal) то есть царская кровь (кровь Иисуса - это кровь Давида, кровь царя Израиля). Оба примера можно интерпретировать так: исключительно важно, чтобы в наше время появилось новое отношение к истинам христианской веры, тем истинам, которые на протяжении тысячелетий сообщались традиционной церковью, но по-видимому, потеряли свою силу.

Эта новая установка по отношению к истинному христианству, или по отношению к истинам о христианстве может быть достигнута лишь в том случае, если материалистическое рассудочное мышление, которое, подобно кислотному дождю - даже внутри самой церкви - разъедает религиозные ценности и уничтожает их, не сменится иным мышлением, черпающим из духовных источников.

Но ведь вышеприведенные книги отнюдь не из таких спиритуальных источников почерпнули свои спорные, явно нетрадиционные точки зрения. В них невозможно найти истинную эзотерику, базирующуюся на спиритуальных познаниях.

Не вызвана ли актуальность темы Храма и Грааля стремлением человека нашего времени отправиться на поиски своего Грааля с помощью нового спиритуального мышления, и в новой, преображенной форме реализовать идеалы тамплиеров и розенкрейцеров?

Ведь будущее, о котором говорит Гроссмейстер Союза рыцарей

в Бургенланде - это именно наше время! Но что происходит? Люди приходят на Землю с бессознательным стремлением стать рыцарями Грааля, тамплиерами. Что же они застанут? Они застанут культуру, в которой всё в настоящее время прямо-таки кишит эзотерикой: восточная и западная эзотерики, кабалистика, астрология, мистика, алхимия, магия, мистерии тамплиеров, Грааля, и еще многое другое, включая Иоганну фон Модель (7). Но что общего обнаруживается в этом изобилии духовной жизни? Никогда и нигде, ни в одном, хотя бы единственном из этих течений, направлений, фондов, сект, движений, брошюр, романов, статей и псевдонаучных бестселлеров основные факты Воскресения Иисуса Христа не рассматриваются как реальные события. Эти факты или отрицаются, или рассматриваются символически, что точно также является несомненным отрицанием их реальности. И современный искатель Грааля в действительности оказывается обманутым во всём, что он искал, ибо всё, предлагаемое о "духе", всякий "глубокий смысл", всякая мистериальность, оказывается пустым звуком без Мистерии смерти и Воскресения Иисуса Христа. Если оставить без внимания эту центральную Мистирию, то интеллект, подобно пауку, наплетёт и то, что тайну Соломонова Храма можно было обнаружить при раскопках, или то, что есть тайна наследников Иисуса, и потому всё христианство, всё историческое прошлое, а, тем самым и будущее, требуют пересмотра.

Храм Соломона подвергся запустению вскоре после того, как выполнил свою задачу в прошлом - быть местом подготовки Мистерии Воскресения. Наследственность Иисуса имела значение лишь в прошлом. В Нём текла кровь Авраама и Давида. В время Его смерти эта кровь вытекла в Землю, но это была та кровь, в которой на протяжении трёх лет действовал Высший Солнечный Дух. На

Голгофе возникла новая наследственность, но не телесная. Воскресшее тело был духовные телом, несмотря на то, что ближайшим ученикам оно становилось видимым и осязаемым как физическое. От этого тела исходит **поток будущего**. Вот истинная тайна Грааля, и именно этот импульс воодушевлял тамплиеров. Это и есть тема данной книги.

Только теперь мы можем приблизиться к вопросу, что представлял собой Храм в действительности, каковы различные аспекты Грааля, и как связано между собой то и другое.

3.2. ФЕНИКС

ы нередко находим объемные сообщения на тему Грааля; они рассеяны по всему полному собранию сочинений Рудольфа Штейнера, причем наибольшую ценность представляют собой в этом отношении лекции, которые насчитывают более шести тысяч. Наиболее примечательное содержится в лекции, прочитанной в 1904г. в Берлине "О миграции рас". Эта лекция сохранилась в форме конспекта слушателя. Она ещё не вошла в состав полного собрания сочинений, но её можно найти в ежегоднике Гея-София за 1929г.(8)

В этой лекции Р. Штейнер называет тамплиеров "истинными посланцами св. Грааля". Он сообщает, что они, на том месте, где находился Соломонов Храм (это место первым девяти рыцарям Ордена подарил для поселения король Иерусалимский Балдуин II) "центр мудрости", где рыцари получали посвящение посредством св. Грааля (durch den heiligen Gral). Очень жаль, что эта лекция сохранилась не полностью, что приведенные записи из-за своей краткости крайне загадочны. Рыцари получали посвящение; это можно понять, даже если заранее неизвестно, в чем состояло это посвящение. Но посредством чего они посвящались? Посредством св. Грааля! Надо ли при этом думать, о духовном существе, или о круге стражей Грааля? Возможно и то, и другое. Во всяком случае, здесь под Граалем подразумевается не вещь и не символ, ибо ни то, ни другое не могут кого-либо посвятить.

Тем не менее, кое-какие мысли мы могли бы связать с этим редким сообщением. Загадку представляют первые десять лет существования Ордена, когда число рыцарей вокруг основателя Гуго де Пейна не увеличивалось (за одним исключением).(8), и в которое не было больших военных мероприятий; эти первые десять лет могли служить для подготовки к посвящению, которое совершалось скрыто. Эти десять лет не были временем, необходимым для раскопок, поисков скрытого сокровища, или документов храма, который при своём разрушении римлянами в 70 г. по Р.Х. мог привлечь внимание грабителей; эти десять лет не были также потрачены, чтобы найти следы Ковчега Завета, основной религиозной реликвией в иудейском богослужении, которую во время осады Иерусалима равнины должны были закопать. Время было истрачено не на это. Это было время самоуглубления, обучения, медитации и аскезы, которые вел к посвящению Грааля.

Затем в 1128 г. по Р.Х. группа отправилась во Францию, чтобы на Соборе в Труа получить официальное разрешение на право быть духовным рыцарским Орденом.

Далее следует отметить, что место поселения, совпадающее с фундаментом Соломонова Храма было избрано намеренно, что здесь создавался христианский центр посвящения, как бы вновь привитый к тому, что как мудрость храма ещё действовало из прошлого.

Если мы пытаемся понять, каким образом действовала мудрость Храма Соломона, мы должны в первую очередь обратиться за советом к тексту Ветхого Завета. В обоих отрывках, описывающих строительство храма, речь идёт о строительном мастере Хираме.

"И послал царь Соломон и взял из Тира Хирама.

Сына одной вдовы из колена Неффалимова. Отец его, тирянин, был медник: он владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди" (3 книга Царств, 13-14) Во второй книге Паралипоменон 11-14, мы читаем: "И отвечал Хирам, царь Тирский письмом, которое прислал к Соломону... "Итак, посылаю к тебе человека умного, имеющего знания, Хирам-Абия, сына одной женщины из дочерей Дановых, - а отец его тирянин - умеющего делать изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из дерева, из пряжи пурпурового и яхонтового цвета, и из виссона, и из багряницы, и вырезать всякую резьбу, и исполнять всё, что будет поручено ему вместе с художниками твоими и с художниками господина моего Давида, отца твоего."

Этот строительный мастер Хирам-Аби или Абиф был, как это следует из текста, посвященным, так как для него использовано выражение "сын вдовы". План Храма Соломона он дополнил "Медным морем и обоими колоннами "Иахин" и "Боас". Здесь не так важно, что согласно с одним сообщением он происходил из колена Неффалимова, а по другому сообщению, от дочерей Дановых, важно его происхождение из Тира. Он носит то же самое имя, что и царь этой области, друг Соломона, который поставлял последнему не только кедры и золото из Офира для храма, но и прислал ему множество рабочих, которые должны были помогать ему при строительстве.

Участие Хирама-Абифа в строительстве Храма Соломона имеет важное значение. Он был посвященным из Тира, финикийского города, в котором находился один из важнейших

мистериальных храмов. Мы готовы допустить, что его освящение и участие в храмовом строительстве в Иерусалиме проистекало из мистериальной мудрости города его отцов.

Чтобы узнать об этом точнее, мы не будем обращаться к Библии, но должны привлечь иные источники. Имя финикийцев непосредственно связано с существом Феникса, которое они особо почитали: у греков имя Феникс было связано с именем Геракла: его финикийское имя звучало как Ар-Хал, что в латинской интерпретации превратилось в "Геркулес". Финикийское слово Ар-Хал в переводе на немецкий язык значило бы "Огненно-световое существо победы".

Всем нам знаком образ птицы Феникс, которая сгорает в огне, и из своей собственной золы восстаёт для новой жизни. Что означает этот образ? В древних культурах, предшествовавших явлению Христа на Земле, мы находим почитание одного Божества, которое называли разными именами, и которое, хотя оно и выступало в различных аспектах, идентифицировалось как то же самое существо и было непосредственно связано с Солнцем. У индусов оно называлось Вишну-Кришна, Апполоном у греков, Лугом у кельтов Ирландии. У этих народов наиболее сильно выступал триумфальный характер этого Бога. Он назывался победителем зла, сил дракона, или змея. То же самое Божество имели виду мистериальные традиции, когда они говорили о птице Феникс. Но в этом случае особое внимание обращалось на его добровольную смерть и на преодоление смерти, на существо Воскресения.

Первые христиане существо Апполона-Феникса напрямую связывали со Христом Иисусом. То, что эта связь носила не символический, а вполне реальный характер, подтверждал Рудольф Штейнер (ПСС, т. 152) Он описывает, как мальчик-Иисус Евангелия от Луки является первым воплощением ангельской, то есть ещё божественной человеческой души, которая как "сестринская душа Адама" - можно также сказать, как высший гений Адама - не была подвержена грехопадению. Она ещё сохранила райскую чистоту первого человека, была безгрешна и связана с ведущими солнечными иерархиями.

Это существо совершило три жертвенных космических деяния, перед тем, как оно в облике Иисуса из Назарета восприняло в себя при Крещении на Иордане высшее солнечное "Я", и, благодаря огненно-световой силе Христа преодолело смерть.

Эти три космических жертвенных деяния состояли в том, что существо Иисуса-Феникса трижды пронизывалось космическим Христом и, вследствие этого, могло отразить всякое разрушительное влияние сил змея и дракона, которые держали наготове для человека Люцифер и Сатана. Эти силы хотели сначала испортить физическое тело (органы чувств, и, в конце концов, испортить душевные силы. Если бы им это удалось, человеческий род был бы отвлечен от своих эволюционных целей. (Р.Штейнер ПСС, т. 152)

Эти жертвенные деяния отражены в различных мифологических сюжетах, таких как борьба Апполона с Пифоном и борьба Луга против мрачной силы Фомора. Кришну можно считать "Аватаром" этого существа, но не инкарнацией, которая имела место лишь в Иисусе из Назарета Иудейское тайное учение тоже знакомо с этим существом и называет его Нецах, Победа.

При самой Мистерии Голгофы, этой четвертой жертвы, произошедшей ради четвертого принципа в человеке, принципа "я", была опасность, что это "я" подпадёт под власть Люцифера - Сатаны. Принцип "я", полученный человеком от солнечной иерархии Элохимов, внешне выражается в крови. Кровь является инструментом, своего рода транспортным средством для "я". Чистой "чашей", в которой целительная сила, огненно-световая победная сила в четвёртый раз одерживает триумф над силами мрака - этой чистой "чашей" является Иисус. При Его посредстве ХРИСТОС, Высший Солнечный Дух, творящий Логос смог стать Духом Земли для того, чтобы когда-нибудь снова соединить эту Землю с миром Солнца.

Существо Иисуса-Феникса является одним из двенадцати Бодисатв, тем, которое получает свою действительную силу из созвездия Рыб. Как следует нам понимать в этой связи традицию Вольфрама фон Эшенбаха, в соответствии с которой Грааль есть камень, а именно смарагд (изумруд) из короны Люцифера; камень, который упал на землю во время борьбы Люцифера с Михаилом? "Lapis exilis" объясняют как "Камень упавший с неба": lapis ex coelis.

Люцифер, носитель космического света, был первоначально связан с Христом. Его корона - это круг из двенадцати звездных мудростей. Когда Люцифер обратился против своего космического брата, возник "спор на небе", и Люцифер был низвергнут на землю. Один из двенадцати космических "драгоценных камней" из короны мудрости пожертвовал собой и сопроводил падение Люцифера на Землю. Вольфрам фон Эшенбах говорит о рыцарях Грааля(11) устами отшельника - Треверцента, к которому Парсифаль приходит через годы напрасных блужданий:

"Они живут от камня
Благородного вида.
Коль он тебе еще неведом,
Его я имя назову
Lapis exilis - вот его название,
От его силы Феникс

Сгорает, чтобы стать золой
И из золы родиться вновь.
Ещё зовется камень тот - Грааль.

Затем, несколькими строками далее, он говорит, что в каждую Страстную Пятницу белый голубь кладёт гостию на камень. Она придаёт камню особую силу питать людей пищей, которая содержит в себе "райскую полноту". Так Вольфрам фон Эшенбах раскрывает, и в то же самое время скрывает характер Грааля.

Другая традиция сообщает, что в Тире, в храме Геркулеса находилась изумрудная чаша, которая ночью распространяла яркий световой блеск. Эта чаша была ничем иным, как драгоценным камнем, выпавшим из короны Люцифера; путем обработки из камня сделали жертвенную чашу любви, и владела ею царица Савская, которая и послала эту чашу Соломону. В конце концов, чаша попадает в том дом, где совершалась Тайная вечеря. Один иудей принес её Пилату, а Пилат послал её Иосифу Аримафейскому, который стал первым хранителем Грааля. Эту изумрудную чашу из храма Геркулеса, как и позднее чашу Грааля не следует рассматривать как предмет, как вещь, скорее это имажинативное выражение мистериального опыта, посредством которого люди приходили в соприкосновение с Существом Воскресения. В финикийских мистериях чаша, блестящая зелено-золотым блеском была имажинацией бога Ар-Хала, Существа Иисуса-Феникса. Об этом весьма подробно говорит поэт неоплатоник Ноннос (12)

Для Иосифа Аримафейского это уже было осязаемое тело и струящаяся кровь, которую он сначала принял. Позднее, когда он был заключён в башне, ему явился Воскресший. Здесь я оставляю без внимания то, что содержание цитированного мною отрывка из эпоса Вольфрама Вальтер Иоганн Штейн описывает как внутренний мистериальный опыт. Я теперь займусь связью между Граалем и Храмом Соломона.

Откуда происходят изначально Мистерии Феникса? Важные сообщения об этом мы находим в трудах Зигмунда фон Гляйха (14) "Культурно-исторические вехи". Гляйх указывает на дохристианскую Аравию, страну Шеба или Савва (Саба). Культуру этой страны следует искать не только в этой области, которую сейчас называют Йеменом, но даже в обратившемся в пустыню Неджаде, где расположена нынешняя столица Саудовской Аравии. Эта плодородная часть Аравийского полуострова экспортировала благовония (ладан), мирру (смирну) и золото - три дара, которые три мудреца из стран Востока (в данном случае это Саба) почтили младенца Иисуса. Это арабское золото через Апиру (библейский город Офир) отпрвлялось морем через Персидский залив. За много столетий до Р.Х персидские маги освоили золотые копи в Центральной Аравии. Эти маги были хранителями зороастрийской мудрости.

Здесь у сабинян, которые жили в горах, где добывалось золото, мы обнаруживаем почитание звезды Сириус, звезды Заратустры. Здесь же можно было найти Мистерии Феникса. Это означает, что посвящённые у этих доисламских арабов или сабинян созерцали в звездах и планетных сферах то Существо, которое однажды ради спасения всего человечества на Земле должно было принести великую жертву преодоления смерти.

Обращает на себя внимание древние сабаниянские алтари, которые многократно повторяют солнечно-лунный символ, причем в том его виде, который мы находим у египтян: лунный серп, в котором покоится солнечный диск. Это можно назвать симвоом Грааля. Рудольф Штейнер указывает на то, что космическим образом Грааля является сияющий серебром лунный серп (ПСС, т. 149) причем неосвещённая часть Луны содержит духовное воздействие Солнца. На ясном вечернем или ночном небе нередко можно совершенно отчётливо распознать сияющую чашу с тёмным содержимым. Зигмунд фон Гляйх говорит в этой связи о сабианском (Савском) драгоценном камне, на котором выгравирован Феникс, когда он поднимается из своей золы, а над ним появляется символ Грааля.

Нет сомнений в том, что родиной Феникса должен быть рай. Эдуард Глэзер, первопроходец в археологии в Савве (Сабе) знает о том, что Центральная Аравия должна быть земным остатком того, что в Ветхом Завете названо садом Эдема. Зигмунд фон Гляйх, однако, не слишком высоко ценил заслуги Глэзера. В одной статье на эту тему(15) он говорит:

"Кто хочет обнаружить Эдем чисто географически, должен основательно исследовать Ветхий Завет, то, что в нём сообщается о стране Хавила, "где золото" (Бытие, 2.11 и 10.29).

Та же самая традиция говорит и об Ирландии. Это страна, в которой на удивление нет ни одно змеи с древности и донныне может рассматриваться как земной остаток, земное отображение Рая. История Грааля, пусть даже в различных версиях Роберта де Борна и Вольфрама фон Эшенбаха отчётливо выявляет связь между Граалем и кельтским Западом. Об этой связи говорится в вышеприведённой статье:

"Итак, из двух стран, связанных в прошлом с райским импульсом исходит то историческое течение, которое затем оказывается призванным стать носителем тайн Грааля. Мы сможем понять эту тайну только тогда, если обратим свой взор к райскому Божественному человеческому существу, которое никогда не подпадало грехопадению. И эту тайну тоже прозревал Вольфрам

фон Эшенбах; ведь он называет Грааль "Полнотой Рая". Это не поэтический приём".

Можно поставить один вопрос, который в данном контексте важен: какова связь между сабианской культурой доисламских арабов и Финикией, страной, когда-то называющейся Ханааном? На этот вопрос Зигмунд фон Гляйх даёт интересный, но всё же не совсем ясный ответ в своей книге "Культурно-исторические вехи" том 2. Он указывает на таинственный образ Мельхиседека, который в Ветхом Завете, в книге Бытия называется наивысшим священником. Он как великий посвященный солнечных Мистерий должен был быть не только инаугуратором Мистерий Хеврона, которые позднее финикийцем Кадмом были принесены в Грецию, и которые как мистерии Кабиров на острове Самофракия оказывали решающее влияние на греческий мир, конкретно, на Аристотеля. Он, Мельхиседек, должен был также перенести сабианские мистерии в Ханаан. Фон Гляйх пишет:

"Обзначенные здесь связи позволяют предположить, что финикийские мистерии Кабиров, с которыми Авраам познакомился в Хевроне, имели свой первоисточник в высшем Кабуре, открывавшемся через Мельхиседека, который посредством мистериальной традиции был связан сабианскими солнечными, райскими мистериями Центральной Аравии. Возможно, что уже во времена Авраама, благодаря мистериальному течению Мельхиседека основная тайна арабов, мистерия солнечного Существа - Феникса, была принесена из Сабы в Ханаан, и дальше она хранилась в Иерусалиме, Салеме Мельхиседека, а позднее, в финикийских храмах; ведь мы снова обнаруживаем её в храмах мудрости в Тире и Сидоне".

В завершение здесь надо привести важный исторический отрывок из лекции Рудольфа Штейнера (ПСС т. 131), где отсуствие Феникса он говорит следующее:

"В важнейших мистериальных центрах он сберегалось в дарохранительнице"

И несколькими строками далее:

"Это было перенесение из переднеазиатских мистерий, где сохранялось это человеческое начало (зародыш человека, Menschenkeim) в тело мальчика-Иисуса из линии Натана"

Без сомнения под переднеазиатскими мистериями подразумеваются храмовые финикийские мистерии. Те, кого посвящали в эти мистерии, как это, очевидно, было в случае строительного мастера Хирама, посвящались в дохристианские мистерии Грааля, и, возможно, следует сказать, что они посвящались **посредством святого Грааля**. Своеобразную роль в этой связи играла царица Савская. В Ветхом Завете говорится лишь о её стремлении узнать и испытать мудрость Соломона. Все её ожидания были исполнены сверх меры и, после того, как оба обменялись ценными подарками, она вернулась назад в свою страну. Однако легенды приписывают ей гораздо большую роль. В соответствии с этими легендами она не только подарила Соломону изумрудную чашу из храма Геркулеса-Феникса; в так называемой "Храмовой легенде" мы находим её как центральную фигуру в драме, которая разыгралась между Соломоном и Хирамом. Также и в легенде св. Креста из "Аурической легенды" Якоба де Фореджи (Jacques de Voragine), говорится, что эта женщина предсказала Соломону распятие Христа.

Итак, мы ясно видим, что ко времени постройки здания для Ковчега из Финикии - в лице мастера-строителя Хирама и из Сабы - в лице Балкис, царицы Савской, к этому месту, к этому строительству было донесено духовное течение, связавшее Мистерию Грааля с Храмом Соломона.

Строительством храма и местом, где оно совершалось, мы и займёмся более подробно.

3.3. ИЕРУСАЛИМ, СВЯТОЙ ГОРОД

Время правления царя Соломона является внешним апогеем истории двенадцати колен израилевых. Подготовленная неутомимым воином Давидом смогла наступить эпоха покоя, благоденствия, престижа и власти; такая эпоха, которую никогда ещё прежде не доводилось видеть потомкам Авраама, Исаака и Иакова, и которая уже никогда больше не повторилась. Сразу же после смерти Соломона царство раскололось на две части, и в связи с этим для народа Израиля начался непредвиденный ряд испытаний, неудач и заблуждений.

Стой поры, как могучий посвященный Моисей вывел народ из Египта через пустыню в землю обетованную, двенадцать колен собирались толпами вокруг подвижной святыни, вокруг Скинии Завета и ковчега Святынь, знаменем союза между Богом и его народом.

Когда же мистериальный центр Мельхиседека, город Иерусалим, подчинил, наконец, своей власти царь Давид (16), возникла возможность построить Богу Израилеву прочный дом.

Это здание, созданное благодаря сыну Давида Соломону, являлось не только внешне видимой реальностью, но было символом перспективного значения.

Чтобы понять это значение, надо совершенно буквально принять слова Библии. Яхве, устами Натана говорит Давиду о его сыне: "Он должен построить дом во имя Моё". Но какое же имя было именем Божиим? Не иное, как то, что открылось Моисею, когда он стоял перед пылающим кустом (неопалимой купиной): "Я ЕСТЬ". В ходе человеческой эволюции постепенно вырабатывалось чувство "Я" как внутреннее восприятие своего собственного духовного существа. Еврейский народ

был избран для того, чтобы это переживание "я" воспринять и привести к расцвету в мистериальном учении и религии. Он учился разделять между тем, что переживалось как низшее "я", идущее из природных задатков человека, и тем, что как высшее "Я-существо" нисходит сверху. Это последнее переживалось как самое таинственное и священное начало. Это святое Имя Божие, которого не имел права выговаривать никто, кроме посвященного Первосвященника на празднике йом-кипур. Ко времени Соломона еврейский народ был уже настолько развитым, что мог построить дом Божественному Имени; это означает, что высший принцип "Я" должен был создать себе **обитель в человеке**. Наивысшее, правящее до сих пор в космических далях, стало готово к тому, чтобы жить в святине земной человеческой души. Для этого было необходимо создать внешний символ: храм, как образ человеческого тела, в которое скрытое во тьме как в некоей самой священной дарохранительнице, должен был вступить БОГ-"Я" (Ich-Gott).

Перед тем, как будет дано более конкретное описание Соломонова Храма, нам надо ещё раз обратить своё внимание на город Иерусалим, ибо он не случайно был выбран как место, где должен был стоять храм.

Перед тем, как царю Давиду было запрещено Богом самому строить храм ("книга Царств 7,2-17; 1 кн. Паралипоменон 22,8, 26,3), он начал подготовку к этому строительству. На горе Сион, в западной части города он поставил свой дворец; туда же была принесена Скиния Завета. В разыгравшейся потом драме Давиду было строго указано на лежащую напротив гору Мориа восточной части города, ибо он видел Ангела Господня с сияющим мечом, указавшим туда. Началось с того, что Давид навлек на себя и свой народ Божий гнев за то, что велел исчислить народ. Чума, разразившаяся из-за этого, могла быть остановлена только тогда, когда Давид освятил как место для жертвоприношения гумно Орны Иевусеянина на горе Мориа. (Ангел же Господень стоял тогда над гумном Орны Иевусеянина). Это место и было тогда назначено для строительства храма.(1кн. Паралипоменон, 21,22)

Большая заслуга Эмиля Бока состоит в том, что он в своих перспективных исследованиях Ветхого и Нового Заветов (17) указал на противоположности, имевшие место в святой стране, особенно в городе Иерусалиме. Противоположность между райской Галилеей и адским, пустынным ландшафтом Иудеи находит свою кульминацию в противоположности между Сионом и Мориа; Сион пышный, зелёный, солнечный холм напротив лишённого растительности, голого лунного холма Мориа. Между обоими холмами издавна пролегалла глубокая расщелина, называвшаяся "тугороион"/Возможно, это искаженное еврейское слово терафон (расщелина). Эта глубокая расщелина, пролегающая подобно пропасти с севера на юг, отрезала более высокую часть Сиона от более низкой горы Мориа. Соломон приказал эту расщелину терафон забросать каменными блоками, так что достопримечательный разрыв, пересекающий святой город, исчез.

Сионский холм в западной части в глубокой древности был солнечным святилищем. Мы знаем, что здесь ко времени Араама находился мистериальный центр Мельхиседека, священника Эль-элион, Великого Бога Высшего. Хлеб и вино принёс Мельхиседек "лунному жрецу" Аврааму, который прежде долгое время прожил в Харане, вавилонском городе, где находился центр лунного богослужения. Авраам преклонил колена перед этим высоким образом и пожертвовал ему десятину от всего своего имения. Книга Бытия ничего больше не открывает о Мельхиседеке. И всё же в "Послании к евреям" содержатся следующие слова о нём

(Послание к евреям 5-10,7,1-12): 1.

"Ибо Мельхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего - тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей. 2.

Которому и десятину отделил Авраам от всего - во первых по знаменованию имени царя правды, а потом и царя Салима, то есть царя мира. 3.

Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда. Видите, как велик тот, кому и Авраам праотец дал десятину из лучших добыч своих."

Это место не оставляет сомнений, о чём идёт речь. За именами "царь справедливости, правды, царь мира" скрывается высшее духовное существо, посвященный, который уже преодолел низшие стадии человеческого становления и "стал подобным Сыну Божию". Рудольф Штейнер указывает на связь древних индусов с Ману (Ной) (ПСС, т. 123) Он говорит, что это высокий посвященный атлантического оракула, великий, уготовлявший путь Христу, явил себя Аврааму в телесной форме прародителя семитов. Мельхиседек имел эфирное тело, то есть, жизнеобразующие силы Сима (18).

Еврейские легенды подкрепляют эти спиритуальные познания. Это выражается хотя бы в том, что в мистериальном центре Мельхиседека была "школа Сима".

Другое сочинение Эфраима Сирского (306-373 гг. по Р.Х.) освещает образ Мельхиседека, оно озаглавлено "Пещера сокрвищ" (19). В ней рассказывается, что своему сыну Сифу Адам велел после своей смерти набальзамировать свой труп и положить его в "сокровищницу", пещеру в горе под раем. Он также должен был позаботиться о том, чтобы все потомки помнили, что в случае возможного ухода из страны, его тело они должны взять с собой и доставить к центральному

пункту Земли для того, чтобы он со временем мог бы отчасти стать спасённым. Так и произошло. Ной взял останки Адама и Евы из сокровищницы и перенёс в свой ковчег, возложив на них три дара - золото, ладан и смирну (мирру). Затем Ной, прожив после потопа ещё триста пятьдесят лет, почувствовал близость кончины. Он дал своему сыну Симу задание; извлечь останки Адама из ковчега и перенести к центральному пункту Земли. Он должен был взять с собой хлеб и вино, и взять в качестве спутника Мельхиседека, поскольку тому было предназначено оставаться стражем гробницы Адама. Сим взял останки Адама из ковчега, запечатал ковчег, и отправился в дорогу с молодым Мельхиседеком. Их сопровождал Ангел, он привёл их на Голгофу, к центральному пункту Земли. Когда Сим и Мельхиседек положили там останки Адама, земля разверзлась в форме креста. Они положили останки в разверзшуюся полость, которая затем снова закрылась. С тех пор это место называлось "Место черепа"

И сказал Сим Мельхиседеку:
 Ты - слугитель Бога Вышнего,
 Ибо одного тебя избрал Бог
 Служить перед Ним в этом месте,
 Оставайся же навечно здесь,
 И ни разу в жизни
 От места сего не отступайся,
 Не имей жены!
 Не подрезай свои волосы!
 Не проливай крови на месте сем,
 Не жертвуй ни диких зверей, ни птиц,
 Но вместо них только хлеб и вино!
 Не возводи зданий на месте сем!
 Ангел Господень будет
 Постоянно сходить к тебе
 И о тебе заботиться."
 Затем обнял он Мельхиседека,
 Поцеловал и благословил его,
 А затем вернулся к своим братьям.
 (*Пещера сокровищ, 23, 19-24*)

Итак, Салем был посвящён Эль-элийону, Богу Вышнему. Он был местом, где сохранялась мистерия первого тела, пра-тела человека, тела, которое было создано ещё в раю. Охранял его тот, кто был царём-священником, причём не по земному назначению, а по Божественному изволению. Люди помнили о том, что главными субстанциями в этом мистериальном культе были хлеб и вино.

Иерусалим - своего рода пуп Земли, где небо и нижний мир сталкиваются друг с другом как жизнь и смерть, как творящий солнечный мир и материальное затвердевание.

Холм примирения, "место черепа", на котором над древнейшей гробницей человечества был воздвигнут крест Спасителя, где Новый Адам восстал из своей каменной гробницы, облекшись в бессмертные одежды тела Воскресшего - этот холм расположен не точно между Сионом и Мориа, между Солнцем и Луной, но немного сдвинут вниз, подобно тому, как сердце расположено не точно посередине груди, а сдвинуто влево. И всё же силы подземных глубин, которые страшным образом выявились когда-то в древней расщелине Терафон, должны были ещё действовать в непосредственной близости с Голгофским холмом во время распятия. У нас достаточно оснований, чтобы допустить, что Голгофа и расположенная в непосредственной близости от Голгофского холма гробница, находилась именно там, где позднее св.Константин Великий велел построить св. Храм Гроба Господня. Это место в настоящее время находится в середине старого города Иерусалима, но во время распятия оно располагалось ещё вне городских стен, у так называемых "садовых ворот" в северо-восточном углу тогдашних городских границ. Эта часть западной холмистой области лежит немного в стороне от древней расщелины Терафон, но, вероятно, составляла один из её западных отрогов. Находящиеся там сады (один из которых принадлежал Иосифу Аримафейскому, который устроил там свою собственную гробницу) носили характер Сиона; они непосредственно граничили с голой Голгофской вершиной с её характером Мориа, где по свидетельству очевидцев шестого века была ещё видна в земле расщелина Терафон. Внизу шумела подземная река, которая подпитывалась из источника Силоам на юге.

Место, где расположена гора Давида с царским дворцом, и где стояла временная капелла, в которой помещалась Скиния, перед тем, как её перенесли на гору Мориа, было, по всей вероятности, расположением древнейшего святилища Мельхиседека. Оно находится на южной стороне Сиона; там возвышается солнечный камень (менгир), культовый синоним Бога Вышнего, по которому гора получила своё имя.

В то время, как при Соломоне центральным пунктом политической и культовой жизни были царский дворец и храм, заложенные в восточной части, южная сторона Сиона была местом покая. Там был погребён Давид, а также все иудейские цари до Езекии (97 г. до Р.Х.) Эти царские гробницы были разграблены в ходе времени, а в конце и Иродом, но несмотря на это, эта часть города оставалась спокойной и мирной. Здесь, над гробом Давида ессеи основали свой орденский дом, в котором Иисус и Его ученики собирались на Тайную Вечерю. Здесь звучали слова о хлебе и вине как о плоти и крови, как жертвенном знамени нового союза. Здесь, среди своих учеников являлся Воскресший, и здесь во время Троицы совершилось излияние Святого Духа. Для первой древней общины в Иерусалиме орденский дом ессеев, Ченакулюм - как его стали называть позднее -, стал местом общих собраний; там же осуществлялось первое христианское богослужение, культовое повторение сакральной жертвы Хлеба и Вина.

3.4. ХРАМ СОЛОМОНА

Учитывая эти топографические легендарные и исторические особенности святого города Иерусалима, мы хотим рассмотреть Храм Соломона. Сам по себе храм отличается непостижимой простотой и архитектурной строгостью. То, что среди построек обладало блестящим внешним видом, было не святилищем, а царским дворцом с его колоннами и пилястрами, балками из кедрового дерева, с его большими залами. Масштабом для святилища Соломон избрал масштаб Скинии Завета. Этот масштаб он удвоил, добавив передний двор. Окружающие его подсобные помещения расположились на трёх ярусах, жилища священников, кладовые для запасов, вначале кажутся несущественными для символики здания. Эта символика соотносится с физическим телом человека, которое должно стать храмом Бога. Если мы всё же рассмотрим размеры здания, то с первого раза нам покажется понятным, какое отношение к человеческому телу могут иметь этот прямоугольный блок размером 60X20X30 локтей. Это становится понятным, только если мы обратим внимание на предшественников Соломонова Храма, особенно на Скинию Завета (Кивот), которую построил Моисей по указанию Бога, а также исследуем ковчег Ноя.

Перед тем, как сделать это, надо указать на более доступную чувствам символику, на троичность здания храма, а также на связанную с этим символику культового убранства внутри него.

Три элемента: передний двор, святилище, Святая Святых - по древнееврейски элам, хекаль и дебир можно рассматривать как тело, душу и дух, благодаря чему храм является отображением совершенного человека. К переднему двору надо добавить ещё две свободно стоящие колонны. В чем состоит символизм этих колонн, будет рассмотрено особо. Они, во всяком случае имеют отношение к "телесному" аспекту. "Душевная" часть содержит важнейшие культовые предметы; алтарь каменный для возжигания курений, светильник с семью ветвями (минора) и стол с двенадцатью хлебами предложения (есть данные, что с десятью). К этому помещению надо причислить и занавес (завесу), которая занавешивала вход в Святая Святых. Эта занавес была окрашена в четыре цвета, символизирующие четыре элемента - землю, воду, воздух и огонь. Число двенадцать хлебов предложения - указывало на двенадцать созвездий Зодиака, число семь - по числу ветвей светильника - связывалось с семью планетами. Человеческая душа благодаря благоволиям настраивалась на благочестивый, самоотверженный лад, удалялась в космические высоты. Затем перед порогом она должна была активизировать область собственного духа. Покров земного элемента (завеса) закрывала Божественную тайну Святая Святых. Бог-"Я" не имел образа. Он жил во мраке совершенного куба 20X20X20 локтей в Святая Святых. Эта часть, в которую не мог проникать свет, находилась на западной стороне здания. Вход был обращён на восток. Эти три отличительных признака Святая Святых - положение, ориентированное на запад, кубическая форма и затемнение - указывали на связь о смерти. Израэлит фактически обретал сознание, что он, стоя перед покровом, завесой, состоящей из чувственно-воспринимаемых элементов потерял за ней Божество из-за своего отпадения, неисполнения повелений Бога. Ответом на его грех обособления была смерть. Смерть скрыла Божий лик. Увидеть Бога - значило умереть. Перед тем, как стало возможно удалить завесу перед Святая Святых Бог сначала должен был явиться в земном человеческом теле, сойти в царство умерших и посредством этого преодолеть смерть как помрачение сознания. Мессия является реализацией храмовой символики.

Легенда гласит, что кости, череп Адама лежат как бы погружённые в сердце города. Это значит: тот, кто был живым в древнем райском состоянии - а именно человек, как образ Божий, живущий в саду Эдемском, стал смертным из-за отпадения от Бога. Земля стала его домом и , в то же время, его гробницей. Но земная гробница, тело, несущее в себе смерть, будет когда-либо пробуждённым к новой жизни солнечным царством, человеческое тело снова станет живым домом духа. Вот для чего Всевышний хотел принести жертву, пронизав тело и кровь **одного** человека. Это тело и эта кровь хотя и принадлежали к роду Адама, но их населил безгрешный, оставшийся космическим Гений Адама, Существо Иисуса-Феникса.

"Я", действовавшее в крови Иисуса до его тридцатилетия, ещё не было Христовым "Я", ещё не

было "Именем Божиим", но было лишь его чистой "чашей". Высшее "Я", однако, могло быть воспринято в эту чашу при Крещении на Иордане, воспринято в **одного** человека, для того, чтобы жить в **этом** человеке. "Тело Адама" вследствие принятия высшего "Я" обрело свою духовную завершенность, снова обрело райскую полноту. Оно стало Воскресшим телом Иисуса Христа, оно стало новым Адамом. Эта тайна Грааля в течение тысячелетий находила своё символическое выражение в храме. При этом, однако, было совершенно недостаточно одной мудрости Соломона. Ему была нужна помощь финикийского посвящённого Хирама.

Для того, чтобы понять смысл размеров храма, мы должны сначала рассмотреть Ноев ковчег. Ноев ковчег не был ведь, собственно, кораблём - как могли бы разместиться на пространстве 300x50x30 локтей пары всех животных? Этот чудесный, удлинённый питомник был ничто иное, как архитектурный замысел самого человеческого существа, каким оно должно было сформироваться телесно в послеплатоническую эпоху. Оно было подготовлено в атлантическую эпоху, и должно было быть спасено от деградации, обусловленной нравственным падением жителей Атлантиды (см. главу 2.6)

Как могло возникнуть нынешнее, послеплатоническое тело человека в его трёхмерном виде? Рудольф Штейнер отвечает на этот вопрос следующим образом (ПСС, т. 93): "Размеры современного человеческого тела определяются внешними аспектами человека, его душевным существом и связью жизненных и формообразующих сил, пронизывающих наше тело. Непосредственно после смерти у человека возникает чувство, что он как бы растёт. Он больше не живёт в своей физической оболочке, он тут же оставляет её, но начинает осознавать свою жизнь как "тело", в котором сохраняются все представления его жизни в виде огромного "табло" из воспоминаний. Умерший видит это табло и тут же воспринимает, что он пребывает в разросшемся, увеличенном, нематериальном теле. Это увеличенное, невещественное тело должно быть - как говорил Р. Штейнер - как представление пробуждено ещё в древнюю атлантическую эпоху, для того чтобы оно, уже как физическое тело могло уплотниться до нынешних размеров. Эфирные или жизненные формы, которые теперь переживает человек после смерти, должны были сперва возникнуть в качестве идеи в то время, когда жизненное (эфирное) тело и физическое тело были ещё не так крепко связаны друг с другом, как это имеет место сейчас во время жизни. Эта эфирная формообразующая модель была как бы предназначена для человека его духовными вождями ещё в ту, атлантическую эпоху. Если мы представим себе, что мы были бы окружены эфирной формой, из которой правильным образом могло затем возникнуть физическое тело, то мы были бы окружены Ноевым ковчегом размером 300x50x30 локтей. Рудольф Штейнер говорил, что всё человечество воспринималось посредством действенных символов. В пропорциях нашего физического тела мы несём в себе пропорции Ноева ковчега. Если человек протянет свои руки над головой, то возникнет соотношение длины к ширине 300/5 или 6/1. Даан Ван Беммелен в своей брошюре о первом Гётеануме указывает пропорцию 6/1 когда он описывает строительство египетского храма и изображение Богини Нут, которая часто изображается на внутренней стороне египетских саркофагов с высоко поднятыми руками. Храм - это тело, а тело - это храм!

Ближайшим важным шагом явилось изготовление Скинии. Здесь мы находим размеры 30x10x10 локтей для, собственно, храмовой части, окружённой двором 100x50 локтей, где стояли треножник воссожжения и кадилницы. Что касается удвоения ширины в пропорции, которая здесь составляет уже не 1/6, а 1/3, то Ван Беммелен считает возможным допустить, что это как-то связано с тем, что Яхве сотворил человеческую пару - Адама и Еву.

Скиния или походная святыня сама состояла из двух частей; святилища в 20 локтей в длину, где находились кадилницы, семисвечник и престол с 12 хлебами, за ними "Святая Святых" десять локтей длины, которую от святилища отделяла завеса. Здесь находился Ковчег Завета и Скрижали Закона. Если на плане помещения изобразить фигуру человека с руками поднятыми над головой, то голова будет находиться в Святой Святых. Размеры Ковчега Завета 2,5локтя в длину, 1,5 локтя в ширину и 1,5 локтя в высоту точно соответствуют черепу лежащей фигуры. Если бы фигура находилась в сидячем положении, то череп точно касался бы крыши Скинии. Таким образом, храмовое здание Иерусалима было продолжением архитектурной мысли заложенной в Ковчеге и Скинии Завета, хотя сюда были добавлены некоторые элементы для будущего. Наука сообщает нам о том, что эволюция Земли и человечества протекала по большим фазам, эпохам. Оккультная литература различает семь эонов или семь земных эпох, каждая из которых делилась на семь культурных периодов. (мы в настоящий момент находимся в пятой послеплатонической культурной эпохе). Уже сейчас нам надо готовиться к тому, что в шестом эоне, кроме всего прочего должны реализоваться иные, новые формы человеческого тела. В одной из лекций 1907 г. (21), которая сохранилась по записям его слушателя, Рудольф Штейнер говорит следующее:

"У расы (теософский термин для названия земных эпох, - пр. автора), которая придёт на смену нашей, то есть у шестой расы человеческое тело будет сформировано совсем иначе; уже сегодня человек должен переживать те мыслеформы, которые в ближайшей коренной расе могли бы послужить прообразом для формирования правильных пропорций в теле человека. Эти

мыслеформы должны быть даны человеку предварительно. Сегодня человек построен по пропорции 300x50x30. В будущем он будет построен совершенно иначе. Каким образом могут быть даны человеку те мыслеформы, в соответствии с которыми он будет строить форму человеческого тела в будущем? Об этом уже говорилось. Это пропорции Соломонова Храма. Эти пропорции Соломонова Храма, будучи реализованы в физической форме, отображают в глубокой символике всю организацию физической формы человека будущей, шестой расы (*Не следует шестую коренную расу, то есть шестую послееатлантическую эпоху путать с шестой русско-славянской культурой, которая является шестой культурой пятой послееатлантической эпохи -- примечание переводчика*)

Все вещи, активно воздействующие на человечество происходят изнутри, а не извне. То, что в какое-то время было мыслью и ощущением, становится в ближайшую эпоху внешней формой. Индивидуальности, которые руководят человечеством, должны заранее, за много тысячелетий прежде насадить человечеству ту мыслеформу, которая потом должна будет реализоваться во внешней действительности. Такова функция мыслеформ, которые оказывают своё воздействие посредством таких символических образов. Они имеют вполне реальное значение.

Не так-то легко открыть, что именно в пропорциях Соломонова Храма являлось новым, по сравнению со Скинией Завета и Ковчегом Завета. Храм имел 60 локтей в длину и 20 локтей в ширину, то есть был вдвое длиннее и шире, чем Скиния. Лишь высота в 30 локтей превышает соотношения более ранних культовых помещений. Но насколько существенно то, что Святая Святыя представляет собой кубическую форму 20x20x20 локтей? Не была ли обусловлена разница по высоте, составлявшая 10 локтей, конструктивными особенностями крыши; может быть эти 10 локтей в простой палатке (скинии) были не нужны? И так, была ли разница обусловлена технической необходимостью? Решение этой загадки нельзя получить ни из Ветхого Завета в книгах Царств, или в книгах Паралипоменон, ни из лекции Рудольфа Штейнера, сохранившейся в конспекте его слушателя. (ПСС, т. 93) Тем не менее, мы немного продвинулись дальше. Речь идёт о том, что в форме храма должен символически выражаться переход от четырехугольника к пятиугольнику. Развитие человека на Земле протекало так, что с рождением "я"-сознания прежняя троичность была дополнена до четверичности. Эта троичность была ничем иным, как троичностью физического тела (или тела формообразующих сил) и душевной частью человека, называемой "астральным телом". Эти части человеческого существа возникли ещё в древнейшие космические эпохи. В атлантическую эпоху подготавливалось рождение чувства "я". Первые зародыши этого чувства "я" мы находим в маленьких группах пра-семитов (ПСС, т.13), вокруг великого вождя человечества Ману, который для евреев был и Ноем и Мельхиседеком. В народе Израиля, а позднее, главным образом в колоне Иудином, то есть среди иудеев, это чувство "я" сплошь и рядом развивалось настолько, что тройственность переходила в четверичность, чтобы мог быть в качестве члена приживлён ещё более высокий принцип - Божественное "Я". Имя "Я-есмы" готовилось, тем самым, к тому, чтобы низойти в этот народ, в сына Давидова.

Прежде, во времена царя Соломона, то есть тысячу лет до Рождества Христова, Господь стремился так охватить свой народ, чтобы человек стал храмом Божьего Имени, которым должно было стать высшее "Я-есмы" Божество больше уже не открывалось посредством знамений из царства элементов, стихий, как это было во времена Моисея.

"В груди человека, будучи сокрыто в глубинном святилище человеческого "я" Божество хочет сделаться моральным Богом. Так человеческое тело становится великим, чувственно-воспринимаемым образом Святыя Святыя". (ПСС, т. 93)

Этот факт становится теперь архитектурным символом. Человеческое тело, дом Бога, должно было стать храмом. Священный пифагорейский квадрат должен быть дополнен до пятиугольника. Где же находим мы этот пятиугольник?

"Портал, крыши и угловые стойки вместе образуют пятиугольник (ПСС, т. 93). Эти несколько неясные, зашифрованные сообщения Рудольфа Штейнера Даан Ван Бемелен в своей вышеупомянутой книге решает на удивление просто: он принимает за угловые стойки боковые помещения для священников, которые, вероятно, начинались в угловой башне. Затем в той же самой лекции Рудольф Штейнер указывал на двух золотых Херувимов, которые стояли в помещении Святыя Святыя.

Он говорит: "Пятый принцип, который ещё не снизошёл вниз, должен быть защищен обоими высшими существами - Будхи и Манасом. Это входные врата в манихейское развитие человечества.(ПСС, т. 93)

Высшее существо человека открывалось в первую очередь как его духовное "я" - в теософской литературе оно названо Манас. Это выражение Рудольф Штейнер использовал часто, но в более поздние годы заменил его немецким словом "Самодух". В христианской эзотерике этот принцип означает Святого Духа. Развитие Манаса у человека является эволюционной ступенью будущего, ступенью, на которой Святой Дух может развиться в качестве высшего "Я" (Selbst) Ещё один шестой, более высокий принцип обозначается словом Будхи или Жизнедух. В христианской эзотерике он называется "Сын".

В берлинской лекции от 1905 (ПСС, т. 93) после всего, что уже было упомянуто о здании храма, Рудольф Штейнер начинает говорить о тамплиерах.

"Позднее, в средние века, идея Соломонова Храма снова оживает у рыцарей тамплиеров, которые хотели эту идею храма принести в западные страны".

Поэтому первые рыцари в течение десяти лет оставались в одном месте, расположенном очень близко к месту древнего Храма. О том, что они там делали, речь пойдёт в главе 5.2. Для того, чтобы мы могли хорошо понять символику Храма, мы должны уяснить себе, в чём состояла специфическая задача финикийского посвящённого Хирама при строительстве на горе Мория.

3.5. ХИРАМ И ХРАМОВАЯ ЛЕГЕНДА

Мудрость Соломона была плодом тысячелетнего развития в народе Авраама, Исаака и Иакова. Она была в известном смысле "унаследованной" мудростью, которая благодаря власти судьбы концентрировалась в особенных индивидуальностях. В Соломоне и его современники, и те, кто жил позже, переживали мессианское пред-отражение, предвестие, прообраз универсального человека. Семь имён, коорые он носил, указывали на семь аспектов в человеческом существе. Не без причины наиболее употребляемое из имён - Соломон, - то есть мирносец, миротворец, связано с пятым аспектом - Самодухом или Манасом.

Но и легенды и история согласуются между собой, когда перечисляют слабости Соломона. Как индивидуальность, как человеческое "я" он ещё далёк то мессианского образа совершенного человека. Этот образ лишь облекал его подобно царской мантии, он был его личиной, маской, но не его индивидуально завоёванным достоянием. Строительству Храма, которое было важнейшим деянием его царствования, он мог содействовать лишь концептуально, подав идею, тогда как техническое исполнение он должен был поручить мудрому человеку Хираму Абифу из Тира. Эта совместная работа могла оказаться весьма успешной, плодотворной, если бы между этими людьми, не вспыхнуло вновь древнейшее раздвоение человеческого рода, подобно возникшему между Каином и Авелем.

Библейское повествование о строительстве Храма обходит молчанием этот раскол, но так называемая "Храмовая легенда" по своей ясности не оставляет желать лучшего.

Храмовая легенда относится к эзотерике масонов и восходит к Христиану Розенкрейцу, как сообщает об этом Рудольф Штейнер. (ПСт. 93) С 15 столетия эта легенда обреталась в братстве розенкрейцеров, а позднее у масонов. Её глубокое значение было известно лишь малому числу посвящённых. В главе 2.4 уже указывалось на связь между Христианом Розенкрейцом и Хирамом Абифом.

В Хираме мы должны видеть не только финикийского посвящённого, который знал мистерию Солнечной птицы Феникс и мистерию Чаши жертвенной любви; в нём мы должны признать особенного представителя потока Каина. То, что с образом Каина связана глубокая тайна, книга Бытия повествует весьма завуалировано, а именно, посредством странных слов, которые произносит Ева после того, как родила Каина: "Приобрела я человека от Господа" (Бытие 4,1) (22) Храмовая легенда даёт объяснение этому загадочному высказыванию: Каин не является сыном Адама, но Ева зачинает его от одного из Элоимов. Итак, Каин - это Сын Божий, существо, которое возникло не в процессе полового размножения, а ещё до грехопадения. Второй ребёнок Авель возник посредством земного оплодотворения. Но следствия грехопадения воздействовали и на Каина. Когда его жертва, принесённая Богу Яхве была отвергнута, он убил своего брата Авеля. Затем снова следуют загадочные слова, которые говорит Господь Бог; "за то всякому, кто убьёт Каина отмстится всемеро"(Бытие 4. 15) Это значит, что Каина и его потомков, несмотря на тяготевшее над ним проклятие, нельзя было ни преследовать, ни убивать. Затем род Каина описывается как то течение, из которого выходили люди с творческими способностями; мастера-строители, изобретатели, техники, деятели искусства. Одностороннее моральное суждение, сложившееся о Каине в более поздние времена, наложило на него штамп архизлодея, тогда как на Авеля - штамп доброго, невинного человека. Но и книга Бытия, и, особенно, "Храмовая легенда" вынуждают нас к более взвешенным мыслям о Каине и Авеле. Имагинативный образ райского древа может нам в этом помочь. В раю древо жизни и древо познания добра и зла - суть одно и то же. (В каноническом переводе, однако сказано: "Произрастил Господь Бог из земли всякое древо, приятное на вид и хорошее для пищи, и древо жизни посреди рая, и древо познания добра и зла" (Бытие 2-9) "И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простёр руки своей и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно".(3-22)_ - примечание переводчика) После того, как человек поел с древа добра и зла в нём происходит глубокое изменение. Он должен оставить рай и отдалиться от древа жизни. Отсюда ясно, что речь идёт о двух деревьях.

Что означает этот абзац? Под влиянием Люцифера человек высвобождается от солнечного воздействия Элохима. В своём сознании человек впервые переживает самостоятельность, он отличает добро и зло. За это он должен заплатить, приняв смерть; это значит, что отмирающая

часть его организма дарит ему возможность самостоятельного сознания. Его система нервов и органов восприятия и является редуцирующимся, усыхающим древом познания в его теле. Он может поставить себя под воздействие Яхве, Который, будучи одним из Элохимов, одним из семи творящих Солнечных Духов, принёс себя в жертву, оставляя свою изначальную сферу, чтобы связать себя со сферой Луны. Исходя отсюда Он хочет бороться с влиянием Люцифера.

Яхве действует на бессознательном уровне в крови и наследственности, Он хочет, чтобы ставшее свободным человеческое сознание благодаря ре-лигии, то есть благодаря обновлённой связи, удержать в себе божественный мир.

Для Него, (Яхве) благоприятным является течение, исходящее от Авеля или, после смерти Авеля от Сифа; течение религиозных людей. Полные последствия грехопадения - отпадение от Бога Каинит, - человек Каина - переживает не так сильно: гораздо сильнее переживает это Авелит, человек Авеля, что сказывается в его отношении к сверхчувственному, невидимому. Он принял в своё сознание силу смерти, это открыло ему внешние глаза (Бытие 3,7), но из-за этого он больше уже не может видеть Бога.

Поток Каина, напротив, содержит некоторым образом связь с древом жизни, поскольку происхождение Каина связано с райским Солнечным элементом. Он магический человек, чья воля исполнена космической творческой силой. В его сознании сначала не развивается элемент смерти (познания добра и зла). Грехопадение происходит в его воле, он совершает смертное деяние, убийство. И, тем не менее, точно также важно для человечества, как и потомство Сифа, занявшего место Авеля.

Вот почему никто не смеет убить Каина, но он должен быть изгнан. Между родом Каина и родом Авеля должна была царить вражда, до тех пор, пока Христос не примирил двух братьев.

Искусство и наука, тем не менее, представляют собой плоды трагедии Каина. Благодаря им обрабатывались и преобразовывались земные огненные силы в воле творческих людей. Силы, ещё родственные Солнцу, преодолевали силы смерти, грехопадения, точно так же, как религиозная самоотдача (лунная сила Яхве) освящала сознание.

При строительстве Храма Соломона мы с особой ясностью видим, как выступают эти два потока человечества: их представляют Хирам и Соломон.

Религиозное содержание, ясные, пронизанные мудростью мысли, положенные в основу здания, исходили от Соломона. Форма, окончательная реализация, практическая мудрость, требовавшая технической фантазии, могла исходить только от сына Каина. Благодаря способностям Хирама как главного производителя работ и литейщика возникли колонны Иахин и Боас у входа в Храм, а на переднем дворе так называемое "Медное море", ёмкость для воды, изготовленная из бронзы, покоящаяся на двенадцати опорах в форме тельцов, обращённых по три на каждую сторону света.

Символика двух колонн говорит точно и понятно. Как два райских дерева предстоят эти две бронзовые громады - колонна жизни Иахин и колонна смерти Боас, перед теми, кто хочет войти в Храм с Востока.

Храм, как мы уже видели, является телом. Колонны жизни и смерти, мудрости (познания), и силы существуют и в нашем физическом теле: у нас есть органы жизни и органы познания, как уплотнившееся, редуцированное в нас райское дерево.

То, что было разделено из-за грехопадения, благодаря силе Христа должно в будущем снова соединиться. Авель и Каин должны примириться. На эту тайну в имажинативной форме указывается посредством символов - "Медного моря и "золотого треугольника". И тот, и другой известны из содержания Храмовой легенды в пересказе из 93 тома Р. Штейнера. Там сообщается следующее:

" Было время, когда один из Элохимов создал человека: одного человека, которого он назвал Евой. Сам Элохим связал себя с Евой и от Евы родился Каин. Тогда же Элохим Яхве или Иегова создал Адама. Адам однажды сошёлся с Евой и от этого брака родился Авель. (В случае Каина мы имеем дело с непосредственным сыном Бога, а в случае Авеля - с отпрыском Адама, созданного уже в качестве человека, и Евы - примечание автора).

Жертвенные дары, которые Авель принёс Богу Яхве были приятны Богу. Но жертвенные дары Каина не были приятны, ибо Каин возник не по прямому велению Яхве. Следствием было то, что Каин совершил братоубийство. Он убил Авеля. Поэтому он был лишён общения с Яхве. Он ушёл в отдалённые области и стал там родоначальником своего собственного рода.

Адам снова сошёлся с Евой, и как замена Авелю был рождён Сиф, который тоже упоминается в Библии. Так возникло два рода в человечестве; первый происходит от Евы и Элохима, это род Каина: и второй, имеющий чисто человеческое происхождение, то есть происходящий от людей, соединившихся по велению Яхве.

Из рода Каина происходят все те, кто был призван в жизни на Земле к искусствам и наукам, например, Мафусаил, который изобрёл письмо, письмо-тау и Тубал-Каин, который учил обрабатывать медь и железо. Так в этой линии, происходящей непосредственно от Элохимов, возникло человечество, которое формируется благодаря искусствам и наукам.

Их этого рода Каина произошёл и Хирам. Он унаследовал всё то, что в разных поколениях

сынов Каина было накоплено как познания, искусства, техника. Хирам был выдающимся искусным строителем, какого только можно себе представить.

Из другой линии, из рода Сифа, произошёл Соломон, который отличался во всём, что происходит от Яхве или Иеговы. Он был наделён мудростью мира, всем тем, что могло быть получено сынами Иеговы как спокойная, просветлённая мудрость. Это была мудрость, которую можно был выразить словами, которая проникала глубоко в сердце человека, могла возвысить его: но с её помощью нельзя было непосредственно постичь объект, осуществить нечто реальное в области техники, искусства или науки. Это была мудрость, которая являлась прямым даром Бога, а не выработанная внизу мудрость, проистекающая из человеческих страстей, человеческой воли. Она была у сыновей Каина, у тех, кто происходил по прямой линии от другого Элохима. Это были серьёзные работники, они всё хотели сделать сами.

И вот Соломон решил строить Храм. В качестве строительного мастера он привлёк к этому делу потомка сыновей Каина, Хирама. Это случилось в то время, когда царица Савская Балкис отправилась в Иерусалим, поскольку слышала о мудрости Соломона. И, прибыв туда она на самом деле была восхищена величественной, ясной мудростью и красотой Соломона. Он домогался её и требовал от неё согласия. Тогда же царица Савская услышала о строительстве Храма и захотела познакомиться с мастером-строителем Хирамом. Когда же она увидела его, лишь один его взгляд на неё произвёл огромное впечатление и совершенно захватил её.

Между Хирамом и мудрым Соломоном вспыхнула ревность. Вследствие этой ревности Соломон стал бы охотно интриговать против Хирама, но он сдерживался для того, чтобы Храм был достроен.

Затем произошло следующее: Храм до известной степени, был уже готов. Недоставало только одного мастерского шедевра Хирама, а именно - Медного (рудного) моря. Это произведение мастера должно было отображать океан, отлитый из металла в качестве украшения Храма. Чудесным образом подготовил Хирам все компоненты сплава, всё было готово к отливке. Но в деле участвовали три подмастерья (товарища), которых Хирам в Храме счёл неспособными для получения звания мастера. Поэтому они поклялись отомстить ему, и хотели помешать изготовлению Медного моря. Один друг Хирама узнал об этом и сообщил Соломону о плане подмастерьев, чтобы Соломон сорвал этот план. Но Соломон, ревнуя к Хираму пустил события на самотёк; ведь он хотел навредить Хираму. Следствием стало то, что Хираму пришлось увидеть, как всю отливка разваливается у него на глазах, потому, что три подмастерья добавили в массу ненужное вещество. Он попытался погасить разбушевавшийся огонь, выливая воду, но от этого стало ещё хуже. В то время, когда он уже был близок к тому, чтобы отчаяться в осуществлении всех своих намерений, ему явился сам Тубал-Каин, один из его предков. Он сказал Хираму, что он должен спокойно броситься в огонь, ибо тот ему не повредит. Хирам так и сделал и достиг центрального пункта Земли. Тубал-Каин привёл его к Каину, который пребывал там в состоянии изначальной божественности. Хирам был посвящен в тайну огненного творчества, в тайну литья ит.д. Он получил от Тубал-Каина молот и золотой треугольник, который он должен был носить у себя на шее. Затем он вернулся назад и смог изготовить Медное море, приведя в порядок процесс отливки.

Хирам даже добился руки царицы Савской, но три подмастерья напали на него и убили. Всё же прежде, чем умереть, ему удалось бросить золотой треугольник в колодец. Когда Хирам исчез, его начали искать. Сам Соломон испугался и хотел остаться в стороне. Были опасения, что три подмастерья могут выдать древнее слово мастеров, и было решено договориться о новом слове. Первое слово, сказанное в тот момент, когда будет найден Хирам, должно было стать новым словом мастеров. Когда Хирам был обнаружен, он смог сказать ещё несколько слов. Он сказал: "Тубал-Каин предсказал мне, что у меня будет сын, у которого будет много сыновей, которые населят Землю и доведут до конца мой труд - постройку Храма. Затем он указал место, где найти золотой треугольник, который принесли к Медному(рудному) морю. Всё это сохранялось в особом месте в Храме в Святая Святых. Их смогут найти только те, кто имеет представление о том, что означает вся эта Храмовая легенда о Храме Соломона и его строителе, мастере Хираме. (По другой версии, когда Хирама нашли плоть уже отделялась от кости - примечание переводчика)

В следующей главе надо попытаться с помощью духовного познания Рудольфа Штейнера внести вклад в интерпретацию этой легенды.

3.6. НЕВИДИМЫЙ ХРАМ

Обсуждая "Храмовую легенду" мы касаемся центральной тайны человеческого развития, с которой мы, правда соприкасаемся ежедневно, но которая не становится содержанием нашего повседневного сознания. Мы уже слышали, что имеется два человеческих потока, которые восходят к первоначальной эпохе развития человечества на Земле; они живут и действуют полярно противоположно друг другу. Один из этих потоков представлен Соломоном, это поток рассудочной мудрости, бесстрастного благочестия; другой поток сынов Каина, который

определяется по отношению к огню. Их мудрость - это не прохладная, ясная вода, она подобна брызжущему огню, она импульсивна и одухотворяет.

Рудольф Штейнер замечает, первопричина этой разницы состоит в различии типов Элохимов, которые создал поток Каина и Адама-Сифа. Яхве в своём развитии был более продвинул, чем Элохим, вступивший в связь с Евой. Этот последний принадлежит к группе иерархических существ, которые в ещё неразделённом виде несли в себе мудрость и огонь - в данном контексте не физический, но астральный огонь, огонь страсти; в то время как Яхве, будучи на более высокой ступени развития, преодолел элемент страстей. Оба потока действовали в следующих друг за другом эпохах развития. Их "огненной мудрости" сынов Каина возникли все науки и искусства, из иеговистской мудрости сынов Сифа возникла ясная мудрость и бесстрастное благочестие религиозных людей.

В начале христианства древнее благочестие должно было проникнуться новым элементом, огнём, который является уже не страстным, но чистым огнём любви. Христос - не только мудрость, Он - инкарнация самой Божественной Любви. Новое христианское благочестие, тёплое и одухотворённое возникает в эпоху первоначального христианства и расцветает в средневековье, но связи с сынами Каина не могут быть установлены сразу. Перед тем, как сможет состояться настоящее примирение враждующих братьев во Имя Христово, сыны Каина должны исполнить одну миссию, очень важную как для нашего времени, так и для будущего. Если бы все люди быстро прониклись христианством, тогда импульс любви хотя и был бы воспринят, но индивидуальный человек, человеческое сердце, не могло бы связать себя с этим импульсом в свободе. Человек признал бы тогда Христа не как брата, а как Повелителя. Вот почему в нашу культурную эпоху на передний план должны были выдвинуться сыны Каина, те, кто занимается материей, вещами мира, внешними делами. Материализм, с неизбежностью возникающий при этом, необходим, поскольку отдельный человек, именно как отдельный развивается и обучается благодаря ему. Однако в материализме кроется опасность всевозрастающего эгоизма, который, в конце концов, ведёт к войне всех против всех, и на фоне которого каждое человеческое "эго", каждое человеческое "я" переживает "я" другого человека как врага. Кое-что от этой мрачной картины будущего заметно уже в наше время, оно было заметно даже во времена Рима, когда "эго" стало выступать на передний план. Тогда возникло изречение "homo homini lupus est", "человек человеку волк" Но иначе принцип любви не мог быть усвоен свободно.

Ход мировой истории ясно показывает материализацию внешней культуры. Несмотря на негативные тенденции, порождённые этой присущей нашему времени материализации, этот процесс может рассматриваться как позитивный и даже как продолжение строительного импульса Храма Соломона. Рудольф Штейнер называет его мистерией розенкрейцерства (ПСС, т. 93) Он имеет ввиду изначальное движение розенкрейцеров, исходящих от той индивидуальности, которая сыграла значительную роль при строительстве Храма. Как надо это понимать?

Течение Яхве действовало долго, и это воздействие обусловил вхождение в человека священного Имени Божьего - "Я есмь". В главе 3.4 мы уже указывали на это. Мы называли это "дохристианскими мистериями Грааля"; подготовкой в вбиранию пятого принципа - Самодуха в телесные и душевные оболочки человека. Это стало возможным потому, что один народ встал под водительство Яхве и заключил союз с этим Божественным иерархическим Существом, с Яхве, Который хотел быть чистым отражением Всевышнего и поэтому стал до известной степени тождественен Ему, Яхве-Христу. (Jahve-Christus) Когда наступило время Давида и Соломона, стало необходимым построить Дом во Имя Божие, Дом для Имени Бога. Эта работа могла быть выполнена только благодаря способностям сынов Каина, благодаря Хираму, высшему представителю другого потока человечества. Символика, составляющая тайну Храма частично относится к древнему союзу (между Яхве и народом Израиля) - это относится к "Святая Святых", а частично эта символика содержится в культе. Но в Храме также сокрыта символика, относящаяся к будущему. Это в первую очередь пятиугольник, дополнивший квадрат. (см. глава 3.4). Эта символика относится также и ко всему, что касается ожидания Мессии, Который Своим Воскресением от смерти приводит к высшему единству ту двойственность, те две части, которые распавшись представляют собой мир и человечество. Так колонны Иахин и Боас представляют собой древо жизни и древо смерти, врата, которые своей символикой указывают на то, что из смерти может быть достигнута новая жизнь. Это то, о чём с правом можно сказать: "Я есмь дверь" (Ев. от Иоанна, 10,7)

Медное (рудное) море можно рассматривать как символ Грааля: небесные воды принимаются в лилеобразную купель, бассейн, сделанную из земной материи, из металла. В огне эта материя плавится и образует служебную чашу, сосуд, - отображение нисходящего небесного существа в сосуд человеческого тела.

Это пророческое провозвестие исполняется затем благодаря событиям в Палестине в начале нашего тысячелетия. Храм Соломона - хотя и не в первоначальном своём виде, разрушенный при Навуходоносоре и заново восстановленный Зоровавелем (Ездра 3,6), и ещё раз отстроенный при царе Ироде, - после смерти и Воскресения Христа просуществовал недолго. В 70 г. по Р.Х здание

Ирода было окончательно разрушено римским Императором Титом, и уже не могло быть построено заново. Но почему же тогда можно говорить о продолжении строительного импульса Храма Соломона?

Храм нового союза - есть невидимый, незримый Храм, он теперь не является больше религиозным центром ОДНОГО народа, он является общечеловеческим Храмом, храмом всего человечества в целом. Импульс Христа принёс с собой принцип "Я", который постепенно вбирался человечеством. Он обретает свою оболочку благодаря социальным формам, поостренным на принципах братства, на чувстве, что все люди равны перед Богом, и, кроме того, что всякая культура питается из источника духовной свободы.

Вот почему опорой для работы над этим социальным Храмом человечества должно быть понимание внешнего материального мира.

Люди, которые хотят ограничить христианство ветхозаветными формами, считают связь с материальным миром вредной. Они хотят познавать Божественно-духовное, строго отграничив, отделив его от бурной динамики материальной жизни.

Но тайна розенкрейцерство состоит в том, что они понимали необходимость связывать себя с вещественным миром; они, однако, хотели освятить эту связь благодаря тому, что огонь страсти, свойственный сынам Каина, они хотели облагородить до уровня христианской любви.

В этом глубокий смысл учения Христиана Розенкрейца, которое как легенда движет душами тех, кто хочет возводить Храм будущего. Сначала злые подмастерья, неочищенные рабочие неправильно смешали воду и огонь: происходит катастрофа. Хираму всё же удаётся благодаря воодушевлению и осторожной мудрости смешать элементы огня и воды так, что водная купель (ёмкость для воды - Медное море) получается. Золотой треугольник является символическим выражением высшей духовной Троицы, которая в старой антропософской литературе называлась Манасом, Будхи и Атманом (Р.Штейнер ПСС, т.9), а позднее была названа Рудольфом Штейнером словами Самодух, Жизнедух и Духочеловек. Этот высший духовный человек должен возникнуть по мере того, как низшая троичность в ходе своего развития будет преобразена свободным самосознанием "я" человека. Эта низшая троичность была дарована человеку Божественными силами по ходу великих космических эволюционных эпох, дарована ещё в те эпохи (космосы развития), которые предшествовали нашей земной эволюции. Ими являются три оболочки нашего существа: физическое тело, эфирное тело и астральное, душевное тело. "Я", - как четвёртый принцип - работает в этих оболочках, сперва бессознательно, а затем сознательно преобразуя их. Благодаря Явлению Христа на Земле возникла возможность того, что в "я" человека активизируется сила Воскресения, благодаря которой из низшего человека может родиться высший человек будущего. Это воззрение включает в себя мысль о реинкарнации и карме, поскольку, разумеется, этот процесс не может состояться в течение лишь одной жизни. Кроме того, надо помнить и о том, что это преобразование, трансформация низшего человека должна совершаться именно здесь, на Земле, а не на небе. Сама Земля тоже должна быть вовлечена в великий преобразовательный алхимический процесс. С египетско-вавилонской культурной эпохи (2907-747 до Р.Х) сыны Каина работали над внешними оболочками человеческого "я", работали в области постройки социального Храма. Наука и техника заботятся о том, что служит физическому телу, об удобствах человека. Все мероприятия, касающиеся социальной области, воздействуют на эфирное тело человека, тогда как этические правила влияют на так называемое астральное тело, носителя порывов, вожделений и страстей, которые посредством нравственных предписаний удерживаются в границах и могут быть облагорожены.

Это внешнее "строительство социального Храма", которое постепенно привело к нашему материалистическому общественному порядку, из которого зачастую исчез элемент ясной мудрости, Божественного присутствия, элемент Соломона, - это внешнее "строительство социального Храма" должно, тем не менее, рассматриваться как подготовка к дальнейшему развитию. Без связи с миром бездуховной материи была бы невозможна свобода! Но если на том этапе, на котором мы сейчас находимся, достаточное число людей не приобщается к тайне Медного (рудного) моря и золотого треугольника, и не приложат усилий к преодолению материализма, не отворачиваясь при этом от мира, то будущее строительство Храма потерпит неудачу.

Царица Савская, которая играет столь важную роль в Храмовой легенде и в легенде о святом Кресте -этой легендой мы займёмся в главе 5.7 - царица Савская представляет собой человеческую душу. Она должна выбрать между Хирамом и Соломоном, между рассудительной мудростью и благочестием, далёкими от Земли, и мудростью, которая овладевает Землей и связывает себя с внешней земной культурой посредством преодоления огня и страстей. Она избирает Хирама, но из-за этого легенда обращается в трагедию; ибо посвящённый мастер-строитель погибает как жертва ревности своего соперника.(23)

Так Мотив построения Храма вязан жертвенной смертью и мученичеством. В дальнейшем ходе человеческой эволюции, целью которой, в конце концов, является христианизация культуры, посвящённые, желающие форсировать этот процесс, а также все те, кто связал себя с ними в этом

стремлении, должны будут принять мученичество. Ярким примером тому являются тамплиеры.

В течение столетий между Рождеством Христовым и началом новой, пятой послеатлантической культурной эпохи (1413 г. по Р.Х.), связь Храма и Грааля воспринималась в так называемом эзотерическом потоке христианства. В этом потоке жили человеческие души, которые искали более углублённого отношения к христианству, нежели то, которое было возможно в церковных формах христианства со времён Константина Великого. Эти люди называли себя иоанновыми христианами.

Тамплиеров тоже можно причислить к этим иоанновым христианам. Рудольф Штейнер называл их в своей лекции "О миграции рас" "истинными посланниками Св. Грааля" (см. глава 3.2) В другом месте он говорит, что рыцари-тамплиеры хотели снова оживить идею Соломонова Храма для того, чтобы принести этот духовный импульс в Европу. В том месте, где когда-то стоял Храм "они принимали посвящение посредством Св. Грааля". Иными словами; их вынесенная из Храма идея будущего христианского социального порядка в Европе, которую они столь удивительным образом пытались реализовать, - эта идея была импульсом Св. Грааля.

Фактически уже в течение столетий до тамплиеров в душе искателей Грааля существовал чистый имажинативный образ общечеловеческого Храма: Храм в Монсальвате. У Кретьена де Труа это крепость.

Иногда в определённых конкретных рыцарских крепостях хотят увидеть этот Храм Грааля, среди них и Монсегюр, замок катаров; в действительности же Храм Грааля столь же мало видим физически, как и тот невидимый мировой Храм, который является продолжением Храма Соломона. В обоих случаях речь идёт об оболочке того, что как новый союз, как обитель Христового человеческого существа станет залогом будущего Земли и человека.

В дальнейшем мы исследуем следы рыцарей Грааля и рыцарей тамплиеров в средневековой истории.

4. ОККУЛЬТНАЯ ИСТОРИЯ

4.1. МИР ОБРАЗОВ

В главе 2.2 мы утверждали, что в человеческом развитии имеются важные течения, которые сходятся к центральному пункту, туда, где ясно виден поворот времён, ознаменованный Мистерией Голгофы. Даже для великого римского историка Тацита христианство было ещё совершенно "скрытым потоком развития". Из своего скрытого состояния оно выходит лишь благодаря эдикту Императора Константина Великого, который не только позволил христианам совершать христианское богослужение в своём государстве, но и проявлял к нему особую благосклонность.

С той поры история Западных стран стала в немалой степени определяться церковной историей, по крайней мере, в период средневековья. Эрнст Юли, преподаватель первой Вальдорфской школы в Штутгарте, чья книга о Граале была опубликована ещё до появления исследования Иоганна Вальтера Штейна (1), в этой связи противопоставляет историческому христианству "внеисторическое христианство", под которым он подразумевает или уже названные мною здесь эзотерические течения, или, если хотите, много таких течений.

Кому-то термин "внеисторический" может показаться не совсем подходящим; тем не менее, феномен, обозначаемый этим выражением, ясно указывает на то, что желательнее выразить: он указывает на противоположность между апостолами Петром и Иоанном, и при этом особенно подчёркивает разницу в описании так называемого исповедания Петра в Евангелии от Иоанна и в трёх других Евангелиях. Это надо понимать как указание на то, что в трёх первых Евангелиях, так называемых синоптических, Пётр получает своё знание о том, что Иисус есть Христос в качестве Божественного наития, внушения. Это прозрение даровано ему Богом-Отцом, а он сам только раскрылся, чтобы принять этот дар. В Евангелии от Иоанна, напротив, Пётр высказывает своё исповедание, когда Христос открывает, что Он и Отец суть одно (2). Откровение Отца выявляется здесь через существо Христа. Хотя суть исповедания вследствие этого не меняется, но слова оказываются высказанными в ином контексте. В связи с этим вопросом интересна точка зрения Юли, которую он по этому поводу высказывает: Юли считает, что историческое христианство должно быть связано с Петром. Оно основано на силе **веры**. Пётр был проводником и прообразом этой прочной как скала веры. Его мощная индивидуальность, которая описана в Евангелиях со всеми своими достоинствами и слабостями, является краеугольным камнем церкви. Здесь в Евангелии появляется образ здания Храма и очевидно, что все, позднее возводимые церкви являлись попыткой сделать видимой церковь как общечеловеческий Храм, Храм человечества.

Христианство, которое Юли называет "внеисторическим", иоанново или эзотерическое христианство, обнаруживает совершенно иной характер. Его можно считать безличным, поскольку в его основе лежит не личное, полученное от Бога-Отца откровение, а откровение Христа, которое должно быть постигнуто посредством познания и прозрения. Тогда его называли гнозисом,

знанием, но подразумевали под этим не интеллектуальное знание, а знание, основанное на духовном созерцании.

Перед эпохой Константина Великого, когда христианство в целом ещё существовало более или менее скрыто, носило тайный характер, элемент веры и элемент познания ещё не столь сильно отличались друг от друга. Так называемое первоначальное христианство, пражристианство черпало из источника гнозиса. Только с четвёртого столетия по Р.Х. развивается официальная ортодоксальная вера, которая регламентируется и контролируется Римской церковью. Наряду с ней продолжает существовать скрытые течения, родственные гностическому элементу. Поскольку из-за поступательного развития европейца его способность созерцающего познания и познающего созерцания всё более уменьшалась, души людей, принадлежащим к скрытым течениям, всё больше становились "ищущими душами".

Когда же в конце двенадцатого, в начале тринадцатого столетий по Р.Х. появились великие легенды о Граале, облечённые в литературную форму, внеисторический христианский элемент, который всегда присутствовал, поднялся на поверхность и это - гораздо сильнее, чем это принято думать - оказывало влияние на историческое христианство и проникало в него. Возникает даже вопрос, а не направлялись ли наиболее существенные шаги исторического процесса этим "внеисторическим" скрытым потоком? Если мы согласимся с этим, то заглавие книги И.В. Штейна "Мировая история в свете Св. Грааля" приобретёт ещё большую реальность.

Зачастую упускают из виду нечто достойное внимания, когда говорят о течении Грааля как о некоем эзотерическом, оккультном течении. Тем не менее, именно это "нечто" является особым отличительным признаком этого течения. Это факт, что тайны Грааля сохранялись не в понятийной форме, но продолжают жить как своего рода эфирное облачение, как некий образный мир. И посреди этого мира образов находятся три прообраза, три пра-образа, - насколько мне удалось изучить этот образный мир - эти образы в их взаимной связи ещё мало исследовались.

Это образы "книги", "алтаря" и "храма"(замка) - первичные образы, которые занимают центральное место и в Апокалипсисе Иоанна Три первые поэта Грааля - Кретьен де Труа, Роберт де Борн и Вольфрам фон Эшенбах, все трое ссылаются на тайную книгу, в которой они сами, или их доверенные авторитетные лица читали об образах Грааля. Вполне возможно, что тем самым указывается на конкретные книги, рукописи, но вероятно и то, что слово "книга" следует рассматривать как обозначение нижней ступени созерцающего сознания, как "имагинацию". Обладали ли сами поэты Грааля имажинативным познанием, или же, благодаря посвящению получили эти сведения устно, - мы точно не знаем, несмотря на то, что анализируя их термины мы можем допустить, что последнее имело место. Это не очень сильно влияет на дело. Они восприняли знание, которое без искажений распространилось дальше. Ясно то, что описанные книги явились источником традиции Грааля. Наиболее известной является так называемое "Евангелие от Никодима", первая часть которого называется "Акты Пилата" или "GESTA PILATI" и описывает процесс против Иисуса подробнее, чем четыре канонических Евангелия.

Здесь образ Иосифа Аримафейского освещён несколько ближе, чем в Евангелиях Нового Завета. Роберт де Борн использовал кроме "Актов Пилата" ещё одно апокрифическое сочинение "Vindicta salvatoris", а также то самое предание - уже упомянутое мною - о чаше их храма Геркулеса в Тире, которая попала в руки Соломона, а позднее, как чаша с вином использовалась на последней Тайной вечери. В конце концов она перешла к Иосифу Аримафейскому. При снятии со креста Иосиф Аримафейский собрал в эту чашу кровь, текущую из ран Спасителя.

"Книга" как символ имажинативного видения выступает на передний план в одном французском прозаическом романе, озаглавленном "Великий Святой Грааль" в отличие от "Малого Святого Грааля" - первой части трилогии Роберта де Борна. Там сообщается об одном отшельнике из "светлой Бретани", который в 717 году после Голгофы в ночь со Страстного Четверга на Страстную Пятницу имел странное переживание: отшельник, донимаемый благочестивыми мыслями о Святой Троице, заснул в своей келье. Посреди ночи он проснулся от голоса, который трижды звал его по имени. Он проснулся и увидел, что перед ним, блистая светом, стоит Сам Христос. После того, как Христос несколькими словами утешил отшельника в его сомнениях, он дал ему книжицу не больше ладони размером и сказал, что это Он Сам написал её, чтобы изгнать из его души все сомненья.

На следующее утро отшельник нашёл книжицу и прочёл слова в её начале; "Здесь начинается родословное древо..." Это было родословное древо Грааля; идущее вплоть до Иосифа Аримафейского. Таким образом отшельник узнал, что и сам он принадлежит потоку Грааля. Его исследование прерывается небесным явлением, Ангел извлекает его из тела и возносит высоко в небо. Там ему дозволяется созерцать Божественную Троицу. Так он избавляется от всех сомнений. Когда же он снова пробуждается к своему обычному сознанию, он хочет служить литургию и заботливо откладывает книжицу в сторону. Но когда он в Пасхальное утро снова хочет взять её в руки, обнаруживается, что она исчезла. Он получает указание искать книжицу, которая может быть найдена только ценой страданий и испытаний. Он оставляет свою келью и после утомительных блужданий снова находит её на алтаре одной часовни. Он берёт её и возвращается

с ней назад в свою келью. Ему является Сам Христос, но на этот раз во сне, и велит ему переписать содержание книжицы. Копию надо изготовить ко дню Вознесения. Ему также становится ясно, что Христос после Своего Воскресения не написал ничего, как только эту единственную возвышенную книжицу о Граале.

Этот рассказ находится также и в хронике Хелианда, которая заканчивается 1204 годом, когда "Великий Священный Грааль" ещё не был написан. Это указывает на то, что традиция Грааля и помимо романов о Граале сама по себе должна была жить среди людей.

Предание об этой маленькой книжице Грааля, которую написал Сам Христос и отдал одному отшельнику, очевидно не имеет в виду книгу в обычном смысле этого слова. Здесь речь идёт о сверхчувственном знании. Это знание, этот гнозис, является посвятельным знанием, которое может быть добыто лишь благодаря очищению души.

Второй первообраз, обнаруживающийся во всех рассказах о Граале - это образ самого Грааля как камня - как у Вольфрама фон Эшенбаха, - как чаши или кубка, - как у Роберта де Борна и Кретьена де Труа. Так Грааль связывается или со святыми дарами, как чаша Тайной вечери, или же как некий чудесный предмет приносит пищу, подобную евхаристии. Если даже в описаниях Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха отсутствует образ алтаря, можно всё же казать, что повсюду, там, где Грааль как предмет становится видимым, он несёт в себе сакральный характер как алтарный элемент. Заметно, что Кретьен и ещё сильнее Вольфрам хотят сделать своё описание Грааля без прямого указания на сакрамент, тогда как у Роберта де Борна это не так. Однако несомненно, что при любой форме описания Грааля речь идёт о, своего рода, культе, культовом действии.

Роберт де Борн - поэт, который сильнее всего освещает "историчность" рассказа о Граале, он указывает на Иосифа Аримафейского, поэтому не следует удивляться тому, что его Мистерия Грааля по большей части согласуется с мистерионом (первоначально это греческое слово значило то же, что и латинское сакраментум - таинство), - церковным историческим алтарным таинством. С другой стороны удивительно то, что в церкви святыне дары тоже связываются с Иосифом Аримафейским. Впервые об этом говорит известный автор Амалариус, упоминаемый в девятом веке по Р.Х. в связи со спором о Тайной вечере. В учебнике Иосифа Хергенрёттера "Настольная книга по общей церковной истории" стоит следующее: "Амалариус, написал сочинение о литургии в четырёх томах, где он мистическим и часто фантастическим образом пытается объяснить все церковные ритуалы, предметы, облачения и т.п. Он различает три вида тела Христова таким образом: а) тело, которое имел Сам Господь должно отличаться б) от того, которое Он имеет в нас, пока мы живы и с) от того, которое Он имеет в умершем. Амалариус считает, что гостия поэтому должна разделяться на три части: часть, которую кладут в чашу означает тело, носимое Самим Христом; та, которую кладут на блюде для просфор и гостей - означает тело Господне, пребывающее в живых, а часть на алтаре - тело Христово в умерших. Кроме того он считал, что в освящённом хлебе находится тело, а в освящённом вине - душа Христа. Чашу он рассматривал как гробницу, а приносящего жертву священника - как Иосифа Аримафейского и т.д.)

Кверцийский Собор (836 г. по Р.Х.) отверг книгу Амалариуса, и кардинал вынес следующее суждение: "Мелочные, суетливые поиски типов и мистерий во всех отдельных элементах культа, особенно в учении о трехчастности тела Христова".

Хотя мысли Амалариуса были отвергнуты, образ Иосифа Аримафейского ещё не полностью исчез из официального церковного обихода и символизма. По мнению теологического сочинения двенадцатого века "Gemma animae" священник, который после слов "per omnia saecula saeculorum" берёт чашу, ставит её на алтарь и накрывает платком, уподобляется Иосифу Аримафейскому, который взял тело с креста, прикрыл его лик платом, положил его во гроб и закрыл гробницу камнем.

В повествовании Роберта де Борна говорится также о столе Грааля, а затем о его мирском подобии - Круглом столе короля Артура. Стол, на котором стояла чаша Грааля, является своего рода алтарём, столом мистической трапезы, столом морального испытания. Этот образ, без всякого сомнения является выражением того, что сотрапезники за столом образуют общину людей, связанных между собою посредством опыта посвящения. В этом отношении Роберт де Борн является чистым представителем "внеисторического" христианства, ибо Община Грааля как мистическое братство не может быть отождествлена с исторической Римской Церковью ("ecclesia" von Rom). О связи с кельтским началом будет сказано дальше.

Стол Грааля был четырёхугольным и был сделан по образцу того стола, за которым Христос со Своими учениками вкушал поедною Тайную вечерю. Волшебник Мерлин создал по этому прототипу Круглый стол для отца короля Артура, Утера Пендракона. За этим столом сидело пятьдесят рыцарей. Число пятьдесят без сомнения связано с Троицей (Пятидесятницей): Круглый стол был освящён на Троицу. Рыцари Артура образовали общину, связанную с принципами Святого Духа.

Если этот образ Грааля мы объединим о словом "алтарь", то это будет указывать на более

высокую, или, если хотите, глубокую ступень сознания, нежели имажинативная ступень, названная выше "книгой". Этот уровень мы называем инспиративным, при этом речь идет не о том, чтобы знать что-либо о происхождении Грааля, а о переживании непосредственного присутствия Христа в сердце. В этой связи понятно, что при рассмотрении чаши или кубка в традиции Грааля обращают внимание именно на кровь Спасителя. Сюда же относится исполненный значения образ окровавленного копья, который так или иначе разгадывали в эзотерике; но мы в этом месте не будем углубляться в этот вопрос.

Третий первичный образ, первообраз, который может быть поставлен в связь с другими - есть образ храма.

В традиции, на основе которой Роберт де Борн создал свой "Малый Святой Грааль", храм Грааля отсутствует, но в то же время там есть одно интересное указание, связывающее Грааль и храм. Говорится, что когда Иосиф Аримафейский снял с креста тело Иисуса Христа, то из его ран снова заструилась кровь, собранная Иосифом в чашу Тайной вечери; тело он завернул в пелены и положил в свою собственную, заранее приготовленную гробницу. Сразу же после этого его схватили иудеи и заперли в башню. Воскресший посетил Иосифа в его мрачной темнице ещё до того, как Он явился женщинам у гробницы и позднее, в Пасхальное утро - ученикам. Он протянул ему чашу со свежей кровью и обучил его первого исполнению алтарных таинств.

Но освобождён из башни Иосиф Аримафейский был гораздо позднее, спустя много лет (не так, как это сообщается в "Актах Пилата"), причём освобождён императором Веспасианом при захвате Иерусалима в 70 г. по Р.Х. Веспасиан, который здесь перепутан со своим сыном Титом, который в действительности захватил Иерусалим) нашёл старца, окружённого светлым сиянием в его темнице, где все годы он сидел без еды и питья, питаясь от святой чаши, которую ему дал Сам Христос.

Храм иудейский был разрушен, и сразу же после этого образовалась первая община Грааля, причём Иосиф Аримафейский вместе со своей сестрой, своим зятем Броном и маленькой группой людей, собравшихся вокруг них, отправились на Запад, в Англию. Началось строительство невидимого храма, который должен был стать оболочкой христианских мистерий. Но сначала должен был быть уничтожен древний Храм. Римляне, которые - с внешней точки зрения - совершили это злодеяние, послужили, тем не менее, импульсу будущего. Традиция Грааля была воспринята этим импульсом и факт, что разрушение храма совпало с освобождением первого рыцаря Грааля, - как называет Иосифа Аримафейского Роберт де Борн - этот факт был окружён легендой. Образ храма Грааля во всём его величии и огромном символическом значении мы находим всё же не у Роберта де Борна, а у поэта эпоса о Титуреле, у Альбрехта фон Шарфенберга.

Благодаря этому мы переходим к другому следу Грааля, который ведёт нас из Иерусалима на Запад, но не в Англию, а в Испанию.

4.2. ХРАМ ГРААЛЯ

В случае образа Иосифа Аримафейского как первого "рыцаря Грааля" мы ещё в состоянии хорошо представить себе человека, пусть даже человека, окружённого сиянием божественного света его сверхчувственного опыта, посвящённого мистика, который действовал в малом кругу учеников: это в любом случае осязаемое, даже историческое явление. Напротив, таинственный первый король Грааля, Титурель, Зодчий замка Грааля, может показаться нам всецело порождением поэтической силы воображения.

Не вернее было бы отнести к нему как к многим феноменам и персонам, которые материалистическая наука считает изобретениями благочестивой фантазии; но для оккультного исторического исследования они зачастую вполне реальны. Иногда науке стоит приложить небольшое усилие и фактичность так называемых поэтических вымыслов подтверждается, как это произошло в случае археологических раскопок Генриха Шлимана (4). Но Храм Грааля никому не удалось бы извлечь на свет в результате раскопок, поскольку он является внутренней реальностью, которая не оставляет за собой земных следов.

О происхождении первого короля Грааля, Титуреля, легенда сообщает следующее: "Из сыновей Кападокийского короля Сенабара трое особо отличились при взятии Иерусалима Веспасианом. Одно из этих сыновей звали Барилл или Барилус, он женился на дочери кайзера Аргузилле и получил для жизни Французское королевство. Оба других брата владели своими государствами на Западе, причём, жители их уже были обращены в христианство. Сами три брата были христианами ещё до своего прихода на Запад".

Здесь перед нами возникает образный мир; образы выражают не внешнюю, а внутреннюю реальность: "государство", "королевство" надо порой понимать как "внеисторические" и "внегеографические".

Рудольф Мейер в книге "Время здесь становится пространством" (5), связывает происхождение из Кападокии, области на востоке Турции, с мистериями на Чёрном море, о которых говорилось в

главе 2.3. И хотя Кападокия в целом не граничит с Чёрным морем, в контексте, тем не менее, явно ощущается, что под королевским родом Сенабаров подразумевается мистериальное сообщество. У Барилла и Аргузиллы рождается сын, названный Титуризоном. Он женится на Элизабелли, дочери Арагонского короля. В этом браке долго не было детей. Муж и жена предприняли совместное паломничество к светлому гробу Господню в Иерусалиме в ознаменование своего страстного желания иметь сына. Их молитва была услышана. Когда ребёнок родился, его назвали Титурелем. При его рождении Ангел-Хранитель извещал, что ребёнок когда-нибудь станет подобным Ангелу. Он, ещё в чистом юношеском возрасте будет с огненной силой защищать христианство против язычников, и в награду за это будет шествовать, облечённый солнечным блеском.

Поэт Альбрехт фон Шарфенберг говорил о стране Галиции, под которой он подразумевал Галицию в Северной Испании. Арагон тоже означает Испанию. Историческую канву этого предания надо искать в той эпохе, когда вест-готы, после своего краткого пребывания в Испании в 415 г. по Р.Х, основали королевство в Южной Франции, которое также включало в себя Иберийский полуостров.

Будучи христианами-арианами готы вели непримиримую борьбу с атакующими их германскими наёмниками, которые по большей части были язычниками. Несколько столетий спустя иберийскому христианскому государству пришлось защищаться от вторжения арабов. Интересно, что та традиция Грааля, в которой в центр поставлен не Иосиф Аримафейский, а Титурель, момент своего возникновения тоже, тем не менее, возводит к разрушению города Иерусалима и Храма Соломона Веспасианом (Титом).

Дальнейшая история Титуреля повествует, как он вместе со своим отцом сражался за христианство, как он прожил, оставаясь целомудренным и воздержанным до пятидесятого года жизни, когда через Ангела ему было возвещено, что он, ради своей великой добродетели избран стать стражем Грааля. Он оставляет своих родителей и проходит через непроходимый лес, где возвышается гора, которую обычные смертные найти не могут. Это святая гора, Мон-Сальват.

Титурель вместе с толпой рыцарей со всех концов земли отправляется к Монсальвату. Они устраивают палаточный лагерь, и над этим лагерем парит Грааль, несомый невидимыми Ангелами. Грааль создаёт всё, в чём нуждаются рыцари, еду и питьё, а позднее, всё, необходимое для строительства Храма. Сначала Титурель строит крепость на вершине горы и оттуда сражается с язычниками, которые хотят проникнуть в эту область. Затем он принимает решение построить Храм для Грааля, всё ещё парящего над вершиной горы.

Скала, на которой должен был возвышаться замок (Храм) была из оникса. Она была отшлифована так, что блестела как Луна. Она была прозрачна как кристалл. Однажды они нашли чертёж здания, он таинственным образом был начертан на блестящей поверхности камня.

Титурель со своими последователями работал тридцать лет на строительстве храма, круглого здания, которое поэт называл "хорами". Они были сделаны из дорогих камней, золота и бриллиантов. В более древней литературе на эту тему, а также у Вальтера Штейнея и Рудольфа Майера мы этой связи находим часовни, числом 72. Точная перепроверка многочисленных рукописей "Юный Титурель" ведёт к иным результатам. Вернер Вольф ознакомился с венским пергаментом - наиболее древним и достоверным экземпляром эпоса Шарфенберга; в нём говорится уже не о 72, а о 22 "хорах". Рудольф Штейнер говорит о 72 колоннах храма (ПСС т. 194). Они могли стоять по три у 24 часовен.

На востоке находился главный алтарь в одной часовне, которая была в два раза больше, чем 22 другие. Если посчитать эту самую большую часовню как две маленьких, то тогда в плане здания будет господствовать число 24. Это число мы находим у Вольфрама фон Эшенбаха при описании свиты Св.Грааля: 24 девы окружали Св. Грааль, тогда как в Апокалипсисе Иоанна 24 старца окружают престол Всевышнего. Большая часовня на востоке посвящена Марии, а граничащая с ней - Иоанну. В середине на прозрачном блестящем основании из оникса стоит маленький храм, отображение всего святилища. Внутри него Ангелы на руках несут Грааль.

Круглое здание увенчивают башни, которые подобно часовням возвышаются подобно венцу. Средняя башня высоко возвышается над остальными, и на её шпигеле сияет драгоценный камень, который ночью указывает дорогу рыцарям. Внутренность храма ясно указывает на троичность:

"Центральная часть, которая примыкает к "хорам" или часовням (капеллам) украшена искусственными деревьями, в которых покачиваются птицы и ангелы, где золотисто-зелёные стебли винограда с шепчущими листками издают нежные звуки, если их коснётся дыхание ветра, повсюду на земле изобилие роз и лилий, а на стенах сияющие золотом изумруды. В главной часовне выходящие растения и ангелы из металла, внутри они полые и благодаря мехам, подобным кузнечным, могут издавать звон. На западе над порталом простирается золотое дерево с ветвями и листьями, поющими птицами и трубящими ангелами - настоящий орган. Центральная часть подобна саду, наполненному растительными формами, красками и звуками.

Часть, расположенная ниже видна сквозь прозрачный пол. Это кристаллическое море с рыбами и морскими животными, которые приводятся в движение механизмом от ветряной мельницы,

находящимся вне здания.

Самая верхняя часть представляет собой купольный свод, отображающий небесный свод, он синий из мерцающего сапфира и усеян бриллиантами как звёздами. Это искусственное небо из драгоценных камней механически приводилось в движение, Солнце и Луна поднимались и опускались вверх и вниз, золотые сосуды показывали время". (6)

По этому описанию Храм Грааля представляется в качестве Космоса, который объемлет небо, землю и воды нижнего мира, в то время как сам Титурель является для своих рыцарей Грааля скорее морально-аллегорической интерпретацией здания Храма. Всё это весьма загадочно для современного человека. Должны ли мы считать Титуреля и его рыцарей Грааля персонажами царства фантастических сказаний? Ведь совершенно исключено, чтобы где-нибудь в Испании стояло такое здание. Может быть, поэт хотел создать идеальный образ Храма, с которым, по видимому его предшественник Вольфрам фон Эшенбах связывал своё сочинение "Tempelzeilen"?

В нём говорится, что рыцари Грааля носили на своей мантии не красный крест, как тамплиеры, но голубя, символ Святого Духа. Здесь, следовательно, не имелось в виду отождествление их с рыцарями Ордена тамплиеров.

Таинственного Тиуреля, который, по рассказу поэта, через четыреста лет решил жениться на молодой девице, надо, по моему мнению, рассматривать как реального человека, а не как вымышленный романтический персонаж. Мы тут должны думать об индивидуальности великого посвящённого, чьи скрытые целительные деяния на Земле действительны, независимо от формы бытия, в которой он пребывает; будь это вещественное тело, или нематериальное, духовное состояние.

Знаменитая рыцарская свита, которая помогает ему построить Храм Грааля - это свита из умерших. Рудольф Штейнер указывал на этот факт. Он говорил, что юные германские народы, вторгнувшись в период великого переселения народов около 400 г. по Р.Х в Римскую Империю, ещё обладали сильным ясновидением и поэтому поддерживали гораздо более сознательные контакты с миром умерших, нежели другие, культурные народы Средиземноморья. Их герои, павшие на поле боя, оставались с ними.

"...в случае особой избранности, они становились стражами Святого Грааля... Легенду о Граале никогда не понять правильно, если не знать, кем, в сущности, были стражи Грааля".(ПСС, т. 214)

Легенда посредством образа лебедя также указывает на связь с умершими. Лебедь ведёт и встречает посланцев Грааля. Лебедь, с его чистыми белыми крыльями, олицетворяет существо из ангельской сферы.

К этой сфере Ангелов принадлежит также и Титурель. Его здание не внешнее, видимое творение, но действительно незримый Храм будущего. Троичным является не только само святилище, как его описывает поэт; оно может быть понято трояким образом как источник духовной мудрости, чьим центральным пунктом является чаша жертвенной любви.

Во-первых: Храм является новым телом. Титурель строит тридцать лет себя самого. Духовный Храм стал в нём эфирной реальностью. Как вещественное тело Иисуса за тридцать лет жизни должно было преобразиться, чтобы при Крещении на Иордане принять Дух Христа, так и Титурель в течение тридцати лет должен был строить в своём жизненном, эфирном теле, которое может принять Святой Грааль. Я читаю вероятной связь между Титурелем и Иисусом из Назарета. Я имею в виду не реинкарнацию, но то, что могло иметь место пронизание эфирного тела Титуреля эфирными формообразующими силами Христа. Рудольф Штейнер говорил о таких случаях пронизания, имея в виду других великих христиан. (ПСС т. 109)

В своём втором аспекте Храм является братски союзом стражей Грааля. Он круглый как и троицын стол короля Артура, он посвящён Святому Духу, то есть тому существу, которое хочет привести свободное "я" человека к общине, к братству.

В третьих, Храм Грааля является пророческим образом новой Земли. Он ещё не является новым Иерусалимом Апокалипсиса, но является торжественным залогом его, его зародышем. Долго считали, что Альбрехт, описывая Храм, ориентировался на кафедральные Соборы своего времени (13 век), что он имел в виду своего рода "супер-готику".

Современные исследователи придерживаются противоположной точки зрения: мастера-строители готики сами получали инспирации от поэтов и ясновидцев. Как высочайший идеал перед ними парила идея небесного града, построенного из золота и прозрачных драгоценных камней: это Новый Иерусалим. Каждый кафедральный Собор был попыткой сделать такой идеал зримым (7)

Подобно им, Храм Грааля из этого эпоса о Титуреле был ориентирован на будущее; тем самым тот, третий прообраз указывает на то, с чем мы имели дело наряду с первым прообразом - "книгой", и вторым - "алтарём"; указывает на более высокий уровень сознания, нежели **имагинация** или **инспирация**, а именно, на **интуицию**, на интуитивное сознание.

Словом "интуиция" мы обычно обозначаем неясное, подобное осязанию знание. В тайноведении, духовной науке под этим понимают иное - высшую форму точно опознающего проникающего познания, причём познание при этом является отождествлением, единением с

объектом. Можно также сказать: любовь, как высшее познавательное откровение или "соприкосновение с сущностью"

Имагинативное сознание - "книга" - делает возможным созерцать прошлое, для инспиративного сознания переживанием является "сейчас", где решающим образом выступает непосредственное откровение духовного присутствия, как это происходит в культе ("алтарь") Интуитивное познание проникает до будущего; оно является пробуждением в воле, которая всегда направлена в будущее, тогда как мыслительная сила представления обращена в прошлое. Духовная интуиция связана с образом "храма". Вхождение во Храм фактически означает единение с божественным существом, глубочайшее соприкосновение, во время которого благодаря словам культа на алтаре совершается откровение.

Вызовем в своём воображении эти три прообраза - книгу, алтарь и храм, как мы видим их в связи с Граалем:

Сначала отшельник занят в своей келье вопросом, мучившим его мышление. Ему посылается в дар книжица о Граале, которая даёт ему возможность увидеть высшую мировую загадку - ТРОИЦУ.

Затем идёт Иосиф Аримафейский, член Совета и - по свидетельствам многих традиций - купец по профессии, человек мирской, не мыслитель, человек чувства, непосредственный ученик Иисуса Христа. Его полная любви забота о мёртвом теле Распятого, его особое внимание к Его крови делает его первым христианским священником. Особенно примечательно то, что во время его заключения в башне Воскресший говорит ему тайные слова, которые надо было произносить при преосуществлении. Исключительно инспиративное переживание!

И, наконец, таинственный король, деятель, который очистил и освятил свою деятельную силу воздержанием, которое, однако, не было мрачным, фанатичным аскетизмом, но райской, ангельской чистотой, благодаря которой его воля могла объединиться с Сущностью Мира, Мировым Существом, в которой подобно зародышу было скрыто будущее мира.

Традиции Грааля на короткое время явившиеся на поверхность истории как литературные светочи, богатством своих образов указывают путь ищущим.

Это тот путь, который поднимается от уровня имагинации к инспирации и интуиции. Такова структура любого пути посвящения.

4.3. ГРААЛЬ И АПОКАЛИПСИС

Во многих отдельных чертах можно увидеть, что течение Грааля, как "внеисторическое" христианство носит целиком и полностью христианский характер. В этой краткой главе мне хотелось бы выявить связь между Граалем и Апокалипсисом.

Книга "Откровение" описывает сверхчувственный опыт, который имел Иоанн Богослов во время своего изгнания на острове Патмос. В захватывающих, драматических образах он описывает конец мира: полный переворот, переплавку того, что становится новым миром. Подобно гигантскому алхимическому процессу видим мы как Космос, Земля и человечество уничтожаются и возрождаются в трёх мощных эпизодах, каждый из которых состоит из семи частей.

В то же самое время это Откровение надо рассматривать как посвящение, при котором явно обозначены три более высоких уровня сознания.

Имагинация, инспирация и интуиция как стадии пути духовного ученичества (или инициации) в повествовании о Граале обозначены в образах "книги", "алтаря" и "храма".

Достоин внимания то, что в Апокалипсисе вначале отчётливо выявляется лишь "книга". "Алтарь" и "храм" остаются скрытыми гораздо дольше. В четвёртой главе, в которой описывается престол в небе с Тем, Кто восседает на нём с двадцатью четырьмя старцами, с четырьмя крылатыми животными и стеклянным морем - в четвёртой главе не упоминается ни алтарь, ни храм, и всё же мы должны представлять себе их при этом. В дальнейшем они будут названы, хотя, как кажется, не так подробно, как уже приведённое здесь об "алтаре", и о "храме". "И когда Он (Ангел) снял пятую печать, увидел я под жертвенником (алтарём) души убиенных за слово Божие (Апокалипсис Иоанна, 6,9) или "За это они пребывают перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них..." (Апокалипсис Иоанна - Откровение, 7.15).

Только когда инспиративный уровень будет действовать в полную силу, - а это происходит в тот момент, когда Ангелы берут трубы и кадильницу, - алтарь (жертвенник) как образ выступает на первый план. "И я видел семь Ангелов, которые стояли перед Богом: и дано им семь труб". "И пришёл иной Ангел и стал перед жертвенником (алтарём), держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник (алтарь), который пред престолом".(Апокалипсис,8-23)."И взял Ангел кадильницу, и наполнил её огнём с жертвенника (алтаря) поверг на землю; и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясения. И семь Ангелов, имевшие семь труб, приготовились трубить". (Апокалипсис 8,5).

Также дело обстоит и с храмом. Когда достигается высший познавательный уровень интуиции, в тексте появляется храм; "И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник (алтарь) и поклоняющихся в нём итд (Апокалипсис, 11-1,2,19). В тексте появляется храм, но не как величественный образ небесного здания с башнями, куполами итд. Иоанн получает трость, и должен измерить ею храм, алтарь (жертвенник) и молящихся там. Но передний двор храма он не должен измерять, ибо он расположен вне здания храма и отдан язычникам. Здесь речь идёт уже не о созерцании, но о внутренних деяниях. Мы находимся в сфере воли.

Затем, ещё в одной похожей главе под звуки труб или Ангелов небесным гласом возвещающим владычество Христа открывается Божий Храм и ковчег Его Завета становится видимым в Его Храме. Следствием отсюда в первую очередь становится то, что перед видящим поднимаются могущественные знамения, то есть образы: знамение Жены и дракона, двойного зла, знамение двух Зврей - знамение свиты Агнца на горе Сионе (14-1), и, наконец, знамение Сына Человеческого с острым серпом в руке, сидящего на белом облаке (14-14)

Но только здесь, в сущности, впервые следует откровение Храма. Ангел выходит из Храма с чашей в руках, которая наполнена гневом Божиим (по гречески *thumos*). Эти чаши гнева должны быть излиты на землю. В своём переводе Библии Х.А.П.ДЖ Огильви, священник Общины Христиан перевёл греческое слово "*thumos*" как горящая воля Божества. После этого деяния, в результате которого на Землю человечеству приносится семь последних мучений, совершается окончательное преображение старого мира в новый. То, что не очистится в великой переплавке, будет выброшено как шлак.

Если мы сопоставим прообразы средневековых поэм о Граале с образами Апокалипсиса, нам бросятся в глаза некоторые характерные отличия. "Книга", "алтарь" и "храм" в видении Иоанна находятся на небе, в то время как для образов Грааля важнее, что небесная мудрость и любовь находится на земле, пусть даже в качестве сверхчувственного опыта. Образы Грааля, хотя и относятся к сверхземной, но, тем не менее, родственной земле сфере, а именно, к миру жизненных сил в эфирном мире. Апокалипсис описывает великую алхимическую переплавку Земли и человечества, происходящую из высших мотивов. Небо здесь означает так называемый "астральный мир" и "Деваханический мир" - высшие духовные регионы. Это различие сфер обуславливает то, что образы Грааля и Апокалипсиса дополняют друг друга. Рассмотрим сначала роль, которую играет "книга"; в поэмах о Граале "книга" по большей части остаётся на заднем плане. О ней говорится с некоторой таинственностью, и она является откровением прошлого. В ней содержится родословная поколения Грааля или судьба первых носителей Грааля или сведения о небесном происхождении Грааля (8). Но для тех, кому это доступно, она является открытой книгой, книгой "внеисторической" истории.

Книга Апокалипсиса тоже небесная книга. Тот, Кто сидит на престоле, держит её в правой руке. Это закрытая книга за семью печатями. Это книга будущего, которая может быть открыта лишь с помощью жертвенной силы Агнца.

В традиции Грааля книга есть источник мудрости, она является гнозисом, познанием. Книга Апокалипсиса указывает на интуитивную сферу воли. Позднее она появляется в изменённом облике как "книжица" руках сильного Агнца из десятой главы, Который требует, чтобы Иоанн съел её. Он не может читать и понимать её с помощью головы, она должна быть съедена, принята в сферу метаболизма, обмена веществ, то есть в сферу воли.

Последней и наивысшей метаморфозой имажинации "книга" является "книга жизни" - хроника вечности, в которой человеческие души соединены со Христом. Здесь "книга", "алтарь", и "храм" сливаются воедино.

Рассмотрим теперь аспект "алтаря", жертвенника, образ инспиративного сознания. В культе идёт речь не только об образе, но о действии, в котором что-то озвучивается. Звучат слова, звучит музыка. В романах Грааля всё, что связано с культовым началом, ещё носит, главным образом имажинативный характер, проистекающий от эфирного элемента образов Грааля. Здесь всё стоит под знаком жертвенной любви Христа. Должны ли мы толковать образы как внутренние переживания, которые человек может испытывать мистически в своих собственных физиологических процессах, как это происходит в случае Кретьена де Труа? Или же больше направляем свой взор на макрокосмический аспект, как это делает Вольфрам фон Эшенбах, или же мы - опять по-новому - рассматриваем сакраментальный аспект, - что делает Роберт де Борн? Во всех этих случаях переживания Грааля рыцари Грааля оказываются глубоко связанными с Мистерией Голгофы.

В Апокалипсисе опять-таки (точно также, как и в случае "книги") выявляется дополнительная сторона. Тайна причастия как связь с Божественной сущностью имеет свою противоположную сторону в тайне труб Суда. Даже если сначала звуки труб являются мощным разрушительным сигналом, который знаменует начало гибели мира в потрясающих катаклизмах, тем не менее, они означают в то же время стремительную манифестацию, вторжение неприкрытого Божественного Настоящего, Божественного "Сейчас". Они трубят при рождении высшего существа из низшего.

Первые четыре трубы являются лишь прологом к последующим событиям, к неслыханным космическим мукам рождения; кровь и уничтожение, разверзнутая пропасть, воинства демонов. Затем явление "сильного Ангела" и всего, что следует за этим, достигает едва выносимого драматического апогея. И посреди всего этого стоит Иоанн, великий посвящённый. Познающий будущее находится не в стороне, нет, он вовлечён в драму человека и мира. Всё это оказывается скрытым в случае опыта Грааля. Парцифаль в неведении стоит около раненого Амфортаса, который из-за своей эгоистической любви принёс несчастье миру Грааля, остановку в развитии.

И всё же даже в том случае, если рассмотреть ряд поколений Грааля, когда Амфортас выздоровел, а Парцифаль стал королём Грааля, даже и здесь в скрытом виде присутствует апокалиптический противоположный образ культа Грааля - присутствует как образ, а не как действительность. Ибо вскоре после появления последних великих поэм о Граале в Европе с апокалиптической мощью и болью разразилось над человечеством событие: уничтожение Ордена тамплиеров.

Храм в эпосе о Титуреле и Храм Апокалипсиса имеют между собой больше общего среди трёх пар сравниваемых образов в традиции Грааля и Апокалипсиса; но, тем не менее, здесь также обращает на себя внимание дополняющий друг друга характер противоположных образов.

Храм Апокалипсиса нигде не описывается. Получаешь впечатление, что центральный пункт этого Храма - "престол на небе". Поскольку речь здесь идёт об имажинативной сфере, действительно невидимом Храме. такое понимание до некоторой степени согласуется и с образом Храма у Альбрехта фон Шарфенберга.

Стеклянное море мы можем сопоставить с замечательным прозрачным полом из оникса. Четыре апокалиптических животных выступают здесь в образах четырёх евангелистов, помещённых на небесный купол здания, каждый из евангелистов расположен в одном из направлений неба (по четырем сторонам света). Связь между четырьмя существами из Апокалипсиса и четырьмя евангелистами можно наблюдать в иконографии, начиная с очень ранних миниатюр и икон. Даже двадцать две часовни (главная рассматривается как двойная - примечание переводчика) можно связать со старцами в Апокалипсисе. Эти таинственные образы, - изображённые как увенчанные коронами старцы - с музыкальными инструментами в руках, ведь они поют "новую песнь" - являются чрезвычайно важными в Апокалипсисе. Рудольф Штейнер указывает на них, как на существа времени (хронократоров). Они представляют периоды времени, которые в процессе творения уже истекли.

Ангел, трубящий в трубу в золотых ветвях деревьев на стенах Храма Грааля, Титуреля не действует точно также как в Апокалипсисе. Однако, вероятно и здесь можно отыскать согласование.

Есть точки соприкосновения между Храмом Грааля и "Храмом на небе" из Откровения Иоанна, то есть из Апокалипсиса. Сторона, играющая роль дополнительной, носящая характер противоположного образа, очень явно обнаруживается здесь: в Храме Грааля чашу несут Ангелы. Божественная любовь выражается в воплощении Сына Божия. Высшее космическое "Я"-Существо связывает себя с кровью человека, чтобы сделать из этой крови тот солнечный фермент, который будет действовать во всём последующем развитии "вплоть до скончания мира". Эта Мистерия Чаши Божественной Любви должна как Святая Святым быть сокрыта, к ней призваны только очищенные в мучительных страданиях.

Храм Апокалипсиса открывается лишь при конце мира, и из одной чаши Любви возникают семь чаш "полных Божественного гнева", сжигающей воли Божьей. Они изливаются Ангелами и тем самым приходят к откровению, раскрывается их высшая интуитивная сила: сущностное соприкосновение является в то же самое время и решением, внушающим страх перед Богом: два царства будут - царство блаженных, и царство проклятых. "Сжигающая воля" - для одних это любовь, а для других, проклятых - гнев.

Чаша Любви Грааля целебна лишь для тех, кто стремится к исцелению. Для того, кто с презрением отвергает её, любовь действует уничтожая, сжигая.

История Ордена тамплиеров покажет нам, что эти апокалиптические истины действуют в историческом ходе развития человечества уже с давних пор, задолго до того Страшного Суда, о котором автор Апокалипсиса Иоанн говорит, как о последнем Суде. Будущее действует предварительно, будущее действует в настоящем, подобно тому, как прошлое обладает последствием.

4.4. ДЕВЯТОЕ СТОЛЕТИЕ. ТРИ ПОТОКА

Если мы хотим приоткрыть тайну возникновения Ордена тамплиеров как метаморфозу потока Грааля, мы, прежде всего должны обратить самое пристальное внимание на девятое столетие по Р.Х. Девятое столетие образует в истории Европы важнейший узловой пункт. На это время приходится решения в политической и духовной областях, которые оказывают своё влияние вплоть до настоящего времени. Намечавшееся ещё во времена Римской Империи противостояние

между Западом и Востоком, в девятом веке обострилось ещё сильнее. Уже намечались предвестники позднейших крестовых походов. Особенно отчётливо Восточно-Западная противоположность выступила на теологическом уровне. Она привел затем в одиннадцатом столетии к великому расколу в Церкви.

Девятое столетие - это время, которое послужило исторической основой для эпоса о Парцифале Вольфрама фон Эшенбаха(9). В это время на поверхность мировой истории отчётливо выступил импульс Грааля; его носителями стали несколько персонажей, фигур. Тем не менее, этот импульс по большей части оставался в области "окультной истории". Личности, индивидуальности, имевшие великое значение для развития человечества, жили в это время в инкарнациях, которые лишь частично оставались на переднем плане социума, частью же привлекали мало внимания или были совершенно скрыты.

В начале девятого столетия возникла Священная Римская Империя Германских Государств (Первый Рейх - примечание переводчика) Это было творение франка Карла Великого. Эта Империя Запада - в Константинополе правили ещё восточные Императоры - распалась сразу же после смерти Карла Великого, но мысль о государстве Каролингов удерживалась в последующие времена, и играла вплоть до нашего времени доминирующую роль.

В одной лекции, прочитанной в 1922 году Рудольф Штейнер описывает девятое столетие в связи с точкой зрения Папы Николая I (858-867 гг. по Р.Х.), поскольку последний рассматривал европейское развитие (ПСС, т. 216) Не иначе, как с некоторой обеспокоенностью Папа воспринимал два потока или две духовные тенденции, которым сам он надеялся противопоставить третью тенденцию, некое среднее течение, направляемое из Рима.

Первый поток, охватывающий многое и имевший разные оттенки протекал с Востока на Запад. Цитирую из лекции от 1 октября 1922 г. :

"Один поток двигался в своего рода духовных высотах из Азии в Европу.... Этот поток в очень модифицированной, изменённой форме распространял восточное религиозное познание по югу Европы, по Северу Африки в Испанию, Францию, на Британские острова и в Ирландию. Допустим, что его исходным пунктом были арабские области в Азии. Он проходит также через Грецию, Италию, как и через Африку и Испанию вверх на Запад. При этом он разным образом излучает свою сущность на остальную Европу".

Это течение не отчётливо взаимосвязанным движением или сектой, но состояло, скорее из маленьких, разрозненных групп, состоявших из одинаково настроенных человеческих душ, которые охраняли вышеупомянутую мудрость с Востока и передавали её дальше. Нет ничего невероятного в том, что в центре таких групп людей в течение более краткого или более долгого времени стояли личности, владеющие этой мудростью Востока; они несли её дальше на Запад.

В этих людях жило эзотерическое понимание Мистерии Голгофы. Это значит, что они в событиях в Палестине, сообщаемых в Евангелиях, действительно хотели видеть Мистирию, хотели рассматривать их в свете древнего инициативного познания, которым они ещё владели. Для них Христос был высоким духовным Существом, Которое вошло в человека Иисуса, чьё воплощение, смерть и Воскресение могут быть поняты как сверхчувственные факты только с помощью познания инициации, познания посвящения, а не земным рассудком, связанным с чувственным миром.

В сущности, это и был христианский гнозис, который жил в этом течении - восточная посвятельная мудрость, при помощи которой пытались основать Мистирию Христа.

Уже указываюсь на то, что постичь содержание этого христианского эзотерического потока, постичь в понятиях и идеях, было всё труднее. Ему приходилось искать для себя убежища в образах; в образе святой чаши Грааля, в крепости и храме на Монсальвате.

Однако в этих образах совершенно точно выражено то, что разыгрывалось. Когда рассказывается о том, что Ангел унёс Грааль в Западную Европу, это значит, что древний гнозис не мог жить в понятийной форме в головах людей, он должен был отступить назад в более высокие сферы. Посвящённый Титурель создал для этой мудрости Храм, это значит, вокруг него были люди, которые хотели беречь и охранять посвятельные тайны, чтобы импульс Голгофы мог найти своё продолжение в человечестве.

Это течение - как говорил Рудольф Штейнер - основало в Азии школы, где изучались труды Аристотеля, где с помощью аристотелевских понятий хотели постичь Мистирию Голгофы. При этом Рудольф Штейнер намекает на Академии в Антиохи, Эдессе. Низибисе и Гондишапуре, где несторианское христианство увязывалось с греческим мышлением.

На Западе, в Ирландии тоже возникли школы или Академии, где расцветала учёность, ещё полностью проникнутая мистериальной мудростью, где осуществлялся удивительный сплав древней мудрости друидов, греческой философии и христианской эзотерики.

Это Восточно-Западное течение вбирало в себя всё лучшее из того, что приходило со стороны арабов. И хотя из-за этого сюда проник элемент интеллектуализма, действовавший на изначальное течение, вульгаризируя его, эта интеллектуализация вначале ещё удерживалась в равновесии благодаря утончённому элементу фантазии, присущему арабской культуре. Но из-за

тюркского влияния, которое в Азии было несравненно сильнее, чем в Западном Халифате, именно этот элемент подвергся особенному огрублению. Основной характер названного течения Рудольф Штейнер эскизно рисует в упомянутой лекции от 1 октября 1922 года в следующих словах:

"Те, кто так или иначе жили в этом духовном потоке, видели всё благо в том - отголоски этого ещё можно услышать в поэме о Парцифале Вольфрама фон Эшенбаха - чтобы от чувственного возвыситься до сверхчувственного, то есть обладать хотя бы приблизительным созерцанием, видением сверхчувственных миров, давая тем самым человеку возможность быть участником сверхчувственных миров, давая ему узнать, что его душа принадлежит потоку, который не может быть воспринят непосредственно, если воспринимающие органы чувств ориентированы лишь на земные события. Отличительной особенностью было созерцание вверху в сверх-земном, в сверхчувственном регионе, ощущение, что человек, если он хочет быть полноценным человеком, должен принадлежать мирам, которые парят за и над чувственно-природным, мирам, в которых происходят события, скрытые от внешнего глаза так же, как деяния рыцарей Грааля! Внешний глаз не должен был видеть тайну, текущую внутри этого потока".

Папа Николай I, который, по всей вероятности, имел отношение к этому потоку, или, во всяком случае обладал достаточной спиритуальностью для того, чтобы понять всю грандиозность этого потока Грааля, должен был в связи со своим положением Римского Папы испытывать по отношению к этим вещам двойное чувство. Ведь уже с четвёртого века Рим был враждебно настроен против всего того, что было связано с посвятительной, инициативной мудростью; и в области религии, и в области науки любая форма эзотерики подлежала подавлению и уничтожению. "Ищущие души" из потока Грааля рассматривались не иначе, как еретики.

Второе течение, которое Папа наблюдал с не меньшей озабоченностью, возникло на Востоке Европы. Люди, населявшие эту область, где после великого раскола (схизмы) 1054 г. по Р.Х. в жизни господствовала греческая Православная Церковь, не имели потребности достичь действительного эзотерически-спиритуального понимания Мистерии Голгофы. Они не были искателями Грааля, теми, кто хотел возвыситься свои души к сверхчувственной действительности. Они тоже чувствовали, что пробуждённый интеллект не может понять высшие тайны христианства, но они переживали эти тайны в церковном культе и, особенн, - если культ имел внешний центр - в конкретных географических центрах:

"Вот так на Востоке Европы, где собственно эзотерическо-спиритуальное было забыто, возникла склонность к культу; он был очень прочно связан с гробом Спасителя, гробом Господним. Именно у гроба Господня в Иерусалиме было то место, тот центр, где Спаситель со Своими апостолами последний раз праздновали Тайную вечерю; ту Тайную вечерю, которая в своей последующей метаморфозе стала смертью на Голгофе. Тайная вечеря получает своё завершение, полноту именно из-за смерти на Голгофе; затем Тайная вечеря продолжала жить дальше как центральный пункт богослужения, в литургической жертве и остальном церемониале". (ПСС, т. 216)

Сердце этих людей глубоким внутренним чувством было привязано к культу и высшим переживанием, внушающим религиозные стремления и искания, было для них паломничество в Иерусалим, ко гробу Господню. Гнозис - знание о Мистерии Спасителя на Востоке Европы исчезло. Понятия не отличались насыщенностью, им не хватало жизненной силы, чтобы охватить эти тайны. Ещё далее на Восток, в Передней Азии в Академиях ещё сохранились остатки древней инициативной мудрости, но и они под гнётом монгольского варварства мало по малу исчезли. Человек Востока, живущий гораздо "прямее", но менее сознательно, чем западный человек, искал христианство в сердце. Но руководство католической Церкви в Риме видело в этом опасность. Оно знало, что народы в Западной и Средней Европе уже обладают сильно развитым интеллектom и никогда не будут довольствоваться одним только культом и преданностью святому Гробу. Исключительная преданность души по отношению к скрытой эзотерике культа рассматривалось вождями Римской Церкви как столь же нежелательное, как и поиски эзотерических прозрений у еретических душ из потока Грааля.

Вот почему Рим вызвал к жизни некий средний путь, который должен был особенно соответствовать потребностям средневекового населения: эзотерическому содержанию христианства не позволялось жить в человеческих душах в качестве сверхчувственного опыта, его надлежало облечь в одежды абстрактных понятий, в тезисы, научные положения, в которые следовало верить. Вопрошающий интеллект в качестве ответа получал не объяснения тайны, но жёстко сформулированные догматы, которые делали излишним собственное созерцание духовных реальностей.

Этот путь означал, что Рим отталкивал Восток, ибо жёсткое соблюдение догматики не могло не вызывать неизбежных споров, порождённых различием в оценке переживаний на Востоке и Западе. Папа Николай I хорошо сознавал это, и поскольку он не был фанатиком, но благородным и мудрым человеком, ему было крайне тяжело принять решение усилить среднее догматическое учение.

Но в Риме были и другие индивидуальности, обладавшие большой властью, которые не вполне разглядели и поняли честного Папу. В их намерения входило провести догматизацию с

величайшим фанатизмом. В этом месте есть смысл упомянуть лишь об одной тёмной, "закулисной группе", которая уже в четвёртом столетии по Р.Х. активно влияла на события в Церкви; её негативное влияние реализовывалось через фигуры из непосредственного окружения Папы и придало среднему (догматическому) течению иной характер, нежели тот, который намеревался придать ему Папа Николай I.

Об этом "течении антиграала" я буду говорить подробно в главе 6.1.

Вскоре после смерти Папы Николая I (867 г. по Р.Х.) разгорелся открытый конфликт между Римом и Востоком по поводу символа веры; этот конфликт имел место еще при жизни Папы (Примечание)

Интересным феноменом было то, что среди восточных людей преданных чувству, подобно комете выступил человек, обладавший почти сверхчеловеческим острым интеллектом, фундаментальной учёностью и как бы фосфорическим излучением; это был Патриарх Константинопольский Фотий.

Патриарх Фотий получил образование в школе Передней Азии, где жившую ещё там инициативную мудрость, мудрость посвящения интерпретировали в духе блестящего интеллектуализма, демонстрируя такое понимание существа человека, которое для западных стражей христианской веры звучало как чистейшая ересь. Имеются в виду аристотелевские понятия, неизвестные (до тех пор) римской теологии. А именно: Аристотель различал несколько аспектов человеческой души, но та форма в которой образованный Патриарх излагал эти воззрения, представлялась западным теологам ничем иным как попыткой считать, что человек наделён двумя душами, что они считали бессмыслицей.

На Соборе в Константинополе в 869 г. по Р.Х. (Восьмом мнимо-вселенском) учение Фотия о "двух душах" было отвергнуто, и в качестве опровержения выдвинут догмат: "Человек состоит из тела и души, причём последняя обладает духовными свойствами".

Тем самым в христианской (западной) Церкви был упразднён дух. С этого момента стали считать ересью, когда человека рассматривали трихотомически, то есть как состоящего из тела, души и духа, если эти три расценивались как самостоятельные сущности. Едва ли в ходе исторического развития было возможно решение с более отягчающими последствиями, чем это. Не только теология, но и её последовательница - наука вследствие догмата от 869 г. получила штемпель дуализма. В этом отрицании духа следует видеть корни позднейшего материализма.

Роль, которую в этой драме сыграл Патриарх Фотий, была непостижима для его современников, и толь для нас - более поздних наблюдателей она становится ясной. Наделённый разумом и гениальностью, благодаря своей харизматической силе убеждения он пользовался высшим доверием народа. Но тем не менее, на шахматном поле "окультононой истории" он был не более, чем пешкой. Фейерверк его выступлений был ослепителен, но последовал полновесный удар со стороны сил мрака. Решение Собора в Константинополе было продиктовано силой зла, о которой мы в данном рассмотрении пока лишь бегло упоминали, но о которой мы должны будем постепенно приобрести более ясное представление.

В противостоянии между Востоком и Западом, которое в 1054 г. по Р.Х. привело к разделению, расколу в христианском мире, величайшую роль сыграло различие в понимании Святого Духа. Запад внёс в Символ веры (молитва "Верую") пресловутое "филиокве" (filioque), выразив тем самым убеждение, что Святой Дух исходит от Отца и от Сына - "ex patre filioque". На Востоке категорически возражали: "Святой Дух исходит от Отца!"

Сегодня мы едва ли можем представить себе, что в прежние времена из-за формулы религиозного вероисповедания, то есть из-за Символа веры между людьми могли возникать столь острые противоречия. Но в ту пору людям ещё не было свойственно современное безразличие по отношению к истине, тогда ещё хотели бороться за истину, бороться против неистинного. На горе спорящим партиям не нашлось никого более высокого духовного уровня, с которого противоположные точки зрения могли бы быть расценены как различные аспекты истины, и тем самым приведены к примирению.

Ограниченное знание ведет людей к односторонним и спорным мнениям и воззрениям. Неведение по отношению к субординации Лиц Святой Троицы, - Отца, Сына и Святого Духа, отношение Отца к Сыну и отношение Святого Духа к Отцу и Сыну разделило Восток и Запад в споре о "филиокве". Если перестали понимать Божественный Дух, то и человеческий дух упразднили. В споре о "филиокве" и в определении мнимо-вселенского Собора об "упразднении духа" проявилось бессилие человеческого сознания проникнуть в суть эссенции мира и человека. Но в это же время жили искатели Грааля, жил Парцифаль. Это были реальные, живые люди, но их поиск Грааля происходит скрыто, их связь с миром умерших была реальна, но скрыта, их Храм Святого Духа был сокрытой реальностью.

Проникало ли что-либо оттуда на свет дня? Если это течение Грааля представляет собой реальное историческое явление, которое просто не признаётся пока обычной исторической наукой, то не должны ли существовать какие-то следы его?

На самом деле такие следы есть, и большая заслуга Вальтера Иоганна Штейна состоит в том,

что он прошёл по ним. В девятом столетии Испания больше не была центром течения Грааля, несмотря на то, что там - по исследованиям Рудольфа Штейнеоа - к началу крестовых походов (1096г) ещё действовали "поздние готские мистерии". Скрытая крепость Грааля перебазировалась в Среднюю Европу: это значит, что поколение Грааля, насколько оно воплотилось на земле, мы должны искать в девятом веке в центральных областях Каролингской Империи.

Мы и в самом деле можем наблюдать, как три названных потока с Запада, Середины и Востока проникают друг в друга в последующие столетия, и чётких границ между ними обнаружить не удаётся. Настроение, приведшее к крестовым походам, начавшимся в конце одиннадцатого столетия по Р.Х. было со всей очевидностью обусловлено "преданностью Гробу Господню"; а таково было настроение восточного потока. Но ведь крестовые походы инициировались с Запада, западными людьми?

Поток Грааля распространяется не только из каролингских областей, этот поток продвигался и в северные области Европы, до Скандинавии, Финляндии и России.

Среднее течение с догматической тенденцией распространялось вследствие активной политики Рима как в Западном, так и в Восточном направлении. Но всем трём течениям в равной мере предстояла секуляризация, омиршление, материализация, которая постепенно проявлялась в десятом, одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом столетиях.

С Востока на Запад на изначальную спиритуальность надвигался арабский рассудочный образ мыслей и полностью затмевал последнюю. Эзотерическое течение Грааля могло действовать дальше лишь в литературной форме, как сказочные образы. Среднее и восточное течения тоже во всё большей степени становились жертвой материалистической тенденции.

В этом положении был как никогда необходим духовный, спиритуальный импульс, нечто заново созданное истинного источника Мистерии Христа. И этот импульс нашёл своё выражение в основании Ордена тамплиеров. В некотором смысле в нём были соединены три потока: культ с центром в Иерусалиме, Орденские правила - Устав - санкционированные авторитетом Рима, и течение Грааля, которое в большей степени оставалось скрытым, хотя и являлось сущностным ядром импульса.

Прежде, чем мы услышим, как эта обновлённая христианская эзотерика благодаря личности Готфрида Бульонского связана с поколением Грааля непосредственно, и опосредовано - с девятым веком, надо ответить на вопрос: почему вышеназванные течения, связанные с Граалем двигались на Восток?

4.5. ДЕВЯТОЕ СТОЛЕТИЕ. ВОСТОЧНО-ЗАПАДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Для исторического рассмотрения, основанного на документах и фактах, вышеприведённые течения, возможно, далеко не столь очевидны, как другие движения - великое переселение народов, завоевательные походы, например арабское движение, которое не оставляет желать лучшего в смысле своей очевидности. Однако весьма неясным, по крайней мере, с внешней стороны остаётся направленность с Востока на Запад, свойственная первому из трёх описанных выше течений.

Это движение с Востока на Запад можно просто констатировать в качестве явления, а дальнейшее не прояснять. Увидеть, как христианство распространялось с Востока на Запад довольно просто. Из Палестины, впрочем, христианский поток движется и на Восток, хотя и не достигая там расцвета. Распространение христианства в общем, повсюду, а течения Грааля - именно на Запад заинтересует нас, если мы представим себе, что на Западе было нечто, по видимости ожидающее этот поток Грааля. (см. глава 2.6)

Мы могли бы даже утверждать, что из кельтского Запада вытекало противоположное движение в восточном направлении, к сердцу Европы, которое, в известном смысле выступало навстречу движению на Запад. В легенде о Граале это нашло своё выражение как связь между Граалем и Круглом столом короля Артура.

Король Артур, легендарный британский герой, является представителем славы и гибели кельтского начала на Западе. Но в свете "окультной истории" мы должны связать фигуру Артура с мистериальными основами, которые в средневековых поэмах облеклись в образы, и тем самым, основательно замаскировались.

Позади кельтов, которые начал заселять британские острова за 500 лет до Рождества Христова, брезжили магические культуры, первоисточник которых надо искать в далёком прошлом. То, что ещё просвечивало оттуда в более поздние столетия, в ирландской и валлийской мифологии было таково, что различные современные исследователи Грааля хотели вывести происхождение чудесной чаши из этой западной области. Однако мнение о том, что легенды о Граале имеют кельтское языческое происхождение, первоисточник, и были христианизированы лишь в средние века, выглядит несостоятельным. Ведь в этом случае течение Грааля должно было иметь направление с Запада на Восток, а не наоборот. Как могли бы мы придти к удовлетворительному объяснению того и другого?

Мы видели, что мир традиций Грааля является миром спиритуальных образов. После того, как мы попытались на спиритуальном уровне понять три первообраза "книгу", "алтарь" и "храм", мы должны будем направить взор на иной имажинативный элемент мира Грааля.

Ещё три других образа выступают многократно: это копьё, меч, чаша или бокал, и, наконец, менее часто - камень, четвёртый образ.

О "Iaripis exilis" в эпосе Вольфрама фон Эшенбаха уже шла речь в главе 3.2. Меч Грааля мы находим в версии Кретьена де Труа, так же как и у Вольфрама фон Эшенбаха. Благодаря Вальтеру Иоганну Штейну мы знаем, что этот меч Грааля не обычное оружие, но это меч "слова". Рыцари Храма служили христианству, "Слову" в смысле Иоанноа Богослова.

Образ копьё мы находим у Кретьена и у Вольфрама: оруженосец проносит копьё через зал, в котором страдающий король Грааля принимает Парцифала. С острия копьё вдоль древка на пол стекает кровь. Этот имажинативный образ связан с "историческим" предметом: это копьё, которым римский сотник Лонгин пронзил правый бок Иисуса, откуда из тела Распятого истеки кровь и вода.

У Рихарда Вагнера в его "Парцифале" мотив копьё играет особую роль. Тут, однако это копьё не показывают в замке Грааля; им обладает злой волшебник Клингзор. Этим оружием он наносит Амфортасу неисцелимую рану в нижнюю часть живота. Когда же он метнул копьё в Парцифала, оно останавливается в воздухе над его головой. Над "чистыми воротами" оружие и его неправомерный обладатель не имеют власти. Парцифаль хватает копьё и одним ударом заставляет исчезнуть весь магический сад радостей Клингзора и его волшебный замок.

Если мы углубимся в ирландскую мифологию, мы найдём там четыре предмета: копьё, меч, чашу и камень - четыре сокровища поколений богов, так называемых туа-та-де-данан. Эти туа-та-де-данан были народом, который действительно существовал и населял Ирландию в течение столетий до кельтского проникновения в Ирландию. Они тоже не были её самыми первыми жителями, а пришельцами из Северной Европы. Позднейшее население Ирландии считало из богами, которые удалились в невидимый мир.

Ганс Гзенгер в своих ранних трудах об Ирландии (10) даёт очень увлекательное объяснение этого двойного аспекта туа-та-де-данан. Как могли они одновременно быть и народом пришельцев, и богами, игравшими решающую роль при сотворении мира?

Традиция сообщает, что туа-та-де-данан в ходе странствий, совершаемых через Европу, некоторое время находились в Греции. Рядом с городом Фибей (Фивы, Theben) находилось святилище кабиров, основанное финикийским посвящённым Кадмом. Первоначальным центром мистерий кабиров был Хеврон в древнем Ханаане. Оттуда через Самофракию Кадм принёс мудрость о "великих богах" в Фивы. О туа-та-де-данан говорится, что они изучали в Греции все виды некромантии и волшебства, но об этом мистериальном центре кабиров речи не было.

Но чему же там учили? Они были посвящены в глубочайшие тайны возникновения мира. Ганс Гзенгер пишет об этом так:

"В кабрионе в Фивах искали тех таинственных существ становления, которве послужили основой различных стадий эволюции, начиная с мирового огня (о котором говорит Гераклит), мирового света, мирового звука (который скрыт во всех материальных вещественных организациях), и так далее, вплоть до мировой вещественности, материи. Посвящённые этой группы шли с этим знанием в Скандинавию, где они встречались с ответвлениями гиперборейских мистерий (см. глава 2.6) Там их знание считалось всеобъемлющим, что нашло своё наглядное выражение в предоставлении им четырёх городов и просьбе об организации четырёх школ (то есть мистериальных учреждений - примечание автора). Затем посвящённые достигли Ирландии, где они встретились с остатками так называемых атлантических мистерий. То, что возникло из соединения этих трёх мистериальных потоков, продолжилось вплоть до христианской эры как великие мистерии Гибернии (Ирландии), которые не следует смешивать со школами друидов.

В телах туа-та-де-данан должны были воплощаться сверхчеловеческие индивидуальности, которых лишь с трудом можно было бы мерить земным масштабам. Поэтому все процессы в этом периоде кажутся наполовину земными, наполовину сверхчувственными. Древние легенды описывают туа-та-де-данан так, как если бы они были богами, которым для исполнения их намерений служили человеческие тела. Очевидно, что они принимали имена тех богов, которым они служили".

Мифологические образы сотворения мира, совершаемого богами Дананн впечатляют. Они владеют копьём одоления, световым мечом, чашей полноты и камнем судьбы. Без всякого сомнения под этими четырьмя сокровищами богов подразумеваются не вещественные предметы, но имажинации, образы космических сил. Тот, кто каким-либо образом хнакомился со спиритуальными данностями эфирного мира, мира жизненных сил, форообразующих сил Космоса и природы, для того не представляет труда опознать в четырёх "сокровищах" символы четырёх видов эфира: теплового эфира, светового эфира, химического или звукового эфира и жизненного эфира. На земле этим видам эфиров соответствуют агрегатные состояния: тепловое состояние, свет, газ, жидкое и твёрдое. С древности эти четыре элемента называют: огонь, воздух, вода, земля. Эти четыре земных элемента надо рассматривать как своего рода уплотнения в четырёх

видах эфира. В случае тепла это уплотнение минимально: тепло и тепловой эфир - это почти одно и то же; световому эфиру физически соответствует воздух, химическому или звуковому - вода, жидкость, а жизненному эфиру - твёрдое (11).

Эфирные субстанции и силы играют большую роль в эволюционном процессе мирового становления, о котором говорят все мифы о сотворении мира. Посвящённые древних народов знали, что возникновение Земли не было механическим, мёртвым процессом, но представляло собой проявление творящей активности высших существ. Они раскрывали себя ясновидящему взору посвящённых как носители определённых атрибутов, определённых "сокровищ", связанных с многочисленными существами эфирного мира Копьё или "копье одоления" боги туа-та-де-данан водрузили посреди Ирландии. Оно излучало мощный жар. Световой меч уже именем своим выражал то, что он является символом светлого эфира. Чаша или "котёл полноты" принадлежал богу Дагда, который также владел прекрасной арфой, инструментом, издававшим звуки. Это указывает на связь со звуковым эфиром. Наконец, "камень судьбы" соответствует жизненному эфиру, который как самый высший вид эфира связан с низшим элементом, с твёрдой землёй.

Ирийский (ирландский) миф сообщает, как мрачный народ, фоморы, под водительством одноглазого Балора похитили у Туа-та-де-данан их сокровища. В бедности и бессилии народ Дананна подчинился демоническим фоморам и был в рабстве до тех пор, пока не пришёл Лух, Солнечный Бог, не победил фоморов и не возвратил народу сокровища.

Не только у Вагнера в Парцифале сокровища Грааля, копье, попадает во владение злу: в прекрасной бретонской сказке о Граале "Пероник простец", чаша и копье тоже находятся во власти злых сил, волшебника Роджера. То что в мифах осуществляется благодаря Солнечному богу, спасителю сокровищ от тёмной власти, в рассказе о Граале достигается с помощью настоящего простеца, дурака. Кто прост, безумен перед людьми, часто оказывается мудрым перед Богом. Пероник, как и Парцифаль преодолевает зло благодаря своей чистоте.

Что значит, что копье находится под властью сил зла? Если мы допустим, что под этим копьем действительно подразумевается эфирная субстанция, тогда его (её) похищение должно проявиться, как потеря способности проникать в сверхчувственный Космос, в творящий мир. Солнечный бог или Солнечный герой, который проходит посвящение в Солнечные мистерии, может вернуть эту способность назад.

В лекции от 1922 г., в которой Рудольф Штейнер говорит о трёх потоках девятого столетия (ПСС, т. 216), он говорит о ждущих душах из потока Грааля:

"Если бы надо было отследить этот поток, это эзотерическое течение, распространившееся вплоть до Ирландии и там, в новое время угасшее, - если бы надо было проследить его, то тогда люди должны были бы внутренне пережить свою связь с духовным, спиритуальным миром. Ведь, в основе своей, то, что жило в этом эзотерическом потоке, представляло собой большой вопрос: как же люди достигали того, чтобы ориентироваться в эфирном мире, в эфирном Космосе? Ведь созерцание, включающее в себя также и тайну Мистерии Голгофы...., имело отношение к эфирному Космосу".

В культуре кельтов в целом, но, главным образом в Ирландии, среди валлийцев (Уэльс) и в Корнуэлле ещё жило знание об "эфирном начале Космоса". Это знание происходило от предшественников кельтов, то есть происходило из эпохи, предшествовавшей кельтам, оно поддерживалось великими мистериями Гибернии (Ирландии) которых соединились скандинавские мистерии тротов и происходящие из Палестины мистерии кабиров. Они, впрочем, оставались как подоснова, как питательная почва.

Перед внешним глазом возвышались мегалитические постройки. Святылище Стоунхендж и другие каменные круги, "лабиринты", их впечатляющие размеры, указывают на космически ориентированную религию, в которой большое значение имели движения Солнца и Луны по отношению к Земле и звёздам. Эти мистериальные постройки не были только храмом, но и обсерваторией для жрецов друидов, которые должны были обладать основательными познаниями в астрономии, геометрии и искусстве вычислений; однако они применяли эти искусства не для того, чтобы исследовать реальности земной механики, а исследовали космический Эфир. Они наблюдали не внешне проявляющийся свет, но его духовную сторону, составляющую; эта духовная составляющая становилась доступной созерцанию там, где внешний свет был задержан - в тени. В тени дольменов и гигантских сооружений из камней друиды "читали" тайны Космоса.

Так кельтская культура, точно также как и предшествовавшая ей мегалитическая культура проникали в ту мистериальную мудрость, центром которой был Космический Дух Солнца; при этом обнаруживалось сильное родство с египетским, а особенно с сабианским богослужением. (см. глава 2.3) В главе 2.6 уже упоминалось о том, что ту же самую роль играл и германский миф о Бальдуре.

Самый важный вклад антропософской духовной науки в дело нашего познания эволюции Земли и человечества состоит в том, что "языческий" Солнечный Бог, который почитался у древних народов под различными именами был никто иной, как сам Христос в Его космическом откровении. Как великий Отец Церкви Августин говорит о дохристианском христианстве греческих

философов Платона и Аристотеля, так же можно назвать Солнце, - источник, из которого струится дохристианская мудрость Востока и Запада - дохристианским Христом.

Когда поэмы Грааля рассказывают о том, что святая чаша была перенесена в Англию (Роберт де Борн), или о том, что Парцифаль имел отношение к Круглому столу короля Артура (Кретьен де Труа и Вольфрам фон Эшенбах) или о том, что сами рыцари Артура пустились на поиски св.Грааля (Поиск св. Грааля) - тут образно выражается встреча разных потоков, видов христианства; встреча дохристианского, космического христианства с Западом с христианством Голгофы на Востоке.

Рудольф Штейнер ясно говорит об этом в Лондонской лекции 1924г. (ПСС, т. 240) После того, как он описал слушателям, как рыцари Артура могли воспринимать в замке Тинтангиль игру воздуха, света и воды, игру, вызванную брызгами волн на скалистом побережье, он сообщил дальше, что в этой взаимной игре "духов природы", - которых он называл "порождениями воздуха" и "порождениями тяжести" - что в этой игре манифестировали себя солнечные силы, или солнечный импульс. Круг вокруг короля Артура был эзотерической общиной, возникшей в дохристианскую эпоху; её задачей было - служба космическому Солнечному Существу оказывать облагораживающее воздействие на ещё дикое население Северной и Средней Европы. Этот Солнечный импульс посвящённые рыцари брали из природы. Этот импульс пронизывал их сердца, и, прежде всего, их эфирное тело.

"Так что перед Мистерией Голгофы, взяв за отправную точку Круглый стол короля Артура, рыцари Круглого стола короля Артура вбирали в своё собственное существо Солнечного Духа, то есть дохристианского Христа. Затем она отправляли своих посланцев по всей Европе, чтобы бороться с дикостью астрального тела европейского населения, очищать, делать его цивилизованнее, ибо именно это было их задачей. Мы видим, как именно такие люди как рыцари Круглого стола исходят из западной точки нынешней Англии, мы видим, что приходящее от Солнца они несут всему тогдашнему европейскому человечеству. Они очищают, просветляют астральность крайне дикого - по крайней мере, в Средней и Северной Европе - крайне дикого европейского населения.

Но затем приходит Мистерия Голгофы. Что происходит в Азии? В Азии происходит всемирно историческое событие: то самое высшее Солнечное Существо, которое затем стали называть Христом, оставляет Солнце. Христос уходит прочь от Солнца, так как мы, люди, умерев, уходим прочь от Земли. Итак, Христос уходит прочь от Солнца, также, как человек, который умер, уходит прочь от Земли. И как в случае человека, который умер и удаляется от Земли, его эфирное тело становится видимым для оккультного наблюдателя - то эфирное тело, которое умерший слагает с себя в течение трёх дней, оставляя своё физическое тело, - так и Христос оставляет на Солнце Духочеловека (описание его вы найдёте в моём "Духоведении"), то есть оставляет седьмой член человеческого существа. Христос "умер для Солнца", Он космически умирает по направлению от Солнца к Земле. С момента Голгофы на Земле стало видимым то, что было его Жизнедухом. Мы оставляем после смерти жизненный эфир, эфирное тело: после своей космической смерти Христос оставил на Солнце Духочеловека, а в окружении Земли - Жизнедуха. так что, начиная с Мистерии Голгофы Землю, подобно некой духовности овеивает Жизнедух Христа".

Далее Рудольф Штейнер описывает как этот Жизнедух Христа, который начал овеивать Землю с момента Мистерии Голгофы, становится видимым, доступным для восприятия, особенно для посвящённых ирийских (ирландских) мистерий, и для круга короля Артура, связанного с этими мистериями. В христианские столетия эти рыцари созерцали не только солнечное воздействие в игре света, воздуха и воды над скалами океанского побережья; в этой игре духовным образом стало отражаться то, что совершилось в Палестине в событиях на Голгофе. Это было возможно благодаря тому, что природные явления, в которых раньше непосредственно воспринимали космического Христа, теперь были проникнуты Жизнедухом Христа, Который был оставлен Им при нисхождении их Солнечной сферы и с тех пор овеивал Землю.

Те, кто благодаря оккультному обучению получали для этого соответствующие возможности, могли в сферической оболочке Жизнедуха расшифровывать оккультные письмена земных образов, в которых была запечатлена жизнь Христа в Палестине. Эти западные посвящённые становились косвенными свидетелями Мистерии Голгофы. Они читали Евангелие по книге природы!

Вот почему некоторые кельтские легенды сохранили очень интересные следы - прекрасным примером является история о знаках отличия Ионы, который внутренне соперничал рождение Иисуса в Вифлееме.

То, что реально разыгрывалось в Палестине как инкарнация Христа - нисхождение Солнечного Духа, Христова "Я" в тело и душу Иисуса из Назарета - это воспринималось сердцем людей.

С Востока на Запад, через Грецию, Северную Африку, Италию, Испанию в Европу проникал истинный Христос, живя в человеческих сердцах, в то время как с Запада на Восток проникало косвенное откровения Мистерии Голгофы, явленное в природе.

Христианство, направлявшееся с Востока на Запад - поздний поток Грааля - действовало в

сердцах, овладевая кровью. Как видно, не только реликвии, связанные с кровью Спасителя перемещались с Востока на Запад; но возник также королевский род Грааля, группа людей, связанных друг с другом общностью крови. Когда нынешние исследователи истории, такие как три автора вышеупомянутой книги "Святая кровь и Святой Грааль" говорят о королевском роде (Меровингах), в которых, якобы, должна течь кровь Иисуса, то это ЛИШЬ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА на действительность. На самом деле можно вести речь не о реальной крови человека Иисуса, доставшейся, якобы особым потомкам в результате полового размножения, лишь но о ДУХОВНОМ ВСЕЛЕНИИ ВОСКРЕСШЕГО в одну группу людей, которые особым образом хотели поставить себя на службу Христу. В раннем средневековье дело обстояло так, что посредством кровного родства, посредством рода Грааля устанавливалась связь между Одним и многими, между Сыном Человеческим и человечеством. Позднее служение Грааля высвободилось из кровного родства. Тамплиеры образовали общину индивидуальностей, каждый из которых считал свою индивидуальную, собственную кровь приобщённой ко Христу. Их торжественный обет, их присяга обязывала их к этому жертвенному служению. Дальнейшим шагом в развитии было бы то, что свободные индивидуумы уже без орденой принадлежности посвящали бы себя жертвенному служению.

Иной формой христианства, пришедшей с Запада можно назвать "течение Артура", хотя при этом мы должны думать не только о рыцарях поздних романов об Артуре и Граале, но, несомненно, и о ирландско-британских монахах, которые в шестом веке по Р.Х. начали свою столь значительную, благословенную работу по основанию монастырей на европейском континенте. Их христианство имело очевидную космическую ориентацию, что было как в случае дохристианского, так и христианского течения Круглого стола короля Артура. Но когда же встретились течение Артура и течение Грааля? Что произошло в действительности? Я ещё раз цитирую лекцию Р. Штейнера (1924 г.)

"Христос, низошедший вниз благодаря Мистерии Голгофы проникал в сердца людей. В самих сердцах людей продвигался Он с Востока на Запад, из Палестины через Грецию, Италию в Испанию. Это христианство Грааля распространялось через кровь, через сердце людей. Христос совершал путь с Востока на Запад.

И напротив, духовный, эфирный образ Христа приходит с Запада, действуя косвенно посредством Мистерии Голгофы, но ещё неся в себе Христа Солнечных мистерий. Нечто величественное, чудесное разыгрывалось за кулисами мировой истории. С Запада переносится языческое христианство, артурова христианство, выступая в иной форме и под иным именем; с Востока Христос переносится в человеческих сердцах. Происходит встреча: Христос истинный, Христос, пришедший на Землю, встречает свой облик, который выступает Ему навстречу, стремясь с Запада на Восток. Встреча происходит в 869 году по Р.Х. Вплоть до этого года, мы можем отчётливо различить друг от друга течения, проходившие на Севере Европы и в Средней Европе, которое со всей очевидностью несло в себе Христа как Солнечного героя, назовём ли мы Его Бальдугом, или как-либо иначе. И вот под знаменем Христа как Солнечного героя распространяли рыцари Артура свою культуру.

Другое течение, коренившееся внутри сердец, то, которое впоследствии стало течением Грааля, можно в большей степени наблюдать на Юго-Востоке; оно, в сущности, несло истинного, настоящего Христа. Тогда как то, что приходило с Запада несло навстречу Ему Его космический облик, отражение, образ.

Встреча Христа с самим собой - Христа со Христом как Солнечным героем, существовавшим лишь в образной форме, - эта встреча, это взаимное слияние Христа со Своим собственным обликом происходило в девятом веке".

Данный здесь исторический обзор опирается на духовное исследование. Оно, возможно, покажется неприемлемым для того или иного специалиста-историка. И всё же оно даёт конкретное объяснение значительного этапа европейской истории: не только исторических фактов, но и тех легендарных преданий, которые дошли до нас в литературной форме. Точно так же результаты этих исследований в их совокупности несомненно вносят гармонию в область глубочайших аспектов христианской религии.

Нам ещё остаётся здесь рассмотреть уже внешним образом те закулисные события, которые делают девятый век узловым пунктом оккультной истории.

4.6. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Возникновение Ордена тамплиеров является той главой оккультной истории, которая ещё мало освещалась со стороны духовной науки. Есть, однако, запись одной лекции об исторических связях, которую Рудольф Штейнер прочёл перед маленьким кругом слушателей в Ганновере; в ней есть крайне интересные сообщения на эту тему. Однако, скорее всего эта неопубликованная запись повторяет данные не Рудольфа Штейнера, а Вальтера Иоганна Штейна. Названная дата лекции может при этом не соответствовать действительности, но её содержание заслуживает

внимания, поскольку В.И. Штейн был большим знатоком в этой области. Если сообщения об Ордена тамплиеров, содержащиеся в этих записях мы будем считать предварительной исторической гипотезой, нам удастся набросать более ясную картину событий, разыгравшихся тогда, нежели это делается в обычных сообщениях. Они настолько незавершенны, что о картине здесь едва ли уместно говорить.

Те исторические писатели, которые рассматривают события Первого крестового похода, завоевание Иерусалима и последующее за этим основание Ордена тамплиеров, но делают это не в свете Св. Грааля, рассказывают следующее.

Паломникам ко Святому Гробу Господню в Иерусалиме арабские завоеватели Палестины вначале не препятствовали, или препятствовали лишь незначительно. И только когда Восточным Халифатом завладели турки для христианских паломников, путешествующих через исламские страны, возникли серьезные трудности. В конце одиннадцатого столетия насилия и грабежи, жертвами которых становились паломники, стали принимать такие размеры, что в европейских странах возникло большое негодование. Римский Папа как глава западного христианства призывал в своих проповедях к борьбе против неверных. Под знаком креста с мощным криком "Так хочет Господь!" собирались войска в Лотарингии, Северной и Южной Франции, в Южной Италии, чтобы направиться в святую страну. Петр Амьенский и Вальтер фон Хабенихтс, которые со своей свитой двинулись туда заранее, были хотя и воодушевленными, но малопригодными для такого дела людьми - большая часть их погибла в бедах и страданиях. Объединенному войску крестоносцев после долгого, томительного похода и бесконечных политических неурядиц, удалось достичь Палестины. Под водительством Готфрида Бульонского город Иерусалим был взят штурмом в 1099 г. по Р.Х. Прославленные руководители похода были, пожалуй, единственными из тех, кто воздерживался от ужасного кровопролития и варварского грабежа, устроенного христианами в святом городе.

Готфрид Бульонский отказался принять корону Иерусалимского королевства, он пожелал называться "защитником святого Гроба Господня". Его брат Балдуин стал королем, а Готфрид вскоре умер (1100 г. по Р.Х.). Балдуин правил до своей смерти и его трон наследовал его племянник Балдуин II (1118 г. по Р.Х.).

В этом же году был основан Орден тамплиеров, второй рыцарский орден, помимо уже существующего Ордена иоаннитов или Госпитальеров. Гуго де Пейн и восемь рыцарей из Северной Франции принесли Патриарху Иерусалимскому обеты бедности, целомудрия и послушания. Они поставили себе задачей охранять пути пилигримов ко Святому Гробу Господню и защищать паломников от магометан. Король Иерусалимский дал им в 1119 г. по Р.Х. часть своего королевского дворца для Дома Ордена; он располагался на плато, где когда-то стоял Храм Соломона, и где между тем арабы построили две больших мечети. Увенчанная золотым куполом мечеть Омара (Дом на скале) и мечеть Аль-Акса. В этой последней Орден имел свою резиденцию.

В течение ряда последующих лет в Орден вступил лишь один новый член, граф Гуго Шампанский. В 1128 г. по Р.Х. почти вся группа с Великим магистром Гуго де Пейном отправилась во Францию, где Орден на Соборе в Труа получил официальное признание от Римской Церкви.

Правила (Устав) Ордена были составлены одним из влиятельнейших духовных лиц того времени, аббатом Ордена Цистерцианцев св. Бернардом Клервоским. Так началась деятельность тамплиеров. Такова внешняя "фабула".

Если мы рассмотрим интересную фигуру Готфрида Бульонского поближе, мы обратим особое внимание на некоторые подробности, которые хотя и не чужды обычной истории, но на которые обращают мало внимания: подробности эти связаны с вполне историческим фактом конца 11, начала 12 столетий. Готфрид Бульонский был сыном Евстафия, графа Бульонского и Иды, сестры Готфрида Лотарингского. Юный дворянин принимал участие в борьбе против Папы на стороне Германского Императора Генриха IV. Мы знакомы с историей средневековых споров об инвеституре, с паломничеством в Каноссу, где Император Генрих IV подвергся унижению со стороны Папы Григория VII, мы знаем как он позднее ненавидел этого святого Отца.

Готфрид особо отличился при победе императорских войск над Римом, но получил опасное для жизни ранение. Тогда он дал обет, что в случае выздоровления освободит Иерусалим от сарацинского ярма. Соппротивление, оказанное ему со стороны папского Рима, породило в нём желание снова перенести центральный пункт христианства на Восток, туда, откуда оно пошло, в Иерусалим. Сообщая о Готфриде, история говорит не только о его героизме и сверхчеловеческой силе, но и о мягкости, благочестию и смирению.

Одно обстоятельство, несмотря на свою кажущуюся случайность, имело решающее значение. Готфрид стал обладателем большого богатства, полученного от архиепископа.

Его дядя, Готфрид Нижнелотарингский был женат на дочери знаменитой Беатрикс фон Эсте, Матильде Тосканской, в области которой находилась Каносса. Эта Матильда была неизмеримо богата, а наследник всего этого богатства, сын, которого она подарила своему супругу, ещё в юном возрасте погиб в результате несчастного случая; супруг умер вскоре после смерти мальчика. Позднее на месте, где утонул сын, Матильда учредила монастырь Орваль; он был

расположен в бельгийских Арденнах, недалеко от Бульони, где Ида, родственница Матильды воспитала трех знаменитых сыновей. Рассказывали, что Пётр Амьенский, - которого называли также Петром-отшельником - принадлежал к самой первой группе монахов, поселившихся в аббатстве Орваль. Хорошо известна роль, которую Пётр Амьенский играл в осуществлении Первого крестового похода. Сомнительно только, чтобы он был опекуном юного Готфрида Бульонского, как это утверждают. Гораздо вероятнее, что Матильда завещала изрядную долю своих богатств своему племяннику Готфриду. На деньги, которые благодаря этому попали в его руки, Готфрид смог вооружить войско для Первого крестового похода.

Отсюда можно было бы сделать предварительное заключение, что роль Готфрида Бульонского при подготовке Первого крестового похода носила центральный характер, характер более важный, нежели тот, что обычно приписывают ему исторические повествования. В них инициативный характер роли Готфрида в этом предприятии в целом, во-первых, или затуманивается, или умалчивается и, во-вторых переоценивается роль Римского Папы в организации крестовых походов. Затуманивается тот факт, что истинный импульс крестовых походов, в сущности, **ВО ВСЕ НЕ БЫЛ РИМСКИМ ИМПУЛЬСОМ**, - наоборот, здесь мы должны говорить об антиримском импульсе!

Однако, не следует и преуменьшать долю участия Папы Урбана в деле по реализации крестового похода в святую страну. Когда он на Соборе в Клермонте (1097 по Р.Х.) выступил с проповедью крестового похода, он в то же самое время надеялся удалить тем самым некоторых еретиков, которые начинали всё больше наращивать в Священной Римской Империи Германских государств (Первом Рейхе) противодействие папским взглядам. Эта надежда осуществилась. В неупорядоченных толпах Петра Амьенского-Отшельника и Вальтера Хабенихтса был не только негодяи и искатели счастья, но и порядочные люди из видных фамилий, которых можно было бы причислить к еретическим душам.

То же самое имело место и в отношении обученных регулярных армий четырёх европейских князей, привлечённых к крестовому походу. Не вызывает особого удивления и то, что Готфрид Бульонский по своей матери, графине Идее был поздним отпрыском рода Грааля.

Теперь дополним приведённые выше сообщения Вальтера Иоганна Штейна так, чтобы получить пока ещё не полную, но, тем не менее, четкую картину событий. Для этого нам надо будет ещё раз взглянуть на девятое столетие, а именно, в первую очередь на некоего Гуго фон Туара. Следуя вышеупомянутой записи лекции Гуго фон Туар по поручению Императора Карла Великого предпринял путешествие в Константинополь, где стал обладателем важных христианских реликвий. Одну из них - ценную реликвию ап. Петра - брат Гуго фон Туара перенёс в Рим, руководствуясь видением, перенёс в церковь, построенную на месте, где когда-то был распят Пётр. На этом самом месте позднее великий архитектор Ренессанса Браманте воздвиг круглую капеллу: *il tempietto*. Когда же брат Гуго фон Туара умер, он, как и все умершие, оказывал сильное влияние на то, что разыгрывалось на Земле, особенно на то, что происходило в Риме, вследствие его собственного деяния. Он видел, что наличие в Риме реликвии ап. Петра привлекает многих паломников ко гробу ап. Петра. Тогда в нём созрело решение, что воплотившись снова, он захочет перенаправить поток паломников о гроба ап. Петра в святой город Иерусалим. Вот что является первопричиной крестового похода.

Брат Гугофон Туара перевоплотился в одиннадцатом столетии как Готфрид Бульонский. Он умер в 1100 г. по Р.Х. и был погребён в Иерусалиме. На его могиле девять северофранцузских рыцарей подали друг другу руки. Они основали Орден тамплиеров. Хотя в записях лекций прямо не говорится об этом, можно считать, что это основание Ордена восходило к инспирации Готфрида Бульонского. Благодаря этим сообщениям, исходящим от того, кто не без скепсиса относился к духовным исследованиям, используя их не более, чем гипотезу, можно упорядочить набор отдельных фактов, известных в связи с возникновением крестовых походов и основанием Ордена тамплиеров.

Авторы ранее упомянутой книги "Святая кровь и Святой Грааль" тоже указывают на некоторые связи, например, они связывают основание монастыря в Орвале Матильдой Тосканской с фигурой Готфрида Бульонского и с основанием Ордена Тамплиеров. Но надо обратить внимание на следующее: то, что духовная наука описывает как спиритуальный мипульс, - а именно, решение, принятое одной индивидуальностью между смертью и новым рождением, они, эти авторы, интерпретируют как некий политический импульс, который должен был исходить от таинственного "Ордена СИОНА" ("Приорат Сиона"). При этом они считают, что могут опереться на некоторые исторические документы.

Мне не хотелось бы задерживаться на этом, но я хочу указать на девятое столетие свете Святого Грааля, на книгу о Граале Вальтера Иоганна Штейна.

В этой книге рядом с Вальдо фон Рейхенау мы встречаем Гуго фон Туара как важнейшего представителя течения Грааля в кругу Карла Великого. Штейн подробно описывает судьбу рыцаря Гуго, насколько она известна по легенде. Мы перескажем один отрывок: "Когда Гуго был оклеветан, очернён перед Карлом Великим, который вначале оказывал ему высокие почести, он

был помещён в тюрьму и приговорён к смерти. Но казнь не состоялась. Чудесным образом, невинность Гуго обнаружилась. Карл Великий почтил его высшей степени драгоценным подарком: а именно реликвией с каплями крови Иисуса. Но это не была кровь, струившаяся из ран Иисуса на Голгофе, нет, эта кровь вытекла при обрезании младенца Иисуса в храме, при так называемом первом излиянии крови.

Вальдо фон Рихтенау тоже принял реликвию крови: В. И. Штейн не допускает сомнений, что эта частично легендарная, частично историческая акция передачи крови указывает на течение Грааля. Факт перенесения реликвии крови во фламандский город Брюгге в 12 столетии тоже указывает на эту связь. Восприемником этой реликвии был Дитрих Эльзасский, участвовавший во Втором крестовом походе. Его супруга Сибилла была сестрой Балдуина III, Иерусалимского короля (1144-1162 гг. по Р.Х.). Балдуин III дал своему шурина "часть крови, которую собрал Иосиф Аримафейский". Дитрих Эльзасский подарил драгоценный сосуд, содержащий капли крови, городу Брюгге. Его сын, Филипп Эльзасский граф Фландрский был обладателем тайной книги; "которую использовал в качестве источника для эпоса Грааля Кретьен де Труа.

Отсюда мы ясно видим, что импульс храма, который хотел нести обновлённое, эзотерическое христианство из Иерусалима, с другой стороны способствовал тому, что традиция Грааля стала чисто внешней. То, что Второй крестовый поход тесно связан с Орденом тамплиеров мы можем заключить из того факта, что именно св. Бернард Клервосский, который написал Устав Ордена тамплиеров, и был инагуратором, зачинателем Второго крестового похода в святую страну.

К сожалению, ни в записях В.И. Штейна, ни в его книга о Граале не сообщается ничего о брате Гуго де Туара. Мы смеем предположить, что и он был глубоко связан с течением Грааля. Во всяком случае, он искал свою ближайшую инкарнацию в течении рода Грааля, и -что важно в этой связи - по женской линии; графиня Ида вела свой род от рыцарей лебеда.

Но не оказался ли брат Гуго де Туара во время своей жизни в девятом столетии неверен импульсу Грааля, слишком связавшись с римским началом, олицетворённым ап. Петром? Такое предположение справедливо. Если мы допустим, что инспирации к основанию Ордена тамплиеров исходили от этой индивидуальности - ведь Гуго де Пейн был братом по оружию Готфрида Бульонского - тогда мы можем связать пресловутое отрицание от Христа, вменяемое тамплиерам на процессе, с отречением Петра. Ступень Симона Петра, который отрёкся от своего Господа, должен был повторить, пройти каждый посвящаемый тамплиер; Готфрид Бульонский тоже в своей последней инкарнации усилил элемент ап. Петра и каялся в духовном мире.

В своё время я ещё вернусь к этому вопросу (см. глава 5.2).

4.7. КАРМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Можно представит себе, что в будущем историческое описание будет опираться на исследования кармических связей; то есть, историю будут рассматривать не просто как процесс действий и противодействий, как цепь доказуемых причинно-следственных связей, но как ткань, вытканную нитями судеб отдельных индивидуальностей и групп людей. Тем самым в качестве движущих сил возможно будет раскрыть духовных существ, инспирирующих то, что должно быть осуществлено на Земле людьми, даже если эти люди и не осознают источники этой инспирации. То, что с первого взгляда кажется историческим фактом, может быть, в некоторых случаях, опознано как симптом глубоко заложенных эволюционных импульсов. Они могут развёртываться как последовательность инкарнаций одной и той же индивидуальности, инкарнаций, которые каждый раз приведены в соответствие с обстоятельствами, при которых данная инкарнация осуществляется.

Для того, чтобы ясно обозначить перспективы человеческого развития я, в завершение данной главы, посвящённой оккультной истории, хочу ещё раз указать на гармонические связи. Роль пойдёт о фигуре Гуго фон Туара, чей брат в последующей инкарнации должен был быть воплощён как Готфрид Бульонский. Валтер Иоганн Штейн говорит, будто бы Гуго стал монахом, который, после долгих блужданий поселился в хижине, в которой нашла себе приют пара влюблённых из истории о Граале - Сигуна и Шионатулендер. Тут речь идёт ни о ком ином, как о Треверценте, брате несчастного Короля-Рыболова Амфортаса. Треверцент, хотя и не был монахом, удалился от мирской жизни в лесную хижину, чтобы таким образом создать противовес мирскому настроению раненного Короля Грааля, получившего свою рану не на службе Грааля, а пустившись в любовную авантюру, "миннединст" (12). Вполне естественным оказывается вопрос: если Гуго фон Туар был отшельником Треверцентом из эпоса о Парцифале, не мог ли его брат быть Амфортасом? Иными словами: был ли Готфрид Бульонский в своей прежней жизни той исторической фигурой, которая послужила прообразом для легендарного несчастного Короля? Пока мы воздержимся от ответа на этот вопрос, но ничего совершенно невозможного тут нет. Характер, присущий образам легенды нельзя считать реалистичным, он, скорее часто образный, имагинативный. Для легенды не требуется указывать на реальное кровное родство соответствующих исторических персонажей, отношения которых могут быть изменены в эпической

поэзии, в поэтическом процессе создания легенды. Здесь почва для подобного предположения крайне ненадёжна.

Иначе обстоит дело с самим Гуго. В записках, которые уже часто цитировались, подробно описывается его последующая инкарнация: он был португальским дворянином по имени Франческо де Альмейда, который выполнял ответственные задания на службе Испанского и Португальского королей. Это происходило в весьма значительный, поворотный пункт времени, а именно на грани 15и 16 веков, в начале нового времени и , одновременно, в начале уже упомянутого пятого послееатлантического культурного периода, в котором мы теперь живём.

В это время мы видим, как снова оживает импульс Грааля и течение Артура: в движении розенкрейцеров - основание этого братства приходится на 1459 г. по Р.Х. -и возникновение второго влиятельного рыцарского Ордена, Ордена Золотого Руна, учреждённого в 1429 г. по Р.Х. Филиппом Добрым, герцогом Бургундским, а также в Ордене Принца Артура в Англии. Последний был основан в честь Артура, старшего сына короля Англии Генриха VII Тюдора. Устав этого Ордена, который был через сто лет опубликован в виде книги, хранится в Британском Музее. Томас Мелори разработал этот Устав; он же был прославленным автором книги "Смерть Артура", написанной в 1469г по Р.Х., но изданной лишь в 1485 г. первопечатником Уильямом Гакстоном на средства короля Генриха VII.

Сэр Томас Мелори является интересной личностью. Ещё в юношеском возрасте он, в качестве архиепископа Сант-Яго-де-Компостелло подписывает брачный договор Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. В Сант-Яго он знакомится с португальским рыцарем Франческо де Альмейда, который посвящает его в алхимию. Седьмая книга из романа "Смерть Артура", для которой внешняя наука пока не смогла отыскать определённого источника, понятна лишь тем, кто знает алхимию в том виде, как она изложена в трудах Василиуса Валентинуса.

Сам Василий Валентинус говорит в своих трудах об одной святыне, которую он из Сант-Яго-де-Компостелло, куда он приходил как пилигрим взял с собой на Север. Эта святыня - её можно было бы назвать "сокровище" - есть ни что иное, как тайная наука алхимии, центр которой находился в Сант-Яго и строго охранялся Орденом Сант-Яго (13).

В 1500 г. по Р.Х. главой этого Ордена был Фердинанд Арагонский.

Английский кронпринц Артур, родившийся в городе древнего короля Артура Винчестере, женился на Екатерине, дочери Фердинанда и Изабеллы. Благодаря этому образовался не только политический союз между двумя Орденами; считают также, что благодаря этому мог осуществиться спиритуальный импульс, который должен был подготовить новое время. В Ордене Артура алхимия тоже играла большую роль.

Поскольку влиятельнейшие государи Европы были членами этого рыцарского Ордена, можно было ожидать, что его влияние было интернациональным. Одним из наиболее выдающихся из этих государей был Максимилиан I Габсбург, Германский Император, женатый на Марии Бургундской. Поскольку род герцогов Бургундских в мужском колене пресёкся, Максимилиан I унаследовал эту область, Бургундию, к которой относились и Нидерланды. Грецогство Бургундское включало в себя большую часть королевства Лотаря, сына Карла Великого, который после смерти отца владел средней частью разделённой натрое каролингской Империи. (Франция, Бургундия и Германия -примечание перевод.) В этой средней части находились все центры течения Грааля. Так Максимилиан I стал главой Ордена Золотого Руна. Он был также членом Ордена Артура; в придворной капелле в Инсбруке,(где он готовил себе гробницу, в которой так и не был похоронен) он велел поставить бронзовые изображения Габсбургов. Однако первым рыцарем в этом ряду был не граф Габсбургский Рудольф, а рыцарь Артур, тот самый наследный английский принц!

Артур умер в молодости, но король Генрих VII Тюдор распорядился его наследством так, что вдова Артура, испанка Екатерина осталась в королевской семье. Она стала женой второго сына Генриха VII, - Генриха VIII, который позднее отверг её, чтобы жениться на красавице Анне Болейн.

Напрашивается вопрос, какое отношение имеют все эти сведения к португальскому дворянину де Альмейда, и что у них общего с алхимией? Здесь мы приходим к поистине удивительным открытиям.

В первую очередь, мы должны подчеркнуть, что сообщения Вальтера Иоганна Штейна на эту тему являются результатом эзотерического рассмотрения кармических связей. Не следует удивляться тому, что обычные исторические описания, незнакомые с оккультной историей или отвергающие её, обходят эти связи молчанием. Сведения об этих связях надо искать в двух статьях Штейна на немецком языке (14).

В третьей статье, написанной на английском(15) Штейн описывает события, участником которых был де Альмейда, причём описывает это так как в вышеназванной лекции. Однако в одной из двух немецких статей описание отличается, причём в одном важном месте. Возможно, что английская статья, вышедшая годом позже, была задумана в целях исправления, корректировки немецкой статьи.

В указанной лекции Штейн говорит о реликвии ап. Петра, которую принёс в Рим брат Гуго фон

Туара. На том самом месте, где был распят Апостол Пётр, была построена деревянная церковь. Эта деревянная церковь, говорит Штейн, стояла долго, до тех пор, пока не была заменена круглой каменной капеллой Браманте.

Поводом к постройке этой капеллы послужило следующее: внук Фердинанда и Изабеллы, позднее ставший Императором Карлом V(18), был чудом исцелён от смертельной болезни. Это чудо произошло после того, как ему во сне явился святой Апостол Пётр: дед Карла V Фердинанд пожелал в знак благодарности и памяти об этом чуде воздаignуть капеллу "Чудо Апостола Петра" в Риме.

Рыцарь Франческо де Альмейда во время службы у Фердинанда отправился в Рим, получил там от Папы Римского Александра Борджиа согласие на строительство капеллы, и передал необходимые деньги Браманте, величайшему мастеру-строителю своего времени. На месте, где по сообщению традиции состоялось распятие Апостола Петра, архитектор Браманте построил круглую капеллу: это было первое круглое здание среди христианских церквей. Капелла была названа "il tempietto", маленьким храмом, и может рассматриваться в некотором смысле как прообраз более позднего Собора Св.Петра - здания, увенчанного куполом, которое создал Микельанджело по первоначальному наброску Браманте.

Судьба Франческо де Альмейда такова, что точно в том же самом месте, куда брат Гуго фон Туара принёс когда-то реликвию ап. Петра, Франческо де Альмейда довелось содействовать активизации важного импульса ап. Петра в новое время.

Пока сообщения согласуются друг с другом. Но затем Штейн в немецкой статье 1935 г. пишет следующее: "один португальский рыцарь - он не называет имени де Альмейда - от двора Папы Александра IV принёс в Сант-Яго-де-Компостелло святыню, о которой говорит Василий Валентиниус. Рыцарь взял святыню, доверенную ему Папой. Но поскольку он был членом Ордена св.Яго. Орден считал, что может претендовать на эту святыню. Рыцарь же, напротив, позаботился о том, чтобы святыня попала в руки Василиуса Валентинуса, который унёс её на Север. Конфликт, разгоревшийся между рыцарем и Орденом, привёл к смерти рыцаря. Он умер в марте 1510 г. по Р.Х.

С другой стороны, читая английскую статью 1936 г., мы находим в ней совсем иное происхождение "святыни", причём сведения более согласованы с тем, что описано в лекции Штейна. Тут португальский рыцарь принимает святыню не из рук Папы Александра Борджиа, но от одного мавританского князя, который любезно заботился о нём и вылечил его, когда он под Гренадой был смертельно ранен и попал в плен к маврам; этот князь затем посвятил его в глубокую алхимическую мудрость, знанием которой он владел. У мавров в Испании находилась одна редчайшая книга, и один священный предмет, алхимическая реликвия в форме жемчужины. Книга же содержала "Алхимию", эзотерическое сочинение из сокровищницы древнегреческой алхимической мудрости, которая до тех пор не была известна в христианских странах Запада (см. глава 2.5). Когда де Альмейда полостью излечился от своей раны, ему удалось бежать из мавританского лагеря, причём он взял с собой эти две "святыни" - реликвию и книгу Аристотеля. И то, и другое он был обязан передать своему Ордену, но этого он не сделал. Он решил передать их более правомерному владельцу, который происходил из Рейнской области. Стефану Рауттеру, скрывавшемуся под псевдонимом Василиуса Валентинуса. Но передавала эту реликвию и книгу великому посвящённому алхимику жена де Альмейды. Она погибла от рук убийц у подножья горы Одилин, в Андлау в Эльзасе, местности Грааля; её казнь была мезтью Ордена Сант-Яго. Сам Де Альмейда тоже был казнён. Здесь В.И. Штейн говорит о двух путешествиях в Индию, которые де Альмейда предпринял на свои средства, ведь он был неизмеримо богат.

Английская статья во всех подробностях соглашается с этим точным описанием событий, но в ней есть некоторые дополнения. Франческо де Альмейда - то, кто завоевал португальские владения в Индии для португальской короны, когда Васко де Гамма открыл морской путь вокруг мыса Доброй Надежды. Его труд завершил Альбукверкве. Король Португалии Мануил назначил де Альмейду вице-королём Индии. Де Альмейда писал королю в письме о своих мероприятиях, которые король затем утверждал. Де Альмейда прежде всего хотел сделать морской путь в Индию более надёжным с помощью укрепленных пунктов вдоль морского побережья; внутреннюю часть страны он не хотел завоевывать, ибо, - как говорил он - "мы должны теперь отнять торговлю с Востоком у арабов и занять их место".

На обратном пути, возвращаясь из своего вторичного пребывания в Индии он был убит неизвестными убийцами в Салданабае на Южном побережье Африки. Копьё странной формы ударило его в лицо. Говорили, что его убили местные жители, но форма копья противоречила этому предположению. Он не был убит, а был казнён, поскольку с точки зрения Ордена, изменил Ордену, когда передал тайное знание в другие руки. Он сделал это под свою полную личную ответственность, так как верил, что передавая алхимическую мистериальную мудрость в Среднюю Европу, он создаст возможность, чтобы эта мистериальная мудрость стала плодотворной в будущем. В Ордене Сант-Яго этого произойти не могло. Он знал, что эта "измена" подорвёт власть Ордена, и то ему придётся из-за этого умереть, заплатить жизнью. Последствия своего поступка

он перенёс с рыцарским достоинством.

Внимательно присмотревшись к тому, как пишет В.И. Штейн названную статью, получаешь впечатление, что он оперирует со своими материалами очень сдержанно, но с большой внутренней подвижностью. Нас это не должно удивлять; ведь он описывает свою собственную карму (19).

Нет ни малейшего сомнения в том, что Вальтер Иоганн Штейн, благодаря собственному оккультному опыту и благодаря подтверждению со стороны его учителя Рудольфа Штейнера, знал, что его индивидуальность была инкарнирована в 15 столетии как Франческо де Альмейда, а в девятом столетии как Гуго фон Туар, когда он стал известен в поэме как Треверцент. Иоганн Таутц острожно, но без сомнений указывает на эту кармическую связь в своём ведении во втором издании книги В.И. Штейна "О Граале".

Похожие кармические мотивы повторяются при различных инкарнациях особых индивидуальностей. Так здесь мы видим мотив клеветы из недоброжелательства. Гуго фон Туар был осуждён по ложному подозрению из-за недоброжелательности вассалов Императора Карла Великого. Надгробный камень де Альмейда исчез после его смерти; в связи с этим В.И. Штейн пишет:

"Надгробие рыцаря, который отдал Василиусу Валентинусу то, что ему принадлежало, поскольку он был знающим, исчезло. На нём стояло: "Здесь покоится рыцарь, который никогда не боялся и никогда не лгал". Я стоял на том самом месте, где лежало надгробие. Надпись и вся гробница исчезли. Ревность преследовала его даже после смерти. Но история вечна. Она обновляется, и позволяет тем, кто приходит позже, знать то, что было известно раньше, но угасло".

В собственной жизни Вальтера Иоганна Штейна недоброжелательство и клевета тоже сыграли большую роль. Здесь не место об этом писать. И всё же он - человек из круга Рудольфа Штейнера, тот, кто решительным образом посвятил себя делу обновления импульсов св.Грааля и короля Артура. Он тот, кто в упомянутых выше потрясающих статьях, кристально ясных и простых по стилю, говорит о "последнем рыцаре". Он тот, кто благодаря интенсивному изучению трудов Василиуса Валентинуса смог описать алхимию как путь ученичества, который может послужить оздоровлению тела, души и духа человека в наше новое время. Можно также сказать: к выздоровлению раненного короля Амфортаса в нас. Я цитирую:

"Я серьёзно спрашивал Рудольфа Штейнера, не устарел ли Василий Валентинус?" - "Нет, - ответил он? - Вникните в него, но с новыми ощущениями; путь, который он описывает - тот же самый, что описан в книге "Как достигают познания высших миров". Он содержит эзотерику антропософии и его мировоззрение является нашим".

Р. Штейнер рекомендовал мне его книгу (речь идёт о книге Василиуса Валентинуса "Двенадцать ключей" - примечание переводчика) как книгу медитаций. Он говорил о ней как о компендиуме высшего познания. Представленное в ней естествознание он называл естествознанием Аристотеля".

Деятельность В.И. Штейна в качестве преподавателя Вальдорфской школы в Штутгарте, его вклад в движение за триединство социального организма, его позднейшая деятельность в Англии, где он масштабно развивал деятельность, например, как медик - всё это было поставлено на службу Св. Грааля.

Эту главу мне хотелось бы завершить цитатой из упомянутой статьи, из которой могли бы проясниться кое-какие связи "оккультной истории":

"Рыцарство имеет свои, присущие ему импульсы. Своего рода школа, школа 15 века раскрыта здесь в своём действии. Под символикой алхимии или символикой рыцарских романов распространяются импульсы, ведущие в новое время. То, что на юге действовало в облачении легенды о царе-священнике Иоанне, на Севере действовало под символом короля Артура. И того, и другого связывала общая цель: подготовить человечество к новому времени, ещё один раз подкрепится древними, достопочтенными понятиями рыцарства, чтобы потом распрощаться с ними навсегда, и предаться мореплаванию, открытию новых земель, охватить всю землю с помощью технических инструментов. Вот почему Максимилиан I был последним рыцарем. Вот почему рыцари Ордена Сант-Яго, Ордена Калатравы, Ордена Крыльев Михаила, Ордена Христа были великими первооткрывателями. Новое мировоззрение прокладывало себе путь".

5. ОРДЕН ТАМПЛИЕРОВ

5.1. РЫЦАРИ И МОНАХИ

Эта глава содержит обзор истории Ордена тамплиеров (1) от его начала, до его расцвета и гибели. Обзор не является очередным повторением известных фактов, поскольку эти известные факты я представляю в новом свете, опровергая старые застывшие предубеждения и стараясь поколебать новые. В конце концов, мы живём сегодня в такое время, когда с помощью духовной науки Рудольфа Штейнера можно выстроить достаточно цельное понимание темы, что в свою

очередь могло бы оплодотворить исторические исследования.

При возникновении Ордена соединились два основных импульса средневекового общественного порядка: импульс рыцарства и импульс монашества. Пытаясь исследовать оба эти импульса, скоро замечаешь, что было бы недостаточно объяснить происхождение этих социальных форм двумя противоположными мотивами - отречением от мира, и принятием мира. За каждой из этих жизненных установок стоит - если использовать современное выражение - определённый образ человека, идеал человека.

Разыскивая типично германско-кельтский образ идеального человека, мы находим Солнечного героя с его двенадцатью паладинами. Будь этот герой королём Артуром или Императором Карлом Великим, он, в любом случае является представителем космического Солнечного Духа, окружённого своими помощниками, воплощающими силы звёзд. Он царит над ними, но, с другой стороны он - *primus inter pares*, "первый, среди равных", вождь, в котором концентрируются силы паладинов, который существует постольку, поскольку существует круг вокруг него.

Смыслом этого бытия является борьба, не борьба за выгоды, но бескорыстная, самоотверженная борьба, благодаря которой свет побеждает тьму.

В средневековых рыцарских романах - пусть даже происходивших из тех времён, когда космически ориентированное рыцарство уже приходило в упадок - из правил кодекса чести ещё можно при чтении установить, что первоначально речь здесь шла об эзотерическом сообществе. Рыцарь - это не просто отважный воин; он посвящённый северных, или северо-восточных мистерий (см. глава 2.6). Его христианским прообразом является небесный воин Михаил, Архангел из Солнечного царства и его земной представитель - рыцарь Георгий Победоносец, Змееборец или Драконоборец.

Образный язык достаточно понятен; рыцарь защищает слабых и обездоленных. Он сражается за юную Деву, которую атакуют силы дракона. Эзотерическое братство Круглого стола борется за право и порядок, а в то древнее время такая борьба ещё была перспективной. Рыцарь одолевает чудовищ и демонических существ, то есть он освобождает Деву в самом себе благодаря испытаниям и обучению. Он очищает произошедшее из Космоса звёздное существо своей души.

В рыцарском идеале средневековый европеец переживал возрастающую силу "я"; у германских народов она очень сильно испытывалась в телесном естественном чувстве физической жизни, совершенно иначе, чем у греков или у восточных людей, которые чувствовали своё "я" в большей степени как некое небесное существо. Но когда в ходе времён рыцарство потеряло свой изначальный посвятельный импульс, именно это физическое природное чувство "я" создало ярко выраженное себялюбие, эгоцентризм.

Если рыцарь не направлял своё "я" к духовному, ему грозила дегенерация, он мог стать рыцарем-разбойником и насильником.

Надо к тому же различать между рыцарями **меча**, защитниками права и воинством порядка - при этом речь первоначально шла о естественных правах человека, а не об абстрактной юстиции - и между рыцарями **слова**. Эти последние были часто рыцарями "невидимого", поскольку они искали это "незримое" и служили ему. Их рыцарство Грааля не выносилось на всеобщее обозрение, но они были призывниками и посланниками духовных центров и тайных лож. Конечно, где-то на земле они имели пристанище, но оно оставалось скрытым от непосвящённых.

Если мы хотим понять эссенциальную сущность рыцарства, мы должны получить представление о том, что означала тогда музыка и куртуазная любовь. Здесь Вальтер Иоганн Штейн тоже приводит интересные интерпретации. Германская легенда о Гудрун, также как и кельтская легенда о Тристане и Изольде говорит о таинственной силе музыки и о таинственной силе любви. Обе они, музыка и любовь принадлежат высшему существу человека, "Валькирии", как называет это Штейн в своей статье о Тристане (2). Способность создавать музыку в качестве выражения силы любви происходит из глубины существа человека, не из сил наследственности; это знал каждый, имеющий отношение к придворной культуре Южной Франции. Тех, кто обладал даром поэта и композитора князья почитали как равных, даже если эти поэты и композиторы происходили о крепостных. Трубадур, миннезингер не принадлежал к определённому сословию, он был тем, кто обрёл истинно человеческое начало.

Сила любви (3) находила своё выражение в поэтических словах, музыка арфы или лиры придавала ей апологоническое звучание. Кто играл на арфе как Орфей, как Давид или как Тристан, находил путь к своему высшему Существо, небесной Невесте. С помощью музыки он мог усмирить низшее существо, проявляющееся в звериной дикости.

Все эти элементы ясно показывают, как рыцарский импульс связан с северным апологоническим мистериальным потоком (см. глава 2.2 и 2.6) так что мы не должны слишком удивляться тому, что встречаем среди рыцарей и алхимию. Именно алхимия была тем путём ученичества, на котором искали высшее бытие человека посредством углубления в процессы природы; алхимия есть метаморфоза этого северного макрокосмического пути. В "Химической свадьбе" Христиана Розенкрийца есть выражение: "рыцарь золотого камня"; оно обозначает высокий градус посвящения.

Этот мистериальный поток проявлявшийся в разных формах не мог ужиться с тем пониманием христианства, которое, начиная с четвёртого столетия, выступало в Риме. В римском католицизме односторонне продолжал действовать романский юридический элемент - то есть власть и организация. Бюрократией, чиновничеством, страшной картиной современного общественного порядка мы обязаны Риму. Через Римскую Церковь это влияние глубоко внедрилось в европейские страны. Можно наблюдать, как уже при Карле Великом сущность рыцарства бюрократизируется и распадается! Ведь чиновник и истинный рыцарь - нечто прямо противоположное.

Различные культурные импульсы пронизывают друг друга. Государство во Франции связывает рыцарство с Римом. Но тонкий наблюдатель обнаружит, что повсюду, где речь идёт об истинном рыцарстве, всегда имеются следы антиримских настроений. Это относится как к кельтскому потоку короля Артура, так и ко всему, что легенды относят к Карлу Великому и Фридриху Барбароссе; так же это относится и к южно-французской и северо-испанской рыцарской культуре одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого веков, к так называемой культуре трубадуров.

Различные рыцарские Ордена обнаруживают это антиримское умонастроение, хотя и по-разному окрашенное, но всё же несомненное; с исторической точки зрения интересно наблюдать, как вели себя Ордена по отношению к Риму, и как обходился с ними Рим.

В конце концов, поток рыцарства превратился в литературный ручеёк, который с неизбежностью вылился в "Дон-Кихота" Сервантеса - в анти-рыцарский эпос барокко.

Но хотя там сущность рыцарства подвергается насмешкам, этот исторический герой порой даже в своём безумии так великолепен, так по-человечески благороден, что к концу книги всё же получаешь впечатление, что именно Дон-Кихот - поистине настоящий человек, а все противостоящие ему нормальные люди бесцветны и унылы.

Другой культурный поток, живший в Ордене тамплиеров - поток монашеский. Он имел совершенно иной характер. Исследуя его подоснову мы обнаружим здесь не космического Солнечного героя, а отказавшегося от мира аскета. Соответствует ли этот образ изначальному христианству? Образ Иисуса Христа, как описывают Его нам Евангелия, ни в коем случае не представляет собой отказавшегося от мира аскета, удаляющегося в пустыню. Иисус живёт среди людей, и с людьми. Дух монашества по большей части коренится в жизненной позиции Востока, хотя даже Будда, как мы знаем, избегал строго аскезы.

Говоря о полярности рыцарства и монашества нельзя упустить из виду тот немаловажный факт, что первые христианские анахореты Павел и Антоний в третьем столетии были отшельниками в египетской пустыне. По отношению к северному рыцарскому импульсу монашество носило явно южный отпечаток. Отшельник искал на внутреннем пути мистическую связь с Божественным миром. Так называемые испытания святого Антония, известные нам благодаря изобразительному искусству, очевидно, являются мистическим опытом, где речь идёт об очищении и обучении души посредством всяческих испытаний, однако совсем иных, нежели у рыцарей. Рыцарь пускается в "авантюру", в приключения; в смелом противостоянии со злом в мире он должен преодолеть также и зло в самом себе. Отшельник, напротив, уходит из мира и погружается в глубины своего собственного внутреннего существа. Но монашество, помимо мистического образа мира развивало ещё и целый ряд инициатив, которые на протяжении тысячелетия становились важным фактором европейской культурной жизни. Они посвящали себя науке и искусству, спасали литературное и философское наследие Греции и Рима, как и творения Отцов Церкви; монахи делали это не только собирая древние рукописи, охраняя и изучая их. Они и заботливо и тщательно переписывали их. То, чему обучали в школах для конфирмантов (5) относительно древнего христианства, монашество, таким образом, передавало дальше.

Искусство, изобразительное и музыкальное практиковалось и развивалось монахами в течение столетий. Архитектура и скульптура, хотя и не создавались руками монахов, была всё же возложена на попечение монастырских аббатов.

Музыка, поэзия, миниатюрная живопись, удивительная книжная живопись монахов всё ещё доставляет наслаждение нашим душам и зрению; всё относящееся к культуре и не заимствованное у арабов, проистекает от монахов.

Точно такую же важную роль играли они в экономике, в экономической жизни. Они занимались сельским хозяйством и виноделием, всевозможными ремёслами. Позднее цистерцианцы корчевали лес, культивируя самые непроходимые места. Горное дело тоже оказывалось порой в руках монахов. Надо заметить при этом, что большую часть необходимого физического труда исполняли не монахи, а ослушники, члены Ордена, не являвшиеся духовными лицами.

Особой задачей монастырей было обеспечение паломников, которые шли по знаменитым паломническим тропам в Сант-Яго-де-Компостелло, Рим или Иерусалим. Ключническое аббатство прежде всего призывало христиан совершить паломничество в Сант-Яго.

Св. Бенедикт Нурсийский (480-547) основал в 529 г. по Р.Х. первый регулярный монашеский Орден в Европе. Он ввёл торжественные монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания и дал материнскому монастырю в Монте Казино набор монастырских правил, которые

применялись и впоследствии при основании монастырей. Несмотря на то, что система была крайне авторитарной, здесь всё же закладывалось зерно общественной жизни, не связанной с кровным родством. Только в конце средневековья смогли возникнуть братства, где люди без торжественной присяги, как свободные индивидуальности были связаны друг с другом в жизни сообщества. Это было Братство гернгутеров в Девонтене и, позднее, Братство розенкрейцеров.

Для развития христианства монашество имело огромное значение, несмотря на то, что даже здесь, точно также как и в случае рыцарства, первопричина носила антиклерикальный характер.

В церковной организации, иницируемой Римом, церковь принимала форму, которую истинно верующие христиане часто отвергали. Всецелая политическая и юридически-догматическая регламентация всего духовного вызвала потребность подняться над этим, отойти от этого, чтобы в чистоте и благочестии предаться религиозной жизни.

Так что уход от мира был, по существу, бегством от Римской Церкви. Тем не менее, обоюдное влияние клира и монашества сохранилось. Рим создавал исключительно земную церковь, он делал всё, чтобы держать Ордена в своих руках, ставя их на службу церковному властолюбию.

Полную независимость от Папы и клира мы находим только у западных монахов, особенно у тех, кто приходил на континент из Ирландии.

Кельтское или ирийское христианство, ещё питающееся из мистерий Гибернии, к началу шестого века перешло к формированию своего рода монастырских общин, но совсем иного характера, нежели бенедиктинские. Жители монастыря, например, не давали торжественной присяги. Поблизости от них, в маленьких хижинах жили члены их семейств, группируясь вокруг маленьких церквочек, как вокруг средоточия их сакральной жизни: они вели мирскую жизнь. Так, во всяком случае, было в больших поселениях. Образ жизни этих ирийских монахов был крайне аскетическим. Иногда кто-либо из них, особо отличившийся благочестием, учёностью и свойствами лидера, выходил из общины и основывал где-либо новый монастырь. Возникали монастырские школы, подобные древнегреческой академии, где греческая мудрость и христианская патристика полноценно соединялись с живыми традициями школ друидов и бардов.

В течение шестого столетия значительные ведущие индивидуальности с двенадцатью спутниками отправлялись на европейский континент. Самыми знаменитыми были св. Колумбан и Галлус. Они основывали различные монастыри в Швейцарии, Франции, Италии. Влияние этих кельтских миссионеров было особенно велико. Они селились в областях, где среди местного населения были ещё очень живы языческие традиции. Они к этому подходили совершенно иначе, чем миссионеры из Рима, которые, как известно, пытались огнём и мечом искоренить все языческие традиции, все их религиозные представления и обычаи. Кельтское христианство, напротив, не рушило языческие верования, но умело переводило их в формы прочувствованного христианства.

В этом смысле они стремились, подобно рыцарям Артура, облагородить ещё дикое население.

Не нуждается в доказательстве то, что Римско-католическая церковь не жалела усилий, чтобы мало помалу ассимилировать ирийские центры в Европе. Тем не менее, сохранилось немало таких мест, как, например, Рейхшау на Бодензее, где существует свободная спиритуальная атмосфера.

Дальнейшее развитие монашества в европейском христианстве в ещё большей степени, чем рыцарство, переживало волнообразные подъёмы и упадки. С основанием Ключийского монастыря в Бургундии начался необычный расцвет бенедиктинского импульса (909 г. по Р.Х.). Правила Ордена, которые в предшествующие годы исполнялись с послаблениями или вовсе игнорировались, были со всей строгостью вновь введены аббатом Берно. Следствием этого было полное изменение к лучшему всего существа монашества; его репутация и престиж, долгое время остававшиеся не на высоте, вновь укрепились. Высшие церковные власти были довольны этим прогрессивным развитием и признавали суверенность "монархии" монахов. Генри Фоциллон в своём образцовом сочинении о средневековой архитектуре, пишет (6):

Эта монархия, монархия монахов, основанная на духе. Аббат Ключи, аббат аббатов является её сувереном. Его моральный авторитет ценят и вне системы, чьей главой он является. Величайшими в ней были святые и вожди. Их монастырская община предоставила церкви нескольких Пап, многочисленных докторов; несколько великих фигур, таких как св. Одо или св. Гуго, объединявших и реформировавших всё человечество своего времени благодаря своим добродетелям".

Два с половиной столетия Ключи являлся точкой духовного воспламенения Европы, но затем его великолепие меркнет. Блестящий, исполненный любви к искусству дух Ключи уступает строгости и простоте Цито. Орден цистерцианцев, основанный в 1098 г. по Р.Х Роббером де Молемом принимает эстафету Ключи и отдаёт её в руки св. Бернарда Клервосского. Тем самым поток многовековой давности, приведённый в движение ещё самим св.Бенедиктом Нурсийским вливается в поток Грааля, который раскрывается в Ордене тамплиеров. Св.Бернард Клервосский даёт новому рыцарско-монашескому Ордену свой Устав и в "De laude novae militiae" пишет бессмертные слова:

"Новое рыцарство явилось в стране, где жил Христос. Оно ново и ещё не испытано в мире, в

котором оно ведёт борьбу на два фронта: против врагов во плоти и крови и против духов зла в небе. То, что рыцари, имея телесную силу, противостоят телесным врагам, меня не удивляет, и я не считаю это чем-то особенным. Но то, что они, вооружённые силою духа, ведут войну против чудовищ и демонов, я считаю не только удивительным, но и ценным, достойным всяческой похвалы, тем, что и подобает монахам".

5.2. ПОСВЯЩЕНИЕ

Здесь мы должны поставить вопрос, который на протяжении веков всё снова и снова задают относительно монахов-рыцарей: были ли у тамплиеров тайны, и если да, то в чём они состояли?

В необозримой литературе об Ордене тамплиеров ответ "да" на этот вопрос звучит столь же часто, как и "нет". Принадлежит ли кто к говорящим "да" и к говорящим "нет" - скорее дело вкуса. И всё же рассмотреть проблематику с этой стороны не так уж и трудно. Ответить на этот вопрос утвердительно можно на основании того факта, что те, кто хотел уничтожить Орден и уничтожил его, весьма изощрённым образом предъявляли счёт за существование этих эзотерических тайн у тамплиеров. Другое дело - какого рода были эти посвятительные тайны. Узнать что-либо достоверное о сущности посвящения можно было только от посвящённых, если бы они захотели что-либо раскрыть об этом. У таких тамплиеров были тайны, связанные с посвящением, но они никогда не выдавали их, даже под самыми страшными пытками. Но под пытками были сделаны "признания", которые дают некоторое представление об их посвящении.

Как и почему на процессе всплыло столь много противоречивых высказываний, некоторые из которых были получены без допроса в камере пыток, об этом более конкретно мы будем говорить после.

Не может быть, чтобы существовали записи тайных правил, ибо все инициативные познания и тайные ритуалы передавались в оккультных сообществах исключительно устно. Это имело место, как в древности, так и в христианские времена. То, что оказалось написанным о мистериях в более поздние времена Греции и Рима, носило по большей части эзотерический характер, то есть, действительно понять написанное могли только сами посвящённые.

Если же всё-таки приходилось прибегать к записям, то это делалось в виде знаков и символов; именно так надо рассматривать знаки, обнаруженные на стенах замков и тюрем, где находись тамплиеры. С другой стороны сомнительно, что в этом случае речь шла о настоящих оккультных знаках; ведь едва ли непосвящённые могли их понять. Самые остроумные объяснения скорее порождают вопросы, чем отвечают на них.

Так что нам не остаётся ничего иного, как обратиться к самой науке посвящения, и хотя в антропософской духовной науке явно мало информации об эзотерике тамплиеров, её всё же достаточно, чтобы составить себе удовлетворительное представление об этом посвящении. Известные исторические данные благодаря этой науке поддаются расшифровке, а некоторые до сих пор загадочные сведения, на счёт которых пока лишь теоретизируют, найдут приемлемое объяснение. Такое объяснение, возможно, покажется менее сенсационным, чем того кому-то хотелось, но оно будет выглядеть более основательным, чем достигнутое обычной наукой.

Тот образ тамплиера, который был приведён мною в начале этой книги, - идеализированный образ рыцарского союза из второй Драмы-Мистерии Р.Штейнера, привёл нас к выводу, что в Ордене тамплиеров действовал импульс посвящения, направленный на будущее, на христианскую культуру будущего. Мы видели, что в этом импульсе можно было распознать манихейский характер.

Далее я указывал на одну лекцию Рудольфа Штейнера (см. глава 3.2), в которой он называет рыцарей-тамплиеров "посланниками Св. Грааля" в достойном месте, там, где стоял Храм Соломона, они основали "центр мудрости" и после этого готовились к тому, чтобы стать слугами Св.Грааля, "принимать посвящение посредством Св.Грааля" (7). Мы видим, что это афористическое сообщение всё же проливает свет на первые таинственные десять лет существования Ордена (1118-1128 гг. по Р.Х.). В течение этого времени совсем маленькая группа северофранцузских рыцарей готовилась к выполнению всемирно исторической задачи - эта подготовкой послужили не раскопки на храмовой горе с целью археологических находок, а поиски пути к христианской культуре будущего.

Следующая фраза, резюмирующая упомянутую лекцию, является особенно важной в вопросе, что же означает "посвящение посредством Св. Грааля"? Прежде всего, оно означало то, что речь идёт о подготовке нового периода времени, пятой послеплатонической эпохи, то есть нашего времени. Как следовало понимать христианство в новое время?

"Тем самым мы понимаем сущность вероисповедания тамплиеров и их тайный культ. Они говорили: тот Христос, Которого представляет западная Церковь, для нас ничто. Мы возвещаем того Христа, Который обретался в Иерусалиме и получил посвящение от Иоанна Крестителя; поэтому наше учение о Христе не является церковным учением Отцов Церкви, но учением самого Иоанна, самого посвятителя".

Затем будет ещё назван второй принцип, определяющий место, занимаемое человеком во Вселенной, управляемой звёздно-космическими и природными законами. Эт два основных принципа тамплиеров - новое христианство и исследование природы, связаны с протестантизмом и естествознанием, из которых, как из питательной почвы, вырастает новое время. Записи заканчиваются коротким замечанием о розенкрейцерах, которые сберегли общий источник двух "тамплиерских принципов", тогда как наша современная культура превратила их в чисто мирскую науку и материалистическую религию.

Розенкрейцеры прилагали усилия к тому, что действительно должно было развиваться в пятой культурной эпохе; тем самым они подготавливают шестую культурную эпоху. Упомянув второй принцип для полноты, я хотел бы более подробно поговорить о нём в главе 6.2.

Посвящение тамплиеров, в соответствии с этими сообщениями, состояло из двух компонентов, имеющих общий исходный пункт: а именно, из обучения, которое, будучи вне какой-либо церковной традиции - черпалось прямо из источника эзотерического христианства, и из обучения спиритуальной звёздной и природной мудрости, как она возвещалась в древних мистериях.

Чтобы смочь понять это, надо отказаться от обычного значения слова "обучение". Мы получили бы ложное представление о таком посвящении, если бы понимали его как своего рода школьные занятия, хотя преподавание, несомненно, имело место.

В первую очередь требовалось добиться такой жизненной установки, которая состояла бы в полной самоотдаче Христу. Именно в этом смысле следует понимать выражение "посвящение посредством Св.Грааля". Понятно и то, что Иоанн Креститель назван инициатором, посвятителем. Слова Крестителя: "Ему надлежит расти, а мне - умяляться" (Иоанн 3, 30) весьма актуальны здесь.

Тамплиер должен был целиком и полностью наполнить Мистерией Голгофы своё сердце и свою душу. Он должен был быть готов отдать последнюю каплю крови для того, чтобы святые места, где странствовал на Земле Христос, снова были поставлены под власть европейского мира. Его кровь не принадлежала ему самому, она была полностью посвящена поставленной ему задаче. Он не должен был избегать борьбы, даже если он один противостоял трём врагам.

Рыцарь не должен был обладать частной собственностью: всё, чем он владел, принадлежало Ордену.

Глубокая пронизанность Христом, одухотворённость, осуществлялась в сердцах рыцарей-монахов. Это определяло также жизнь тех общественнополезных учреждений, которые создавали тамплиеры в Европе. Немалое число этих людей в этой отдаче себя христианскому идеалу, чувствовало в своих душах как бы новое рождение; благодаря этому переживанию они могли выходить из себя, проникать в духовный мир и испытывать глубокие посвячительные переживания. Весьма впечатляющее описание Рудольфа Штейнера на эту тему мы находим в цикле "Внутренние импульсы развития человечества - Гёте и кризис 19 столетия" (ПСС, т. 171). Там, прежде всего, Рудольф Штейнер описывает то, что я изложил в предшествующих строках. Далее он говорит, что благодаря названным обстоятельствам в Ордене тамплиеров происходило нечто "мощное и величественное"; там немалое число рыцарей приобщалось к христианско-иоанновому посвящению, хотя они и не знали и не применяли соответствующих правил.

Христианское посвящение основывалось на полной самоотдаче существу Христа, оно совершалось посредством семиступенчатой медитации, как описаны она в "Евангелии от Иоанна", начиная с омовения ног развиваясь далее по разным стадиям Страстей Господних, вплоть до Вознесения. Рудольф Штейнер повторно описал этот путь посвящения (ПСС, т. 9, т. 103 и др.) В процессе эзотерического обучения отдельный человек поднимается к высшим областям духовного познания.

Наряду с таким углублением в душу, которое ведёт к посвячительному опыту, должно было также существовать тайное учение и ритуал посвящения, о которых в лекциях "Внутренние импульсы развития" не сказано. Но об этом Рудольф Штейнер говорит в пятой лекции в рамках так называемой Эзотерической школы, в содержание которой также включались культовые формы (до начала Первой Мировой войны 1914 г. - прим. перев.) (8). Я полагаю, что различия в подходе к вопросу о тамплиерах объясняются тем, что на лекциях "Внутренние импульсы развития" (ПСС, т. 171), прочитанных в Дорнахе в 1916 г. слушатели были иные, нежели на лекциях 1904 и 1905гг. в Берлине (ПСС, т. 93). По всей лекционной деятельности Рудольфа Штейнера мы видим, что не только стиль, но и содержание очень сильно зависели от слушателей. Ясно, что люди, бывшие в Берлине или где-то ещё учениками Эзотерической школы, обладали душевными качествами, сильно склоняющимися к древним формам эзотерики, где культовые элементы играли важную роль.

В качестве важного источника информации я рассматриваю также лекцию Вальтера Иоганна Штейна, к которой я уже обращался в связи с Готфридом Бульонским и Гуго фон Туаром (см. глава 4.6 и 4.7) В этой лекции названы три градуса посвящения. Первый градус назывался "градусом Петра" (Petrusgrad) Он связан с Готфридом Бульонским, инспиратором Ордена, который в прошлой своей жизни, будучи братом Гуго фон Туара совершил паломничество, но не в

Иерусалим ко Гробу Господню, а ко гробу ап. Петра в Риме. Градус Петра, петровский градус, правомерным образом относится к отречению от креста - действию, которое позднее стало одним из тяжчайших пунктов обвинения против Ордена. Это в главах о процессе будет изложено точнее.

Вторым градусом являлся градус Иакова. Это связано с Иаковым Великим, апостолом Испании, патроном-покровителем Сант-Яго-де-Компостелла. Иаков играл большую роль в борьбе христиан против испанских мавров. Есть описания видений, в которых этот святой является на белом коне как рыцарь, размахивающий огненно-искрящимся копьём. Он скачет на битву впереди христианского войска. Даже в арабских источниках можно найти описания таких явлений.

Как сообщает В.И. Штейн, Орден Сант-Яго воздвиг на могиле Иакова маленькую круглую часовню, в которой рыцари могли собираться перед тем, как они - в начале нового времени - отправлялись в свои великие морские путешествия первооткрывателей (9). Деньги, которыми оплачивались такие путешествия, были золотом тамплиеров. Но всё это могло происходить уже после того, как 54 тамплиера и их Великий Магистр Якоб де Моле погибли в огне костров. Затем таинственно сообщается о том, что совершал этот второй градус, чтобы, несмотря на катастрофу, золото тамплиеров всё же нашло себе достойное применение.

Третьим градусом является градус Иоанна. Но только в нынешнее время он может воздействовать в практической жизни. Он связан с мировой экономикой, которая должна стоять под знаком истинной христианской любви, но по сей день движется в противоположном направлении.

В этих трёх градусах посвящения находят своё выражение три великие ступени человеческого сознания. Паломничество ко гробу Петра было актом веры, оно легло в основу христианства как исторического течения. При этом надо было пройти и ступень отречения. Иаков, Святой Яго, напротив, будил надежду. Под его знаком стоят великие географические открытия, и не случайно "Мыс Бурь" был переименован в "Мыс Доброй Надежды", когда корабли обогнули его, открывая морской путь в Индию.

Градус Иоанна является выражением того, что должно реализоваться как истинная христианская любовь. На этом пути расположен третий мыс, "Мыс катастроф", который грозит, если нам не удастся достичь этой христианской любви: ибо она есть то таинственное, что помогает нам обогнуть этот "Мыс Катастроф".

В этой связи Рудольф Штейнер в упомянутой мною лекции о Храме Соломона (ПСС, т. 93) сообщает следующее.

Он говорит о двух частях литургии. Одна часть была малой литургией, малой массой, которая была доступна всем; когда же начиналась вторая часть, великая литургия, великая месса, большинством людей удалялось. Эта месса предназначалась только для тех тамплиеров, которые хотели идти путём оккультного обучения, путём ученичества. Эта "Великая месса" состояла в том, что жертва Христова напрямую связывалась с космическим развитием мира, с тем, как оно выявляется в отношении движения Солнца к Зодиаку, неподвижным звёздам, как это отражается на развитии человеческого сознания в течение различных культурных периодов.

Когда начнётся шестая культурная эпоха (3573-5733 по Р.Х.), Солнце будет стоять в знаке Водолея (10). Это знак Иоанна, который крестил водой, чтобы подготовить людей ко Христову огненному крещению. В эпоху Водолея посев христианства подобно горчичному зерну взрастёт и принесёт нечаянные плоды.

В глубинах мистерий тамплиеров учили тому, что придёт "Иоанн-Водолей", "Иоанн-Аквариус", который претворит истину древнего Иоанна и предвозвестит Христа; то он обновит Храм, когда настанет тот великий момент, когда Христос вновь будет говорить человечеству. Чтобы понять то время, когда оно наступит, и учили тамплиеров. (Рудольф Штейнер, ПСС, т. 93)

Мы видим, что подготовка к будущему простиралась не только на ближайший, в данном случае на наш культурный период, о чём сообщается в другой лекции (ПСС, т. 93) но и к позднему периоду. Следующий абзац ещё яснее указывает на роль Иоанна Крестителя как инициатора эзотерики тамплиеров:

"Далее тамплиеры говорили: в настоящее время люди ещё не созрели для того, чтобы понять великие учения; мы должны ещё подготовить их для Иоанна Крестителя, который крестит водой. - Перед тем, кто хотел стать тамплиером, ставился крест и ему говорилось; ты должен теперь отречься от этого креста, чтобы затем понять его, сначала стать Петром, сначала как Пётр, камень, который отрётся от Господа, ты должен отречься от учения. Это преподносилось будущему тамплиеру в качестве подготовительной школы. (ПСС, т. 93)

О значении креста и о символическом образе Божественного Отца, который открывали тамплиерам, мы ещё будем говорить (см. глава 5.7) Но сначала надо привести ещё одно важное указание из ой лекции, откуда взяты два последних отрывка, ибо оно представляет исторические данные в совсем новом свете. Известно, что для учения тамплиеров характерно почитание Богоматери. Уже у св. Бернарда Клервосского, покровителя Ордена, мы находим это центральное положение Богоматери, причём своё почитание Богоматери он перенёс и в Орден. Половина из многих молитв, ежедневно читаемых у тамплиеров, были обращены к Богоматери, к Марии. Их

надо было говорить стоя. Нечто очень глубокое скрывается за этим почитанием Марии. Устав Ордена гласит: "Поскольку наша любимая Дама была началом нашего Ордена (религии), то в Ней и в Её честь, как хочет Господь, состоит и конец нашего Ордена, если будет это угодно Господу. Рудольф Штейнер говорит в упомянутом выступлении о тамплиерах:

"Если Вы исследуете учение тамплиеров, то в его центре Вы найдёте почитание Женственности. Это женственное называли Божественной Софией, Божественной Премудростью".

Даже за чисто внешним, санкционированным Церковью почитанием Марии в средневековье ещё брезжило воспоминание о космическом прообразе человеческой души, о Небесной Звёздной Деве, Премудрости. Которая в древности почиталась под разными именами как Изиды и Деметры, и Которая обрела человеческий облик в Марии, Матери Иисуса. Стремление к Софии в иоанновом эзотерическом христианстве было живо и реально. Вся эзотерика должна была исходить от этого Существа, ибо посвящённые должны были, прежде всего, сделать свою душу Девой Софией. Это очищенное астральное существо человека должно быть оплодотворено Самим Духом, Святым Духом. Младенец, рождённый Девой есть Логос, есть "Христос в нас". Существо Софии - это Водительница, Путеводная Звезда на троне познания высших тайн. Данте описывает это Существо как свою Беатриче, и поэтому он сам относится к тому же самому потоку, что и тамплиеры, к потоку христианства Грааля, эзотерического христианства.

Небесное познание, которое Божественная Дева дарит посвящённым, гнозис, был в средние века наследием давно минувших времён. Даже в том случае, если ученик мистерий усваивал собственный, новый опыт о духовных мирах, он, будучи в обычном сознании мог облечь этот опыт лишь в древние представления. Но должна была родиться настоящая новая эзотерика нового времени.

Однако вследствие того, что содержание мистериального обучения зачастую происходило ещё из третьего послеплатонического периода, из египетско-халдейско-вавилонской эпохи, как, например, вся звёздная мудрость, астрология, - вследствие этого оказалась возможным, что определённые духовные существа, которых называют люциферическими, и которые гнездятся во всём, что поднимается из прошлого, эти существа вмешались в эзотерическое течение. Этим объясняется то, что в тамплиерском потоке, в том, что было поволено тамплиерами, могло играть роль люциферическое начало. Во всяком случае, то бросающееся в глаза у некоторых тамплиеров высокомерие, надменность, которая несправедливо была вменена всему Ордену, объяснялась этим люциферическим элементом.

Было неверно считать, что ислам оказал особое влияние на тайны тамплиеров. Не сам магометанский ислам, который в эзотерическом смысле скуден и неплодотворен, но более ранние оккультные течения из областей, где господствовал ислам, оказали влияние на Орден. Обо всём этом не следует оставлять себе ложного представления. К настоящим посвящениям приобщались те мастера, кто созрел для этого. Эти мастера пребывали порой на земле как невидимые, неизвестные фигуры, могли посещать своих учеников и обучать их, во всяком случае, они могли открываться им из духовной сферы. Мы уже сообщали, как умершие герои инспирировали истинных рыцарей Грааля (см. глава 4.2). Я считаю, что и в случае тамплиеров именно так и происходило.

Манихейский элемент, несомненно, присутствовал в Ордене тамплиеров; нас не должно удивлять, что манихейство в 1100 г. по Р.Х. было широко распространено на Западе. Кроме того, оно принадлежало эзотерическому потоку Грааля; как уже говорилось в главе 2.6, этот поток был прямым следствием Собора Манеса в четвёртом веке.

5.3. МИСТЕРИЯ ЗОЛОТА

Несмотря на то, что мы, благодаря духовной науке Рудольфа Штейнера и исследованиям Вальтера Иоганна Штейна проникли к пониманию посвящения тамплиеров глубже, даже смогли составить себе более правдоподобное представление об этом, нежели было раньше, некоторые проблемы остаются открытыми. Одним из таких вопросов остаётся разделение на градусы.

Конечно, эти градусы надо рассматривать не как нечто внешнее, не как "табель о рангах" среди рыцарства. В гораздо большей степени речь здесь идёт о градациях внутренней зрелости. Если было сказано, что градусы Иакова и Иоанна могут быть достигнуты человечеством только в будущем, (градус Иакова тоже предполагался для будущего, ведь надо помнить, что Орден существовал всего лишь приблизительно с 1100 г. по 1310 г. по Р.Х.), то это не означает, что не было отдельных индивидуумов, которые стояли на этом уровне развития.

Сама история Ордена проделала развитие, соответствующее трём ступеням, градусам: первый градус, ступень Петра могла означать для Ордена, что он в целом должен найти своё отношение к Риму и к Римско-католической Церкви, как носительнице веры. Для отдельного рыцаря этот градус означал отречение от креста. В остальном, сам Папа был тем, кто предоставлял рыцарю белую орденскую одежду, (накидку) с красным крестом.

Градус Иакова знаменовал сильное стремление рыцарей к действию, их готовность к борьбе, а

также их отношение к сильным мира сего, к князьям и королям Иерусалима. Когда они оставили святую страну, они должны были воодушевляться большими надеждами, чем до сих пор, и стремиться вернуть потерянное.

Третий градус выявлялся в том, каким образом развивали рыцари социальную жизнь в Европе. В этой области они далеко превосходили то развитие, которое в новое время привело к мировой экономике. Так, например, они использовали весьма прогрессивный метод обращения с деньгами.

Прежде чем углубиться в эту деятельность Ордена, мне хотелось бы ещё раз указать на "Божественную Комедию" Данте. В ней Данте описывает стадии посвящения по трём градусам (11) Они называются "Вера", "Надежда", "Любовь". В песнях 24, 25, 26, "Рая" поэт, прежде чем он может прийти к высшему опыту в духовных мирах, сдаёт своего рода "экзамен", Апостол Пётр спрашивает его о Вере, апостол Иаков - о Надежде, а перед Иоанном Данте, будучи ослеплён духовным солнечным блеском "Христово Орла", свидетельствует о своем глубоком прозрении в сущность Любви.

Наверняка, великий флорентиец своими тремя исповеданиями хотел не только показать, что ему знакомы добродетели ап. Павла - вера, любовь, надежда; его самого в этом небесном испытании можно рассматривать как носителя этих трёх добродетелей. Трудно решить, не намекает ли он здесь на посвящение тамплиеров? Во всяком случае, Данте был теснейшим образом связан с сущностью рыцарства Храма. Далее об этом в главе 5.6

Если мы рассмотрим деятельность тамплиеров в целом, мы столкнёмся с противоположностью их военно-политической и социальной активности. Они были образцовыми бойцами и часто с легендарным мужеством и презрением к смерти противостояли многократно более сильному врагу. Благодаря основательному знакомству с восточным менталитетом, они, наряду с боеспособностью, обнаруживали хорошие дипломатические способности; тем не менее, им не удалось предотвратить победу ислама в святой стране и сохранить то маленькое христианское государство, которое там возникло. Почему это произошло?

Углубляясь в запутанную историю двенадцатого и тринадцатого столетий и проследив судьбу маленького франкского государства в Палестине и судьбы тамплиеров с 1118 по 1187 гг. по Р.Х., захват Иерусалима Саладином и дальнейший ход событий до 1291 г. по Р.Х., когда после падения Сент-жан-де-Акр (Акры) святая страна была потеряна, мы видим длинный ряд следующих друг за другом побед и поражений, мужество героев и недомыслие, зависть, интриги. При этом становится ясно лишь одно; тамплиеры оказались бессильны перед разрозненностью христианских князей, их нетерпимостью и эгоизмом. Даже столь великие предводители как Ричард Львиное Сердце, святой Людовик, Император Фридрих Барбаросса и Император Фридрих II Гогенштауфен, которые были в хороших или плохих отношениях с Орденом, несмотря на их великие намерения, из-за собственных, личных проблем не смогли оказать реальной поддержки христианскому воинству, в святой стране. Снова всплывает вопрос; а не были ли ошибкой все стремления к отвоеванию Гроба Господня, которые Готфрид Бульонский инициировал впервые? Не связана ли с этим вся современная проблематика в этой области?

Но, несмотря на неудачу в охране Иерусалима, социально-политическую деятельность Ордена в Европе надо считать успешной.

Сразу же после Собора в Труа в 1128 г. по Р.Х., когда Орден был официально утверждён и получил Устав от Св. Бернарда Клервосского, в Орден устремились рыцари, а также лица неблагородного происхождения, которые занимали подчинённое служебное положение "сервитесов". Кроме того, к Ордену примыкали люди, не принятые в Орден, но стоящие под его защитой, такие как ремесленники, крестьяне или крепостные.

Земельная собственность, завоёванная Орденом, или полученная в дар, увеличилась за короткий срок до внушительных размеров. По всей Европе расцвела мощная сеть социально-экономических предприятий. Она охватывала девять провинций, Францию, Португалию, Кастилию и Леон, Арагон, Мальорку, Германию, Италию, Апулию и Сицилию, Англию и Ирландию. Центрами движения были "командорства", орденские Дома, которых к началу 14 века было в Европе десять тысяч. Принадлежащие им административные единицы крестьянские дворы были вооружены или расположены в непосредственной близости от укреплённых замков.

Сельское хозяйство и ремёсла, хранение и распределение продуктов, управление - всё регулировалось практично и, вместе с тем, справедливо. Без вмешательства корыстолюбивых князей и прелатов, надёжно и в довольстве процветали предприятия Ордена тамплиеров, ибо они были независимы как от светской, так и от церковной власти. Без налогового бремени, свободный от церковной "десятины" Орден не подчинялся судебной власти церкви и князей. Со своими священниками, отвечающими лишь перед юрисдикцией Великого Магистра - Гроссмейстера, Орден тамплиеров представлял собой церковь в Церкви, так же как был интернациональным государством вне всяких национальных государств.

Общеизвестно, что тамплиеры развивали интернациональное банковское дело с системой обмена. Они давали деньги займы князьям под залог и при этом конкурировали с итальянскими банкирами, которые не пользовались той репутацией и доверием, которое имели тамплиеры.

Орден был богат неизмеримо, однако каждый отдельный монах-рыцарь, каждый отдельный член Ордена был беден. Если после его смерти при нём находили деньги, его наказывали посмертно; то есть его хоронили без погребальных почестей и молитв в неосвящённой земле, хоронили как раба. Даже для Великих Магистров в этом случае не делали исключений.

С тех пор, как Луис Шарпентер в своих заметках сообщил, что Орден тамплиеров своими деньгами финансировал строительство готических Соборов во Франции, это сообщение повторялось и переписывалось. Учитывая, что Шарпентер выдвинул ряд тезисов сомнительного характера, к его идее о финансировании следует подходить с осторожностью; оно звучит по-французски шовинистически. Почему Орден должен был финансировать лишь французскую готику, в то время как его деятельность носила интернациональный характер? Кроме того, достаточно точно известно, каким образом осуществлялось финансирование таких зданий, поскольку на этот счёт имеются административные документы и описания (12). В них никогда не указываются источники поступлений, которые могли бы иметь отношение к Ордену. А если это всё же имело место, почему это должно было храниться в тайне?

Строительство готических кафедральных Соборов восходит к городам и особенно к могущественному капитулу соборных властей (Kapitel der Domherren). Невероятно, чтобы Орден тамплиеров имел отношение к этим, хотя и частично секулярным, но всё же явно клерикальным группировкам. Можно допустить, что рыцари Ордена были связаны со строительными ложами, которые точно так же как и они были носителями эзотерических познаний и традиций.

Во всяком случае, наверняка известно, что в 12 и 13 веках тамплиеры достигли высокого уровня общего благосостояния, в конце концов не потому, что они заботились о надёжных путях для торговли и паломников и принимали разумные меры по накоплению зерна, чтобы предотвратить голод, наступивший после неурожая.

Мне не хотелось бы разбирать здесь другой тезис Шерпентера о заокеанских связях с Америкой, откуда тамплиеры, якобы, должны были получать серебро, которое они пускали в оборот в Европе (этот тезис остроумно, но малоубедительно приводит также Жак де Майо)(13). Кажется, что подобное утверждение позволило бы решить некоторые загадки, например, исчезновение архивов Ордена. Эти последние должны были быть доставлены на повозках в Ла-Рошель вечером перед арестом тамплиеров, а оттуда, на судах, якобы перевезены в Америку. Так могла бы быть разрешена загадка атлантического золота и другие странные загадки. Однако, для той картины, которую можно составить себе об Ордене на основе обычных исторических и оккультно-исторических данных, эта гипотеза об Америке представляется слишком романтической, чтобы удовлетворить здравый смысл. По сей день документальных материалов недостаточно, чтобы считать эту гипотезу фактом, как это делают некоторые авторы. Но, конечно, следует допустить возможность, что нечто подобное подтвердится.

Большой интерес представляет собой обхождение с деньгами и особенно с золотом, которое было в собственности тамплиеров. Этому посвящено дальнейшее рассмотрение мистерии золота как такового, а также и рассмотрение Америки, где золото до времени Колумба ещё носило сакральный характер. Времена, когда это ещё имело место, подошли к концу, когда испанцы захватили страну золота, хотя этот импульс тоже имел прямое отношение к тамплиерам (см. глава 4.7).

Я убеждён в том, что золото для тамплиеров означало нечто подобное их собственной крови. Для посвящения тамплиера его кровь посвящалась Христу, она не принадлежала самому тамплиеру. Кровь является физическим выражением, физическим инструментом "я". Красная кровь в некотором отношении связана с низшей природой "я" человека. Преодоление эгоизма "я" находит своё наиболее полное выражение в словах Ап. Павла "Не я, но Христос во мне" Девиз Ордена выражает то же самое, хотя и в иных словах: "Non nobis, Domine, non nobis, sed tuo nomini da Gloriam (Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему дай всю Славу). Это означает; в нас действует не наше, отягчённое грехом "я", но Твоё Имя, "Я" есмь, Христово "Я".

Благодаря своему посвящению тамплиер знал, что Христос является Солнечным Богом, "Логосом", как называет Его Иоанн. Связь Солнца и золота была алхимической тайной. Было известно о том, что струящаяся по жилам человека кровь соответствует тому, что находится в золотых жилах и в реках, где золото действительно течёт. Поэтому эгоизм человека может с исключительной силой проявиться в обладании золотом. Когда золото выходит на свет, оно должно быть посвящено богам, как это было у индейцев Центральной и Южной Америки, где оно, посредством искусной обработки превращалось в прекрасные предметы, украшения. В ином случае оно из-за скарденности людей утрачивает свой священный характер. Тогда на золото навлекается проклятье. Единственно, что может спасти человека от проклятия на золото - это христианизация собственного существа. Если "Я"-есмь живёт в человеческом "я", золото свободно от проклятия и может циркулировать в общественной жизни. Таков градус Иоанна в тамплиерском посвящении.

В эволюции человечества золото стало использоваться в торговле относительно поздно. Это произошло только в Греко-латинскую эпоху. Прежде золото имело чисто сакральное значение.

Священники, жрецы предназначал его для религиозных целей. Когда цари украшали себя этим металлом или приказывали чеканить своё лицо на монетах, это происходило потому, что цари тогда были в то же самое время и высшими священниками своего народа. В атлантическую эпоху, то есть в более отдалённом прошлом действовали мистерии, благодаря которым адепты имели дело с тайнами подземных сил, формообразующими силами металлов и драгоценных камней (Рудольф Штейнер ПСС, т. 292) Эти мистерии продолжались в послеатлантическую эпоху, они продолжали действовать в Северной Европе и Америке.

С обретением самосознания наступало связанное с ним пробуждение рационалистического и материалистического образа мыслей, которое медленно развивалось ещё в течение Греко-латинского культурного периода; в связи с этим отношение к золоту менялось. Монеты стали "деньгами", и обладание такими золотыми монетами означало власть.

Когда юные германские народы в 400 г. по Р.Х напали на Римскую Империю, их стремления и усилия были направлены на золото. Они на опыте узнали его цену, когда служили в римских легионах за плату, и когда золотые трофеи становились их наградой после грабежей. Раньше у германцев не было в обычае платить золотом. Они жили, обмениваясь товарами, жили бартером. Но из их легенд, их мифологии мы можем видеть, что они предчувствовали мистерии золота. Они чувствовали, что мощное вожделение влекло их к золоту: это было связано с их элементарным, природным сильным чувством "я". Но столь же хорошо знали они и об опасностях, связанных с золотом, о проклятии золота.

Миф повествует, что Локки, германский бог, иначе называемый Люцифером, то есть чёрт, всё своё золото обманом отобрал у гнома Андвари, также и некое кольцо, оставить которое умолял гном. Из-за этого Андвари проклял золото так, что оно должно было с тех пор приносить несчастье тому, кто им владеет. Из легенды о Нибелунгах мы знаем, что проклятое золото не только подготовило гибель героя Зигфрида; легенда повествует о гибели всех Нибелунгов, которые умерли страшной смертью. Почти единственным, кому удалось в конце эпоса избежать общей кровавой бани, был Дитрих фон Берн. Он является легендарным прообразом исторического короля готв Теодориха.

Почему же Дитрих фон Берн не погиб и дикой сумятице, наступившей, когда настали Сумерки Богов? Почему он предстаёт тогда как человеческий представитель германского бога Видара? Да потому, что он не вожделел золота! Героический образ Дитриха фон Берна можно найти и в других циклах легенд, например, в легенде о Лаурине, короле гномов. Об этом короле гномов известно, что он был обладателем всего золота и всех драгоценных камней мира, вследствие чего он обладал властью заключать человеческую душу, - проникшую в его область к золоту по жадности, - заключать в глубины своей подземной шахты. Дитрих совершенно свободен от жажды внешнего богатства, мог освобождать человеческую душу из глубин.

Такой мотив легенды имел пророческое значение. "Беда Нибелунгов" - пророчество о борьбе между Западом и Востоком: Кримхильда после убийства её супруга Зигфрида из мести заключила союз с царём гуннов Атиллой (Атли). Лишь христианская душа, которую в древней легенда предствляет Сонечный герой Дитрих фон Берн, могла пережить эту страшную битву.

Тамплиеры старались возвыситься над проклятием золота благодаря христианизации их душ. Они пытались сделать это в то время, когда борьба между Востоком и Западом снова достигал своего апогея, когда мощь турок непрестанно нажимала на Европу, когда монгольские орды Чингиз-хана вторглись в глубины западного мира.

К тому времени тамплиеры построили наднациональную христианскую империю, которая была основана на лишённой корысти власти золота. Она не имела общего с Римской империей, основанной на эгоистической власти золота. Золото тамплиеров принадлежало Христу, как и их кровь принадлежала Христу. На основе неэгоистической политики по отношению к золоту должна была возникнуть основа для иоаннова государства христианского братства - какой величественный идеал для будущего!

Понятно, что столь спиритуальный, столь христианский идеал был неслыханным вызовом властям тьмы. И так как этот идеал лелеялся и взращивался в то время, которое ещё не созрело для него, противодействующие силы смогли найти точку приложения для атаки и не только уничтожить носителей этого идеала, но и создать в европейской культуре противное течение. В этом противодействующем течении, эгоизм, корысть и властолюбие многократно усилились с тех пор, так что современный человек без руля и без ветрил безрассудно движется к "мысу катастрофы". С той поры, когда царь гуннов Атилла с его дикой конницей из азиатских степей отбросил германские племена к Западу, сея опустошение, смерть и разрушения на большей части Европы, где он только не появлялся, с той поры столкновение между Востоком и Западом происходит в третий раз. Крайне важно, чтобы мы учились понимать, что же действительно разыгрывается в людях, чтобы мы сумели воспринять великие взаимосвязи, глубинные импульсы и потоки в ходе истории, воспринять яснее, чем это случается обычно.

Христианский импульс Ордена тамплиеров в его внешнем проявлении был уничтожен французским королём Филиппом IV Красивым. Его можно назвать посвящённым антихристианских

сил. Его патологическая жадность, жажда золота, известны. Во всём, что в начале 14 столетия разыгралось в процессе против тамплиеров, манифестировало себя то вышеназванное противодействующее течение, которое становилось всё сильнее. Не следовало бы считать это противодействующее течение слишком внешним, объективным; оно проявляется и как неудержимо нарастающее изменение менталитета; оно создаёт в человечестве раковую опухоль жадности.

После ликвидации Ордена тамплиеров, осуществлённой Папой Климентом V, европейские прелаты и князья как гиены набросились на собственность Ордена. Орден Иоаннитов, выступивший как официальный наследник, унаследовал в дальнейшем не все богатства Ордена. Лишь малая часть золота тамплиеров стала добычей корыстолюбия. В Португалии возник Орден Христа (1319 г. по Р.Х.) как продолжение Ордена тамплиеров; золото, находившееся там, было использовано для открытия морского пути в Индию. Генрих Мореплаватель, Великий Магистр Ордена Христа дал важнейший импульс этим путешествиям, которые, в известном смысле, тоже могут рассматриваться как борьба против ислама, поскольку открытие морского пути в Индию подорвало торговую монополию арабов. В португальских путешествиях ради географических открытий вплоть до 16 века ещё жило нечто от первоначального импульса Храма и Грааля.

Открытие Америки Колумбом в 1492 г. по Р.Х. хотя и косвенно, тоже связано с этим движением. (Сам Колумб умер, будучи твёрдо убеждён, что он открыл морской путь в Индию через Западное полушарие). При завоевании Америки, предпринятом из Испании, уже не осталось и следа от христианского идеала тамплиеров. Жадность непростительным образом захватила эти души. Золотые сокровища индейцев, которые не были первоначально связаны со злом, ибо индейцы не знали золотого дурмана, были жадно расхищены самым ужасным образом. С тех пор след опустошительного проклятия, тяготевшего над золотом потянулся через всю историю человечества. Течение Грааля как эзотерическое христианство, после того, как принадлежавший к нему Орден тамплиеров был уничтожен, нашло себе другое очень скрытое продолжение. Но мы ещё не рассмотрели подробно гибель Ордена и сигнатуру противодействующих сил, обозначившихся при этом.

5.4. ПРОЦЕСС

13 октября 1307 г. по Р.Х. ещё до рассвета по приказу короля Филиппа IV все тамплиеры во Франции были арестованы. Гильом де Ногаре, канцлер, сопровождаемый другими мрачными прислужниками Филиппа, потребовал впустить его с сильным эскортом солдат в Тампл; он арестовал Великого Магистра Ордена Якоба де Моле, который там находился, вместе со ста тридцатью другими тамплиерами. Без малейшего сопротивления рыцари и сервиенты позволили их вывезти. Чиновники короля подвергли их допросам и пыткам по обвинениям в еретичестве и содомии, - под этим имели в виду гомосексуализм - и лишь спустя десять дней они давали ответ перед инквизицией. Этот удар по Ордену тамплиеров, совершённый с нарушениями права и закона был тщательно подготовлен и сохранялся в строгой тайне до самого дня исполнения.

Для нас, современников разных диктаторов и террористов, порождённых государственным произволом, как с левой, так и в правой стороны, для нас, свидетелей исчезновения политзаключённых, пыток, злодеяний и убийств - эти методы хорошо известны. Мы снова узнаём их следы в махинациях французского короля, в том способе, каким он уничтожил Орден тамплиеров.

Если бы кто-то заснул вечером того дня, то проснулся бы он наутро, словно оказавшись в 20 веке. Бесчеловечные принципы действовали того точно так же, как и в 20 веке.

Со страхом и удивлением задают вопрос, как стало возможно, что один человек сумел привести к падению сверхмощную организацию -рыцарский Орден, один из наиболее почитаемых и престижных? Разве Орден не обладал особыми привилегиями, освобождающими от какого-либо вмешательства со стороны светских или духовных властей? Разве не находился он в юрисдикции одного только Папы Римского? И, тем не менее, королю удалось уничтожить Орден и, кроме того, так сильно опорочить его, что вплоть до сегодняшнего дня есть люди, которые верят в вину тамплиеров. Послушаем отрывок из книги "Тамплиеры в Америке" Жана де Махью:

"Были ли тамплиеры безнравственны? Можно поверить в это, ибо монашеский устав, без сомнения, слишком строг для бойцов, которые находились под сильным влиянием образа жизни на Востоке; разве не говорится до сих пор: "ругается, как тамплиер"? Занимались ли братья гомосексуализмом и должны ли были они при приёме в Орден целовать рот, нос, задний проход и половые органы Мастера, который проводил торжественный приём? Это не исключено у этих монахов-рыцарей, которым был запрещён любой контакт с женщинами; также подозрительно присутствие юных мальчиков в Домах Ордена. Также и в этом отношении они могли заразиться привычками мусульманского мира...Предавались ли они колдовству и приносили ли в жертву детей на своих тайных церемониях? Поверить в это труднее, но и это не исключено. Алхимия была в моде в средневековье, а от алхимии недалеко и до колдовства. Ведь непопулярные

религии практиковали порой детоубийство. В этом отношении братья вызывают мало доверия, если верить поговорке "custodiatis vobis ab osculo Tempariorum" - "берегись поцелуя тамплиера". Эти рыцари, во всяком случае, не имели выбора при приёме в Орден, причём их Устав позволял принимать деклассированных рыцарей (оскорбителей святынь, клятвоступников, воров и убийц), которых капеллан Ордена мог причащать"

Из таких двусмысленных речей мы многое узнаём о методах, посредством которых с кажущейся научностью обсуждается дело тамплиеров. Заранее предполагают, что обвинения основывались на истине, и что фактически, или с высокой степенью вероятности некоторые порочные действия и обычаи имели место в Ордене - во всяком случае, имелись признательные показания, и, как уже говорилось, также и такие, которые не были получены в результате пыток.

Совершенно несомненно, что тамплиерская афера осуществлялась не только самим королём Филиппом IV и его подручными, но и потом намеренно запутывалась позднее живущими врагами Ордена. Исчезновения важнейших актов процесса не следовало бы приписывать случайности. Именно потому, что в случае Ордена тамплиеров мы имеем дело с движением, основанном, в сущности, на тайнах посвящения, могут иметь место вольные или невольные мистификации.

По-видимому враги Ордена и тогда, и, возможно, поныне, были направляемы оккультной силой, которая оказалась в состоянии так запятнать христианскую эзотерику Ордена, что во многих отношениях обстоятельства оказываются против него.

Совершенно очевидно, что среди братьев Ордена находились некоторые "слабые" члены. В каждом спиритуальном движении есть ренегаты и отщепенцы. Но то, кто основывает своё суждение об Ордене на таких исключительных фигурах, не только проявляется ием самым несправедливостью по отношению к Ордену, но и становится фальсификатором истории, если выдаёт нечто такое в качестве научно-исторической истины.

Король Франции Филипп IV, который носил прозвище Красивый, поначалу был благосклонен к тамплиерам. Он открыто благоприятствовал Ордену, воздавал почести за его превосходные качества. Но тамплиеры были нужны ему, поскольку он испытывал постоянные финансовые трудности, и поскольку он верил, что они станут поддерживать его в его борьбе против Папы Бонифация VIII, чьи амбиции были ему не по нраву.

Без сомнения, рыцари скептически относились к "дружбе" короля. Когда Филипп IV попытался вступить в Орден в качестве почётного члена, ему отказали. Этот отказ был, конечно, крайне оскорбителен для тщеславного и высокомерного владыки, но он не придал этому делу значения; ведь он даже заключил с Орденем финансовый союз, к чему его вынудило плачевное финансовое состояние, в которое он привёл свою страну.*

Так, начиная с 1303 г. денежные доходы королевства были доверены опеке тамплиеров, и в течение четырёх лет Орден, совместно с королевскими чиновниками управлял финансами Франции.

Но как только Филиппу IV удалось добиться избрания на папский престол одного из угодных ему духовных лиц Франции, который избрал Францию своей резиденцией (Авиньон) и не имел намерений садиться на папский престол в Риме, Филипп смог исполнить свой давно вынашиваемый план и направить против тамплиеров уничтожающий удар. Бертран де Го, архиепископ Бордосский, который в 1305 г. стал Римским Папой под именем Климента V, до самой своей смерти оставался вольным или слабо противящимся орудием в руках Филиппа IV. Климент V придал легитимность плану уничтожения Ордена. Фактически, король сумел завести Папу так далеко, что тот в 1312 г. по Р.Х. на Соборе в Виенне запретил Орден.

Вскоре после введения в должность нового Папы, Филипп имел с ним личный разговор, в ходе которого он обвинил Орден тамплиеров в ереси на основе сведений, полученных им, а также королём Португалии; речь шла о порочной практике, которая имела место внутри Ордена. Король Португалии игнорировал эти сведения, так как знал, что доносители были людьми, не заслуживающими доверия, но Филипп IV приказал проверить сведения. Он велел арестовать и допросить одного тамплиера, который был исключён из Ордена из-за плохого поведения.

Папа вначале не поверил жалобе, но обещал начать дело. Великий Магистр Якоб де Моле был вызван во Францию из главной резиденции Ордена на острове Кипр (1306г), но не для того, чтобы выслушать обвинения, а чтобы взвесить возможности: нельзя ли было бы объединить в единое целое Орден тамплиеров и Орден Иоаннитов? Последнее было выдумкой Филиппа IV, и отлично подходило для его тщеславных планов.*

Из письма известного Пьера Дюбуа, преданного слуги короля, чьё гладкое адвокатское перо по доброй воле писало слова, продиктованные его господином, - из этого письма мы знаем, к чему стремился Филипп IV. Он хотел соединить Орден тамплиеров и Орден Иоаннитов вместе, встать во главе этой объединенной духовно-светской силы, а французский трон уступить своему шестнадцатилетнему сыну, чтобы самому стать Иерусалимским королём. Невообразимо огромные богатства обоих Орденов могли бы достаться ему, и он мог бы довольствоваться большей частью доходов всех прелатств, епископств и духовных Орденов. Это была бы его сверхнациональная монархия, в которой все денежные средства христианского Запада были бы сосредоточены в

одних руках. Многозначительно и то, что столицей этого государства должен был стать Иерусалим. Мы ясно видим, что идеал Филиппа IV был перевёрнутым идеалом тамплиеров; не нуждается в комментариях и то, что способ, которым собирался использовать золото этот властитель, был диаметрально противоположен целям тамплиеров.

Великий Магистр Ордена тамплиеров прибыл во Францию, тогда как глава Ордена Иоаннитов принёс извинения и остался. Якоб де Моле посетил Папу в Пуатье, где тот находился. Папа имел при себе два меморандума: один - о новом крестовом походе и другой - о соединении Орденов. Последнее Папа энергично отвергал.

В разговоре тет-а-тет речь, конечно, шла и об обвинениях против Ордена, которые через короля Филиппа дошли до Папы. Но сам король, которого ожидали для переговоров, не явился.

Якоб де Моле прибыл в Париж, где был созван капитул Ордена. Когда Якоб де Моле уехал, в Пуатье с большим блеском и помпой появился король Филипп IV и в присутствии Папы и других князей Церкви высказал свои обвинения против Ордена тамплиеров. Прежде всего он порекомендовал начать процесс по обвинению в ереси предшественника Климента V, Папы Бонифация VIII; неслыханное давление, которым он угрожал всякий раз, когда хотел реализовать свою волю по отношению к Папе Клименту. Это вызвало большое замешательство: все прелаты, назначенные в своё время Бонифацием, чувствовали, что их существование поставлено под угрозу. Слабое здоровье Папы Климента вынудило временно закрыть это дело. Король в ярости отступил. Якоб де Моле посетил Папу вторично в Пуатье и потребовал, чтобы обвинения против Ордена были сформулированы и тщательно проверены. Климент обещал создать комиссию из шести кардиналов, которые изучат все обстоятельства.

Между тем король подготовил свой удар. По всей Франции местные власти в строжайшей тайне получили приказ об аресте всех тамплиеров.

В Париже умерла родственница Филиппа IV Екатерина Валуа. Король просил Якоба де Моле вместе с высшими чинами государства нести траурный шлейф при погребении, которое состоялось 12 октября 1307 г. по Р.Х. Днём позже тот же Якоб де Моле был арестован как изменник.

Королевский манифест, написанный в тоне негодования, высшей озабоченности и из христианских побуждений был зачитан французскому народу: в нём сообщалось о еретичестве и вопиющих к небу нептребных обычаях в Ордене. Заработала лживая пропаганда, до некоторой степени подобная той, что имела место в нашем 20 веке и то здесь, то там практиковалась дальше.

Процесс, который состоялся спустя 10 дней в Парижском Тампле под руководством Верховного Инквизитора Франции Гильома Парижского, имел все признаки одной лишь видимости. В течение предшествующих дней королевские чиновники и уполномоченные сделали своё дело: путём опросных листов получили от заключённых признание их вины. Они пытались достичь этого, обещая прощение, если обвиняемые подтвердят все пункты обвинения; если же откажутся, то будут подвергнуты страшным пыткам.

Обвинительные пункты на процессе были следующие:

1. При принесении торжественной присяги, что обязательно происходило ночью, каждый из принимаемых должен был отрицаться от Христа, плевать на крест и попирать его ногами. С тем, кто проводил приём, вступающий должен был обмениваться поцелуями в нептребные части тела.

2. В своих собраниях тамплиеры почитали изображение идола в виде головы чёрта, и от этого идола они получали свою удачу и богатства.

3. Священникам запрещалось при литургическом богослужении произносить слова освящения даров.

4. Вступающим запрещалось общение с женщинами, тогда как гомосексуальные отношения с братьями по Ордену, напротив, разрешались и они такое общение практиковали.

5. Руководители Ордена верили, что им, как и братьям Ордена, не являвшимся духовными лицами, дозволено давать своим сочленам отпущение грехов.

6. В связи с этими пунктами о тамплиерах шла дурная слава.

Великий Магистр Якоб де Моле и прецептор Нормандии Жоффруа де Шарне согласились с важнейшим пунктом обвинения; отрицанием Христа. Несмотря на то, что некоторые историки утверждают, что будто бы Якоба де Моле никогда не пытали, имеются письменные свидетельства, документы, в которых содержится однозначная информация на этот счёт. Другие высшие чины Ордена тоже подвергались невыносимым мучениям и проявили слабость вследствие перенесённых ими пыток.

Якоб де Моле был также принуждён написать письмо ко всем братьям Ордена, в котором он побуждает их признать преступления, в которых они обвинялись, как это уже сделал их Великий Магистр. Король и его канцлер Ногаре уже с первого удара одержали победу: этот удар оказался решающим. Инъецированный в то время яд подозрений распространялся по ходу истории все

шире и дальше, вплоть до нашего времени.

Дело тамплиеров тянулось ещё семь лет. Здесь мы не будем описывать все стадии этой сфальсифицированной истории. Папа Климент попытался взять проверку предполагаемых обвинений рыцарей из рук короля в свои собственные руки, но его ненадёжное положение и слабый характер воспрепятствовали этому. Власть Филиппа IV над Папой, который до некоторой степени находился в положении заключённого, но, главным образом бессовестность Филиппа IV, его изощрённая интеллектуальность и дьявольская одержимость давала ему все преимущества в этой смертельной шахматной игре.

В 1308 г. на короткое время у тамплиеров ожила надежда, когда Папа сообщил, что следствие будет вести он сам; тем самым приговор инквизиции ставился под сомнение. Но против Клемента немедленно была развязана клеветническая компания, выставлявшая его в самом неприглядном свете как защитника еретиков. Король созвал в городе Труа три сословия государства и гарантировал им своё полное доверие. Это был удар в лицо Папы! Король позволил привезти Якоба де Моле и глав Ордена в Пуатье, для того, чтобы Папа мог допросить их. Но их транспорт был остановлен в Шиньоне, где они и были оставлены под стражей под предлогом, что состояние их здоровья слишком плохое для дальнейшей их транспортировки.

Семьдесят тамплиеров, выбранных Филиппом IV всё же прибыли в Пуатье, где их допросили. Но ни один из них не осмелился свидетельствовать о своей невинности.

Клемент V издал папскую буллу, в которой призвал правителей Европы взять под подозрение Орден тамплиеров в их странах. Данные об орденах тамплиеров за пределами Франции почти без исключений свидетельствовали о невинности рыцарей, однако яд подозрений действовал и там. Ещё сильнее действовал яд корысти. Собственность Ордена была слишком лакомым куском, чтобы не стать предметом конфискации, производимой под видом справедливости. Во Франции воцарились замешательство и сомнение. В королевских тюрьмах томилось благороднейшее рыцарство страны. Доказательства, полученные в камере пыток были опровергнуты, но многие придерживались показаний из страха перед новыми пытками. Постоянно следовали новые допросы; палачи делали своё дело под неусыпным взором королевских чиновников и протоколистов.

Папа затеял новое расследование. Пятьсот сорок шесть тамплиеров были готовы свидетельствовать в пользу Ордена. Комиссия медленно продвигалась вперед, тогда, как король не медлил, разыгрывая свою шахматную партию с молниеносной быстротой. Он вынудил Папу назначить архиепископом Сиенским брата одного из своих наиболее ему преданных придворных. И этот архиепископ, в обход полномочий папской комиссии выносит приговор пятидесяти четырём "падшим" тамплиерам. Именно они твёрдо настаивали на своей невинности. 13 мая 1310 г. по Р.Х. в Париже они были сожжены заживо.

Сила воли тамплиеров, открыто защищающих свой Орден перед комиссией, была сломлена. 5 июня 1310г. второй процесс завершился. Акты процесса накапливались, Папа брал их себе, но всё ещё не мог вынести окончательный приговор.

Подчиняясь нажиму со стороны короля, Клемент V созвал церковный Собор в Виенне. Он открылся осенью 1311 г.

На повестку дня был поставлен вопрос о тамплиерах. Отцы Собора склонялись к тому, чтобы вынести благоприятное для Ордена решение. Но тёмная власть Филиппа IV подобно угрожающей тени зависла над собранием священников. Собор был отложен.

Весной 1312 г. действия Собора возобновились; 20 марта появился Филипп IV с пышной свитой. Должен был быть вынесен приговор. Мы можем только предположить, что разыгрывалось за кулисами. Через 14 дней в присутствии Папы, короля, и всех авторитетных лиц как духовных, так и светских в кафедральном Соборе в Виенне была оглашена папская булла "Vox clamantis", которой Орден тамплиеров был запрещён.

Клемент V, как изощрённый дипломат, отказался объявлять Орден виновным. Он запретил его "с сердцем, обливающимся кровью", поскольку в связи с процессом пошло слишком много слухов. Решение Клемента V не является приговором, это апостольское административное предписание.

Тут же последовало и решение о собственности Ордена. Буллой от 2 мая она была передана Ордену Иоаннитов. Их всех немислимых сокровищ, которые надеялся присвоить Филипп IV, лишь малая часть попала в его руки.

Но всё же оставались в живых Великий Магистр и некоторые высшие чины Ордена, они отбывали заключение в замке Жизор. Король настаивал на вынесении им окончательного приговора. Несмотря на своё обещание лично допросить Великого Магистра, Клемент V поручил исполнение этого последнего, труднейшего акта в процессе по уничтожению, трём кардиналам.

Четверо заключённых были из Жизора доставлены в Париж Им были зачитаны обвинения в их адрес, а также их собственные показания о признании вины в отрицании Бога, оскорблении креста, идолопоклонстве и содомии. Приговор гласил: пожизненное заключение.

Но вдруг, Великий Магистр взял слово. Перед лицом смерти он не мог сказать ничего, как правду. Он обвинил сам себя в злейшем преступлении - в том, что дал показания против Ордена.

Чтобы прекратить невыносимые мучения при пытке, он согласился с предъявленными обвинениями. И тут он заявил, что все обвинения - это ложь, и полностью отказался от своих показаний. Прецептор поступил так же, как он. Оба других промолчали.

Немедленно король Филипп IV приказал разложить костёр на западной оконечности острова Иль де Сите. Два "изменника", Якоб де Моле и Жоффруа де Шарне были тайно, без огласки сожжены.

Это случилось вечером, 18 марта 1314 г. по Р.Х. Говорят, что Великий Магистр, стоя на костре, призвал на Божий Суд Папу и короля. Оба умерли в том же году.

5.5. "ВИНА" ТАМПЛИЕРОВ

Вопрос о возможной вине тамплиеров гораздо важнее вопросов о том, доставляли ли они серебро из Америки и финансировали ли своим золотом французские кафедральные соборы. Ведь речь не о том, считаем ли мы ересь и гомосексуализм столь греховными, но, скорее, о том, было ли хоть сколько истины в этих обвинениях. Если нам удастся дать удовлетворительный ответ на вопрос о вине, то тем самым будет освещён не только загадочный исторический этап, но и в то же время подорвана частично та власть, которая, используя личность Филиппа IV, уничтожила Орден во Франции. Из-за этого уничтожения на всё последующее историческое развитие было оказано весьма скверное влияние.

У Ордена тамплиеров был устав, составленный св. Бернаром Клервосским; этот устав был санкционирован Церковью на Соборе в Труа в 1128 г. по Р.Х. Помимо всего прочего этот устав содержал древние бенедиктинские обеты целомудрия, бедности и послушания. Позднее они были дополнены статьями, определяющими организацию и дисциплину совместной жизни братьев Ордена. Устав Ордена был утверждён в письменном виде, хотя и содержался в строгой тайне, что имело место во всех таких обществах как гильдии, строительные ложи ит.п. Хотя, конечно, содержание устава было целиком и полностью известно Папе, который и утвердил этот устав официально. От устава Ордена сохранились всего три, по всей вероятности, случайно уцелевших экземпляра. Вполне можно допустить, что каждый Дом Ордена владел экземпляром устава; возникает вопрос, куда же они исчезли? Весьма вероятно, что король Филипп IV приказал по всей Франции уничтожить этот устав, поскольку его зафиксированные в нём правила стояли в вопиющем противоречии по отношению к обвинениям, предъявленным с его стороны. В других странах рыцари, возможно, сами уничтожили такие экземпляры, когда Орден был запрещён. Во всяком случае, вполне допустимо, что содержание устава Ордена тамплиеров было известно всем, кто выступал на процессе в качестве судей.

Кроме уже описанных редких исключительных случаев, которые строжайше наказывались в Ордене, на протяжении двухсот лет не произошло ничего, указывавшего на то, что тамплиеры нарушали верность своему уставу. Их установка на братство, - целиком и полностью христианская, - была полностью признана Церковью. Выражением этого признания со стороны Церкви служит орденское облачение, утверждённое папским декретом: белая мантия (накидка) с красным крестом. На их чёрно-белом знамени "Боцеан" были начертаны слова: "Non nobis, Domine, non nobis, sed tua pomini da gloriam" (Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему да будет слава). Это можно рассматривать как выражение безусловной самоотдачи Христу, которая была характерна для Ордена тамплиеров.

Благодаря этому официальному, хотя и содержащемуся в тайне уставу, Орден был неуязвим. Но не могли ли существовать некие тайные правила, которые побуждали рыцарей к ереси и беспутству под покровом мнимого христолюбия? Филипп IV жадно доискивался подобных документов. Он не нашёл ничего, так что мы не знаем, существовали ли помимо устава какие-либо записанные правила оккультного характера. Но мы спокойно можем допустить, что таковых не было, ибо в эзотерических сообществах "тайны" всегда передавались только устно.

В предшествующих главах было указано, что к тамплиеров на самом деле имелась эзотерика, не зафиксированная письменно. Но едва ли что-либо от этой эзотерики вышло наружу в признательных показаниях. Наружу выступили лишь её теневые образы, сопровождающие любое оккультное развитие. Инспирации из этого теневого царства зла входили в душу французского короля. Инспирации давали ему возможность извлекать именно то, что было скрыто в подсознательном регионе души рыцарей как "комплекс вины", "тьнь вины". Эти инспирации Филипп IV умело вливал в сво действия.

При пытках, которые он приказал применять на допросах, из-за страшной, невыносимой боли сознание помрачалось настолько, что перед душой мученика всплывали визионерские теневые образы.

При любом оккультном обучении и, конечно, при посвящении, которое проходили рыцари, появлялась возможность видеть духовное не только в его добром аспекте, Нои с обратной стороны, видеть супостатов дьявольского или сатанинского типа, которые хотят отдалить и отрезать человека от его Божественного первоисточка. Эти силы совращают, они всплывают в душе как искушения, которые завладевают ею посредством ужаса или колдовства и хотят

помешать ей контактировать с истинно Божественным началом.

Всякой добродетели, усвоенной адептом благодаря строгим испытаниям, благодаря упражнениям и отречению противостоит преодолённый порок как противоположная часть, которая как "тень вины" остаётся связанным с тем регионом (души), который в нормальной жизни остаётся целиком и полностью в подсознании. Каждое глубокое прозрение в Мистерию Христа, каждое глубокое переживание своего единения с Ним является преодолением склонности к отрицанию Христа, склонности, которая, подобно теневого влиянию, неразрывно связана со светом посвячительного пути. Некоторых тамплиеров на их пути ученичества могли мучить визионерские сновидческие образы; они позволяли им осознать, что в человеке могут действовать дьявольские порывы, которые Мистерию Христа затягивают в грязь, которые ведут к отречению от священных сакраментальных символов, символов таинства. Он - рыцарь тамплиер - преодолевал эти искушения как и соблазн снова вернуться к почитанию древних языческих божеств, игнорируя преимущества христианства. Находясь в постоянном воздержании от любых половых контактов, он, в своих визионерских видениях мог видеть половые извращения, которых он умел избегать и преодолевать, благодаря постоянным упражнениям и молитвам.

Сам король Филипп IV не был посвящённым в хорошем смысле этого слова, но он обладал относительно этих вещей инстинктивным знанием, полученным им из своего рода сатанинского посвящения. Предпосылка к нему исходила из патологической жадности золота; она позволяет вышеупомянутым инспирациям получить доступ к человеку. Он знал, что ему достаточно лишь должным образом составить опросный лист - он действительно содержал вопросы, действующие суггестивно. Эти вопросы, сопровождавшиеся адскими пытками, вызывали из помрачённого сознания мученика тёмные образы вины - как необходимые ответы.; тем самым в помрачённом сознании, в "полусознании" его вынуждали дать утвердительные ответы на поставленные вопросы.

Священник Ордена Пьер де Булонже, который оправдывался перед папской комиссией в Париже (1310г.), дал под пыткой принудительные показания и потом их отверг, объясняя при этом: "При таких пыточных процедурах свобода человека теряется". Многие рыцари отказывались от своих показаний по мере возвращения обычного сознания. Собственные признательные показания приводили их в ужас, если им давали их прочесть; они говорили, что эти речи они произносили, не осознавая их. Один рыцарь точно передал, что с ним происходило: "Признания эти давал не тамплиер, а чёрт, управляющий человеческим телом".

Всё это обычная наука должна считать неразрешимой проблемой; ведь только оккультная наука может правильно видеть душевное состояние подвергавшихся пытке тамплиеров и состояние их тёмных врагов.

Чего только не придумывали, чтобы объяснить отрицание Бога, оплёвывание креста, языческий символ Бафамёта и предполагаемое пропускание слов "сие есть тело Моё" при алтарном литургическом таинстве. Какие только языческие традиции люциферическо-гностического рода не приписывали тамплиерам, какие только обвинения в приверженности исламской музыке и исламской безнравственности не вваливали на них. Не следовало бы верить болтовне Махио (Mahieu), когда он приводит фразу: "Берегись поцелуя тамплиера". Каждый, кто действительно серьёзно занимается исследованием Ордена тамплиеров, знает, что эти рыцари-монахи даже мать свою или сестру никогда не целовали, чтобы не впасть в искушение из-за этих столь невинных прикосновений. Что же касается поговорок о брани и пьянстве тамплиеров, то поговорка "пьёт как поп" ещё древнее. Такие поговорки столь же мало убедительны, как шутка восточных фризов "фрисландцы - наивные люди".

Все отягчающие высказывания о тамплиерах распространялись вследствие интриг короля Филиппа IV. Вне Франции яд подозрений разлился лишь из-за запрета Ордена. Прежде при расследовании ни одна вина не выходила на свет.

Если что и говорит о "вине" тамплиеров, так это их высочайшая посмертная слава. Их намерением было христианизировать общественную жизнь ещё до того, как антихристианство не достигло всей своей глубины, то есть слишком рано.

Они ориентировались на иоанново христианство будущего, причём их стремления были столь одухотворены и столь строго аскетичны, что они пали жертвой противоборствующих сил. Их виной, возможно, был вызов, брошенный властям тьмы, которые реагировали на этот вызов вышеуказанной дьявольской практикой.

В качестве резюме мы можем сказать, что тамплиеры служили Богу и не отрекались от него, своё тело и душу они посвящали Христу, а по отношению ко кресту и распятию проявляли великое благоговение. Они не были ни тайными измаелитами, ни почитателями языческих идолов, литургия у них выполнялась без каких-либо упущении сокращений; они принимали гостю при причастии, как и всякий благочестивый католик, они давали бенедиктинские обеты целомудрия, бедности и послушания и строго следовали им.

То, что было написано в главе 5.2 о посвящении тамплиеров, не противоречит вышесказанному. Хотя низший градус посвящения был ступенью Петра, на которой происходило отречение от

Христа как душевное испытание, это ещё далеко не означает, что тамплиеры отрекались от Христа, были отступниками от Христа. Утверждать последнее было бы столь же бессмысленно, как и самого апостола Петра считать отступником от Христа. Столь же мало являлось знаком дьявольского язычества или нечестивости та антицерковная, или, скорее антиримская позиция, которая в целом присуща христианству Грааля и в отдельных случаях проявлялась в том, что переживал Готфрид Бульонский. Антиримский элемент не следует понимать как борьбу с римско-католической Церковью, но лишь как подготовку иоаннового христианства. Этот поток сначала тоже развивался в солидарности с Римом и был верен авторитету Папы.

Вследствие уничтожения Ордена Европу охватила тьма; теперь зло могло глубже угнездиться в культуре Запада, чем раньше. Зато, в то же время благодаря мистерии христианских рыцарей сила Воскресения стала действовать активнее.

Первым, кто ощутил эту силу и дал ей высшее поэтическое выражение, был флорентийский поэт Данте Алигьери. Его "Божественная Комедия" является первым апофеозом драмы тамплиеров.

5.6. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ И БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Исследование о том, что "Божественную Комедию" Данте можно считать первым признаком воскресения эзотерического христианского импульса тамплиеров после их гибели - я опубликовал в 1968г. Книга на эту тему в первом издании называлась "Nella fiamma d'amor" Десять лет спустя она была переиздана под названием "Откровение Данте". В этой книге впервые было очень подробно описано отношение Данте к тамплиерам. Здесь же мне придётся ограничиться указанием на основные черты этой драмы.

Ряд авторов 20 столетия обращали внимание на то, что Данте имел какое-то отношение к тамплиерам (14) К таким авторам принадлежит и Р.Штейнер. В уже цитированной лекции от 1905 г. (ПСС т. 93) мы, после слов о том, что София, существо Софии занимало центральное место в эзотерике тамплиеров, - мы находим следующее высказывание:

"Данте в своей "Беатриче" хотел показать именно это Существо. Только те понимают "Божественную Комедию" Данте, кто рассматривает её с этой стороны. Поэтому они находят у Данте выражение тех же символов, что и у тамплиеров, христианского рыцарства".

Непредвзятый читатель, вероятно, спросит с удивлением, что же связывало поэта - с его фантастическими описаниями ада, чистилища и неба - с христианскими рыцарями Соломонова Храма, которые направляли свою активность, главным образом на земной план? Чтобы понять это, надо уяснить себе, что Данте был в первую очередь государственным человеком, который в 1300 году был одним из правящих представителей Флоренции, он занимал в тогдашней Италии очень высокое положение. Особые способности, которыми он обладал, высокие идеалы, которые он вынашивал в отношении общественной жизни, жизни социума, предопределили его исключительную роль в духовном и социально-политическом развитии в 14 веке. Начало века совпало с его тридцатипятилетием, серединой его жизненного пути.

Его учитель Брунетто Латини указал ему путь посвящения; это следует из слов, которые употребляет Данте в Комедии, когда характеризует Брунетто: "Мастер, научивший меня как человеку сделаться вечным (Ад, 15.85) Это значит сделать себя вечным в той мере, насколько уже во время жизни удалось связать себя с вечным, то есть переступить за границы чувственного восприятия в некоем "excessus mentos", некоем выходе духа в сверхчувственную реальность. Это стремление к посвящению связывает Данте с глубоким христианским образом жизни. Благодаря занятиям теологией и философией, благодаря универсальному знанию о человеке и мире оно созрело в нём до всеобъемлющего, грандиозного мировоззрения, до истинной мудрости.

Рене Генон (15) называет Данте "еадашем", посвящённым руководителем оккультной организации, которая имела прямое отношение к Ордену тамплиеров. Эта организация, обозначавшаяся буквами F.S., Fede Santa должна была контролироваться высшим градусом "Fideli d'amor", тайным братством, к которому принадлежал также друг Данте Кавальсанта. В чём состояла связь Данте с Орденом тамплиеров, Генон не объясняет, но не исключено, что различные эзотерические группировки - все они носили в большей или меньшей степени Иоаннов характер (антипетровский), в том числе и Fideli D'amor - были связаны друг с другом.

Могло быть и так, что стремления Данте как посвящённого и как государственного деятеля были направлены к тому же самому идеалу, который жил в сердцах тамплиеров: христианизация общественной жизни человека.

Ясно, в чём усматривал Данте основную причину антихристианского начала в тогдашнем "umana civilita", гуманном обществе - это был волк корыстолюбия, пожиравший истинную человечность. Проклятие золота, эгоистическую страсть к обладанию Данте рассматривал как величайшее социальное зло. В "Божественной Комедии" предсказывается имя какого-то спасителя, какого-то борца со "старой волчицей"; этот борец облечен в образ охотничьей собаки, "Вельтро". Этот спаситель, кроме того, обозначен числом 515, которое при написании римских цифр выглядит так; DXV/ Современный итальянский продюсер Родольфо Бенини (16) толкует это загадочное

символическое число следующим образом; D=Данте, X=Христос (греческая буква "хи", которая обычно ставится в этом слове, здесь написана как X), V =Вельтро. Иначе говоря, сам Данте мог бы быть борцом со злом во имя Спасителя. DXV или DVX - это "Данте-Вельтро ради Христа" (Dante Veltro di Christo).

Другие учёные оспаривали это мнение, но без убедительной аргументации. Единственное, что может сделать спорным это гениальное решение загадки Вельтро и числа 515 - если считать, что речь тут идёт о символических выражениях одного и того же - так это характеристика, которую сам Данте даёт этому Вельтро. Это существо питается не земной пищей, а любовью, мудростью и добродетелью. Следовательно, здесь не имеется в виду смертный человек.

Другой итальянец, Роберто Пассагли (17), будучи инспирирован антропософией Р. Штейнера, пытавшийся исследовать тайну Вельтро, понимал под Вельтро высшее "Я" человека, которое питается добродетелью и возникает благодаря облагорожению и очищению души. Такая интерпретация Пассагли, которую он убедительно иллюстрирует на примерах некоторых трудных для понимания пассажей в текстах Данте, представляется мне правильной, хотя я не вижу в ней никакого противоречия с исследованием Бенини - с тем, что DXV означает Данте - Вельтро во имя Христа. Ведь Данте бы на пути, который делает существо человека вечным: на пути развития высшего "Я", связанного со Христом.

Из этого посвятельного принципа, который Данте хотел сделать ведущим принципом общественной жизни, исходил и посвящённый тамплиер, чтобы реализовать свою задачу по "воссозданию храма будущего".

Жизнь Данте носила очень трагический характер, он был изгнан из Флоренции, своего отечества. Произошло это из-за вмешательства во флорентийские дела Карла Валуа, брата Филиппа IV Красивого (1301г). До самой смерти, в течение 21 года, Данте был вынужден скитаться в изгнании и беспомощно наблюдать, как бессмысленная борьба партий всё больше и больше разрывает Италию, в то время как "волчица алчности" продолжает свою разрушительную работу.

В те же годы - с удивительным параллелизмом по отношению к судьбе Данте - разыгрывалась и трагедия тамплиеров. Но в то время, как рыцари, пройдя через мучения и огненную смерть приносили в жертву свои посвящённые Христу жизни, Данте - тамплиер, который не погиб. (Dante, der Templier? der nicht stirbt) - сублимировал, претворял свои жгучие страдания, свои погибшие идеалы, свои невероятно гениальные способности, которые не нашли применения в социальной жизни, - претворял всё это в "Божественную Комедию".

Эту поэму из сотни песен, описывающих путешествие через загробное царство, - эту поэму в течение столетий анализировали комментаторы, они объясняли её и, в то же самое время удивлялись. На бесчисленное количество человеческих душ разных народов и рас захватывающие картины комедии оказали глубокое впечатление. Но мы должны уяснить себе и то, что и по истечении семисот лет эта поэма является мощнейшим призывом для нас. современных людей, как и для людей будущего. Уже давно её рассматривали как средоточие античной и христианской средневековой мудрости, - и, разумеется, так оно и есть. Но как только МФ раскроем, что "Божественная Комедия" несёт тамплиерский импульс, мы познаем то, что этот труд вынашивает для будущего.

В течение тех лет, когда тянулся процесс тамплиеров (1307-1314 гг.) во Франции, в Священной Римской империи Германских государств, в состав которой входила и Италия, и Нидерланды, происходили события с далеко идущими последствиями. Когда в 1307 г. по Р.Х умер Альбрехт фон Габсбург, который для славы своего рода заботился лишь о том, чтобы увеличить фамильные владения, Филипп IV Красивый и его брат Карл Валуа пытались стать подходящими для курфюрстов кандидатами на германский императорский престол. Золото тамплиеров, которым можно было купить души, ценилось и в Германии, но, тем не менее, с большей охотой избрали Генриха Люксембургского, который 6 января 1309 г. короновался в Аахене на римский престол. (6 янв. 1311 г. короновался как король Италии - прим. перев.)

В 1308 г. по Р.Х ожили надежды тамплиеров на то, что их дело примет всё же позитивный оборот и их ужасная судьба сменится на благополучную; в то же самое время Данте возлагал все надежды на нового Кайзера, на благородного Генриха IV Люксембургского. Он видел в нём правителя, который, стоя нал партиями, мог принести своей стране мир и правосудие. Данте скитался по итальянским городам, побуждал людей, писал воззвания, послания, короткие записки, где резюмировал свои идеи и идеалы относительно монархии. В этих письмах находят своё отражение и идеалы тамплиеров. Пробст-Бирабен пишет об этом (18):

"Данте, который, как кажется, был хорошо информирован относительно тамплиерских идей и методов, в своём политическом трактате "О монархии" приходит к представлениям, которые являются средоточием таких идей:

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО (Weltverwaltung), (empire unificateur) под началом ОДНОГО суверена, признанного другими правительствами путём избрания, чья власть не будет наследственной, - что имеет место у германских кайзеров или у Гроссмейстеров орденов, - затем избрание Совета пэров (равных), подобно орденскому совету; устранение личных

интересов, которые становятся поводом для войн между правителями стран, благоприятные условия для мира, столь необходимого для всеобщего счастья. Стремление к социальной свободе в этой системе удовлетворяется посредством всеобщего освобождения от крепостной зависимости.

Тосканский поэт (Данте) в то же время озвучил тезис тамплиеров об обоюдной независимости императорской и папской власти; при этом он, безусловно предполагает, что обладатель мирового господства - ВЛАДЫКА МИРА (Der Weltliche Machthaber) никогда не посмеет стать тираном для своих подданных. Если бы такое случилось, те, кто его выбирал, были бы обязаны отстранить его и избрать другого. Над императором и Папой должен стоять мистериальный авторитет (может быть в соответствии с традицией иоаннитов, представитель короля-священника Иоанна), так как политическая власть всемирного правительства не будет располагать полномочиями вмешиваться в духовные дела, также как и Папа не может обладать светской властью".

Поначалу Генрих IV Люксембургский фактически проявил себя как освободитель - так, по крайней мере ощущали гибеллины, которые всегда поддерживали многонациональную империю. Но когда победоносный люксембуржец захотел отправиться в Рим, чтобы там короноваться на императорский трон, поднялось восстание в городах Северной Италии, которое получало финансовую поддержку от флорентийских гвельфов, "чёрной партии" противников Данте; сам он принадлежал к белым гвельфам.*(сноска из Лозинского) Только после долгой, обременительной и отнявшей много сил осады Генрих IV Люксембургский смог продвинуться вперед; 29 июня 1312 г. он был коронован в Риме как император Папа Клемент V находился в Авиньоне, поэтому обряд коронации проводил кардинал Остийский.

Непосредственно вслед за этим Генриху IV Люксембургскому пришлось вооружаться для борьбы с Робертом Неаполитанским, стоявшем во главе антикайзеровской партии гвельфов. Однако в 1313 г., 24 августа кайзер неожиданно умер. (Клемент грозил Генриху IV отлучением) Распространились слухи, что умер кайзер от отравленной гостии, которую дал ему во время мессы, - будто бы по наущению Папы Климента V - один доминиканец. Этот удар оказался для Данте сокрушительным. Больше, чем боль от своего собственного изгнания из отечества, переживал он боль крушения своих утраченных надежд и ожиданий. Но мощнейшие терцины "Божественной Комедии" уже возвышали свой голос, наполняя современников восхищением и ужасом.

Итак, мы видим, как между 1307 и 1314гг., когда уничтожился Орден тамплиеров, состоялось ещё одно уничтожение, приведшее к разрушению той основы, на которой европейское сообщество могло бы поддерживать равновесие между властями. Для реализации последнего требовался такой кайзер, который мог бы положить конец многовековой раздвоенности светской и духовной власти. Французским королям, как и "защитникам веры" казалось, что этот раздор, - используя который, они лишь ловили рыбу в мутной воде итальянских партийных споров - они могут использовать ради своих собственных выгод, а не на благо Папы.

Образ мыслей Генриха Лотарингского был верен; он призывал императора быть над схваткой партий.

Весьма спорным остаётся вопрос, была ли дана ему отравленная гостия по приказу Папы Климента V, или в этом случае снова надо подозревать французского короля Филиппа IV.

Данте, будучи посвящённым, полностью осознавал деяния зла. Он обладал мужеством описать в своей "Божественной Комедии" комплот Папы и французского короля как прямое выражение зла. Это описание мы находим в последних песнях "Чистилища", когда поэт снова встречается с Беатриче, которая помогает ему увидеть грандиозную аллегорическую картину добра и зла в земном раю. Для современников было ясно, что под великанами, блудодействующими с блудницей, сидящей на Звере, Данте подразумевал французского короля и павшего Папу.

Возможно, что для непосвящённых его времени был менее понятен прямой намёк на тамплиеров в конце "Рая", когда Беатриче указывает поэту на небесную свиту со словами:

"Вот сонм, в белые одежды облечённый" (Рай, песнь 30, 128-129),
и немного далее:

"Так белой розой, чей венец раскрылся
Являлась мне святая рать высот
С которой Агнец кровью обручился"
(*"Рай"*, песнь 31, 1-3, перевод М.Лозинского)

Связь с Орденом тамплиеров выступает со всей очевидностью, когда на небесной сцене появляется св. Бернар Клервосский. Ему, кому Орден тамплиеров обязан своим уставом, о кого первые рыцари несомненно получали первые указания по эзотерике, Данте предоставляет место в небесной розе, как и Беатриче; он позволяет ему выступать в качестве посредника между человеческими душами с помрачённым зрением и высшей тайной Божественной Троицы. Молитва Бернара к Марии (Софии) вообще является прекраснейшим поэтическим творением и дает поэту возможность на краткий миг созерцать Троицу.

Эти последние терцины "Божественной Комедии" Данте написал незадолго до своей смерти 13 сентября 1321 г. по Р.Х., вероятно под тихий шелест древесных вершин Пинеты близ Равенны. В них он выразил своё глубочайшее эзотерическое переживание, истинное переживание Грааля.

Служение Троице - есть служение Грааля, служение Храму Прекрасного. Вся "Божественная Комедия" проникнута тайной Троицы, это видно и в построении терцин, в построении и содержании всей поэмы. Данте описывает царства Ада, Чистилища и Неба (Рая), при этом он пропускает земной мир, хотя тот всё же остаётся в центре. Троица господствует в царствах посмертного бытия; даже Ад, как мир, противостоящий Троице, построен по имманентным законам и, как мы видим, является царством теней, созданных грехом. Но на Земле человек как суверенное "я"-существо должен строить общественную жизнь по закону Божественной Троицы. Для этого он должен преодолеть алчность, похоть и властолюбие. Он должен стать "бедным", "целомудренным" и "послушным".

Данте не был ни монахом, ни рыцарем, он был свободным гражданином свободного города, или, скорее города, который стремился реализовать свою республиканскую свободу. Не давая торжественного обета, но по свободному духовному решению будет человек в будущем подвергать свою душу этому тройственному очищению, для того, чтобы принцип Троицы мог действовать на Земле. Послушание не означает только повиновение каким-либо внешним предписаниям; это повиновение собственному существу, тому Вельтро, тому высшему "Я", которое в свободе может осуществить слова ап. Павла: "Не я, но Христос во мне".

5.7. МИСТЕРИЯ КРЕСТА

Среди наиболее ценных сокровищ тамплиеров находился исключительно дорогой крест, украшенный жемчугами, рубинами и сапфирами: в том месте, где пересекаются обе перекладки, был помещён ларчик, в котором, сквозь кристальное отверстие были видны лежащие внутри щепки древесины от креста Христова. Король Филипп IV присвоил эту редчайшую реликвию, а после его смерти она по наследству перешла в аббатство Пуасси, где хранилось также его забальзамированное сердце; говорили, что оно было маленьким, как сердце ребенка. Странным образом обе реликвии были украдены в одно и то же время, когда в 1695 г. по Р.Х. в аббатство ударила молния, и оба предмета оказались в огне. Эта реликвия - крест даёт нам повод затронуть в этой главе один очень важный аспект эзотерики тамплиеров, о котором мы до сих пор не говорили.

Из всего вышесказанного ясно, что тамплиеры с честью носили красный крест на своей накидке; они нив коем случае не относились к нему с презрением. Речь идет о том, чтобы показать, что именно этому кресту они оказывали гораздо большее почтение, чем распятию, поскольку они знали глубокое значение этого символа. Знак креста в разных формах можно найти почти у всех народов и во все культурные эпохи; это говорит о том, что мы имеем дело с общечеловеческим символом. Как все важные символы и знаки в искусстве, науке и религии это символ тоже берёт своё начало из тайного знания посвящённых и, благодаря древним мистериальным центрам распространяется среди людей.

Исследуя крест как специфически христианский символ, желая понять, как были с ним связаны посвящённые тамплиеры, мы должны в первую очередь знать, что подразумевается под буквами INRI, которые, как известно, стояли на гологофском кресте. Толкование "Иисус Назорей, Царь иудейский", то есть Иисус из Назарета, царь иудеев не раскрывает коренной сути вопроса. В вышеназванной лекции от 1905 г. (ПСС, т. 93) Рудольф Штейнер говорит об этом, но запись неразборчива и непонятна. Если в дополнение принять к сведению записки вышеупомянутого Вальтера Иоганна Штейна, то приходи к такому заключению: четыре буквы на кресте означают еврейские слова Йам (вода), Нуар (огонь), Руах (воздух) и Иабешах (Земля). Итак, крест символизирует четыре элемента. Из них огонь означает Иисуса, воздух - Иоанна, вода - Иакова, а земля - Петра, ведь Петрус значит камень.

Таким образом, крест выражает нечто, уже описанное нами в главе о посвящении тамплиеров (глава 5.2) Должны быть пройдены три ступени: ступень Петра, ступень Иакова и ступень Иоанна. Эти четыре буквы в целом составляют Имя самого Христа; кельты называли Воскресшего Владыкой Элементов!

Христианство должно было сначала укорениться в элементе Петра, в твёрдой земле. Из камня и дерева должен был быть построен вначале Храм Соломона, Дом имени Божьего. Эволюция человека шагнула так далеко, что высший принцип "Я" мог спуститься вниз, но внешний Храм должен был быть разрушен, как должно было быть разрушено внешнее тело Христа, чтобы высвободилось тело Воскресения. Христианство проделало процесс материализации, который является выражением хода развития человеческого "я" на Земле. На этом пути "я" облекло себя в свои оболочки, и возникла тройкая связь: "я" связывало себя с астральным телом (душой), эфирным телом (совокупностью жизненных сил) и с физическим телом. Тем самым высшая космическая "Я"-существо в каком-то смысле трижды подвергалось отречению, трижды

отрицалась. Но космическая "Я"-существо, Христос, Сам проделал этот путь в глубины земного воплощения. Он принёс эту жертву для того, чтобы человеческое "я" снова могло развиваться вверх.

Христианский посвящённый должен был подготовить для человечества это движение наверх вплоть до полного отождествления со Христом. Он должен был знать будущую цель, но сперва ему надо было пройти ступень Петра с отречением от креста.

Это глубокомысленное учение тамплиеры не могли объяснить своим судьям. Да и какой-либо возможности для этого у них не было.

Когда же отрекались от креста, чтобы в глубоком смысле обрести его снова, им показывали символическую фигуру, вызывающую благоговейный страх, образ мужчины с длинной волнистой бородой, символ Бога-Отца. Их учили тому, что стал бы говорить людям грядущий Мастер человечества, говорить слова, идущие от Отца, чтобы помочь им обрести понимание Христа. Им говорилось:

"Поняв это, они созрели, чтобы стать сотрудниками в постройке великого Храма мира. Им надлежало работая, устроить всё так, чтобы великая постройка стала жилищем нашего собственного глубочайшего принципа-"я", нашей внутренней ложи" (ПСС, т. 93)

В средние века существовала также легенда о дереве голгофского креста, которую среди прочих можно найти в сочинении "Легенда Ауреса" Жаке де Форейджине. Она находится там вместе с другими священными легендами. Рудольф Штейнер подробно говорит об этой легенде святого Креста (ПСС, т. 93) Хотя он не говорит прямо, что содержание этой легенды имеет отношение к мудрости тамплиеров, но поскольку он непосредственно присоединяет эти заметки к предшествующей лекции от 22 мая, которая целиком посвящается тамплиерам, - можно считать, что это так. (ПСС, т. 93)

Христианская легенда рассказывает следующее: Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, дерево жизни осталось там, но один росток этого дерева Сиф сумел позднее добыть из рая. Этот сын, рождённый Адамом и Евой после того, как Авель был убит своим братом Каином, посадил росток дерева жизни в землю, при этом возникло три побега, которые росли, переплетаясь друг с другом. Из древесины этого дерева был сделан знаменитый жезл Моисея, а через несколько столетий, когда строился Храм Соломона, оно должно было быть использовано для важного несущего опорного столба, но, странным образом, столб не подошёл для Храма и приладить его так и не смогли, несмотря на усилия. В конце концов, его положили в качестве мостика через пруд. Он нес здесь свою службу и особой ценности ему не придавали. Но когда царица Савская захотела посетить Храм Соломона и перешла по нему, она заметила особые свойства этого ствола и сообщила Соломону, что когда-нибудь на этом дереве будет распят Спаситель мира. В конце концов именно это и произошло на самом деле, а после крест ожидала дальнейшая судьба.

Под тремя стволами, выросшими от черенка из дерева жизни подразумевались три высших члена человеческого существа: Манас, Будхи и Атман. Рудольф Штейнер называет их также Самодухом, Жизнедухом и Духочеловеком. Эти высшие духовные принципы, которые в христианской эзотерике называются принципами Св. Духа, Сына и Отца заложены как семена в основу низших начал - астральной, эфирной и физической оболочек, в которые "Я" облечено на Земле. Развитие трёх высших принципов из низших является целью стремлений человеческого рода. Сначала троичная высшая природа человека ещё прикрыта, она скрывается за внешними оболочками низшей троичности. Рудольф Штейнер сравнивал этот процесс с созданием произведения искусства. Надо представить себе, что троичность физического, эфирного и астрального тел является внешним отображением высших сил Атмана, Будхи и Манаса. И как художник выражает вечную идею во внешних формах и красках, так и три низших оболочки человека являются произведением искусства, которое в качестве идеи несёт в себе три принципа высших существ.

"Я" на Земле должно сначала вжиться в свои низшие оболочки. Этому служат все внешние условия обитания, условия жизни, нравственные предписания. Сынами Каина были те, кто должен был заботиться об этой стороне организации человеческой жизни. Кроме того, поток Авеля-Сифа заботился о связи человечества с Божественным миром: именно Сиф посадил черенок от дерева жизни. В Храме Соломона и та, и другая стороны должны были соединиться. Внешнее здание являлось оболочкой для скинии Завета, - залога союза с Богом: так высший принцип мог войти в низший.

Но, тем не менее, всё это было всего лишь подготовкой. Взглянем на жезл Моисея: это - Закон. Всё в мире устроено по этому Закону. Человек должен сначала научиться подчиняться Закону жизни, но позднее внешний Закон должен стать прообразом для внутреннего закона. Священные законы Моисея, происходившие из царства дерева жизни, сохранялись в самой сокровенной, самой священной части Соломонова Храма; они так долго оставались внешними заповедями, пока Христос не сделал их внутренними, претворив в любовь и милость.

Следующая фаза подготовки описывается в легенде проникновенной картине: столп из дерева жизни не подходит в Храме, хотя Святая Святынь помещается в самой сокровенной, святой его части, но Слово Божье ещё не воплотилось. Древесина дерева жизни стала мостом, связавшим

низшее царство с высшим, также, как это описано в сказке Гёте "О Зелёной Змее и Прекрасной Лилии": там этот мост - сама Зелёная Змея, пожертвовавшая собой и образовавшая мост между вещественным и сверхчувственным миром.

Третья метаморфоза древесины древа жизни впервые приносит, наконец, истинное соединение высшего принципа с низшим, внутреннего с внешним. Христос Своими деяниями объединяет оба этих потока, которые ещё оставались разъединёнными в потоках сына Каина Хирама и сына Авеля(Сифа) Соломона, несмотря на то, что здание Храма уже создало предварительную связь светской и религиозной жизни. Христос составляет единство с силами древа жизни. В Нём жизнь, живой Закон и живой мост, и оба связаны в нём как вертикальная и горизонтальная перекладины креста. Человек впредь может обрести жизнь в своей высшей природе, которую дарит ему Христос, тогда как его низшая природа становится деревянным крестом, который он, вослед за Христом, принимает на себя.

К Мистерии креста в христианском смысле относится также и та метаморфоза, которая тут имеет место. В легенде три ствола, выросшие из черенка древа жизни, символизируют высший принцип человека. Его низший принцип является выражением высшего. Благодаря деянию любви, совершённому Христом, высший принцип человека воскресает в Нём, и отпрыск от древа жизни, посаженный Сифом, становится древом креста, который Христос берёт Себе на плечи и восходит на холм Голгофы, умиротворив и компенсировав тем самым событие изгнания из рая.

Чёрная древесина креста становится символом низшего принципа человека, который, с помощью живой силы внутреннего мира должен нести этот крест. Нести крест надо: тогда человек сможет дополнить, расширить своё существо, тогда столп сможет подойти для храма!

Описанная здесь тайна креста наверняка играла существенную роль в учении тамплиеров. Кто медитативно погрузится в такое учение, ощутит неизмеримую высоту и глубину христианской Мистерии. Тамплиеры были "крестоносцами" в истинном смысле этого слова. Мы можем понять, что их последний Великий Магистр Якоб де Моле, перед тем, как подняться на костёр, снял свою белую накидку с красным крестом, бережно сложил её и отложил в сторону, чтобы священный символ не был похищен пламенем.

6. БУДУЩЕЕ МИРА

6.1. ЗЛО. ГРААЛЬ И АНТИГРААЛЬ

Поскольку наша тема привела нас к тому, чтобы бросить взгляд на "сегодня" и на "завтра", на настоящее и будущее, мы должны уделить особое внимание действию зла. Это неприятно, но неизбежно. Неприятно потому, что люди очень интересуются проявлениями зла, если эти проявления носят сенсационный характер, но редко хотят слушать о конкретном зле, о том, как оно действует. Это неизбежно, потому что глубокое исследование мистерии зла является всемирно исторической задачей нашего времени. В предшествующих главах мы лишь бегло коснулись аспекта зла. Но теперь, когда мы в нашем историческом обзоре подошли к новому времени, мы должны уделить особое внимание этой проблеме.

Пятая послеатлантическая культурная эпоха, наше нынешнее время началось, как это уже упоминалось, в 15 веке по Р.Х. Средневековье ещё относится к четвертому культурному периоду, к греко-римской эпохе. Известные культурно исторические явления, Ренессанс, Гуманизм, Реформация означают, что человеческое сознание пробудилось с невиданной силой. Столпом, на котором покоится сознание, присущее созревшему, совершеннолетнему человечеству, является точное чувственное наблюдение и абсолютно рациональное мышление, которое в большей или меньшей степени связано с нервной деятельностью нашего мозга. Одно из достижений человеческой души - способность к точному чувственному восприятию выступает в эволюции человечества поистине заново, и это часто недооценивают. Эти свойства с огромной быстротой распространяются сначала в Европе, причём, главным образом с Запада этой части света, а затем постепенно охватывают всё человечество. Конечно, здесь, как и при любом развитии, имеют место градации, различия, зависящие от стадии. Возникает естественная наука, природоведение, и как её следствие, техника, которая требует высочайших усилий человеческого интеллекта.

Вследствие такого развития человеческое "я" полностью погружается в низшую троичность своего существа. Часть души, посредством которой "я" переживает себя в земной области, как в чем-то вполне подходящим для этого "я" - в антропософской литературе называется душой сознательной. Чувственное восприятие и абстрактное мышление делает "я" в душе сознательной свободным. Оно становится свободным от спиритуальных традиций, от религии и веры, свободным от Бога, свободным от заповедей. Оно становится "фаустовским", подобным Фаусту. Но мы знаем, что Фауст должен был связать себя с силами зла. Сильнее, чем когда-либо, теперь, в эпоху души сознательной, сворачивающие силы соблазна вмешиваются в человеческую жизнь. Мы должны видеть эти силы в человеке, учиться обходиться с ними, осознавая их.

Когда в предшествующих главах говорилось о том, что развитие трёх высших принципов в человеке из трёх низших принципов должно стать целью человеческих стремлений, это означает, что эти стремления реализуются свободно. При этом несомненно и то, что должен существовать и противоположный, противодействующий этому стремлению принцип, пытающийся сокрушить его. Ведь если бы стремлению ничто не препятствовало, если бы достижение цели было гарантировано заранее, то едва ли в таком случае можно было бы говорить об истинном, настоящем стремлении. Если мы стремимся, то это означает, что мы должны преодолевать сопротивление.

Развитие высших принципов Манаса, Будхи и Атмана из трёх низших принципов - астрального тела, эфирного тела и физического тела может происходить лишь при наличии активности самосознающего "я". "Я" - это своего рода математическая точка, вершина конуса, точка, проходящая через которую все линии образуют второй такой же конус: один вверху и один внизу.

Поэтому зло и направляет все свои атаки на это "я" для того, чтобы создать сопротивление стремлениям человека, апробировать их

Прежде уже говорилось о том, что зло выступает как двойственная сила. Так характеризуют её все мифологии, легенды, сказки и спиритуальные первоисточники: это змея Митгард и волк Фенрис, Левиафан и Бегемот, дьявол и сатана, люциферические и ариманические силы. Люциферические духи хотят оторвать человеческое "я" от Земли, увести его прочь от Земли, чтобы удерживать его в заключении в собственном духовном царстве, в то время как ариманическая власть хочет приковать человеческое "я" к Земле, удержать его в материальной тюрьме. Ариман - это тот, кого в Евангелии называют "Князем мира сего".

Можно сказать, что люциферическое искушение направлено на то, чтобы "я" стал изнеженным, улетучилось, тогда как ариманическое искушение стремится ожесточить "я". И в том, и в другом случае "я" потеряет свою позицию вершины двойного конуса, уходя из-за Люцифера вверх, из-за Аримана - вниз. В результате нельзя будет достигнуть цели земного развития. Конечно, действие этих двух сил гораздо сложнее, чем то, как оно выражено в данном схематичном описании, тем не менее это описание можно взять за исходную точку нашего дальнейшего рассмотрения.

Обе эти силы противодействуют друг другу и поэтому до некоторой степени удерживаются в равновесии, но в то же время они подыгрывают друг другу, поскольку вмешательству одной из них содействует предварительная работа со стороны другой. У тамплиеров, например, мы видим такие строго аскетические, высоко духовные идеалы, что рыцари, как каждый в отдельности, так и Орден в целом постоянно подвергались опасности поддаться соблазну люциферического бегства от мира. Это, в свою очередь содействовало вторжению Аримана, которому для этой цели служил Филипп IV Красивый. При революциях мы часто наблюдаем, как воспламеняется люциферический элемент, который может быть благородным и идеалистическим, и как он гасится потом холодным ариманическим противодействием. Эту роль во французской революции 1789 г. сыграл Наполеон, а позднее, в русской революции 1917 г. - Сталин. Но зловерность Люцифера и Аримана относительна, поскольку оба имеют и позитивные стороны. Люцифер незаменим во всём, где нас что-то окрыляет, что-то пробуждается в нас, при воодушевлении, фантазии, в любом виде искусства. Ариман вполне правомерно действует в материи, отвердении. Но обе духовные силы занимают своё место в мировом плане не только благодаря вышеописанным положительным аспектам, но и из-за своей роли противоборцев, без которых человеческая свобода была бы невозможна.

Однако если двойственная сила зла, сила дьявола и сатаны, сплывается в единство, что описано на примере дракона в 12 главе Апокалипсиса (12, 13-18), то возникает впечатление, что за ними стоит третья, гораздо более мощная власть, абсолютное зло. В Апокалипсисе это Зверь, чьим символом является число 666 (Апокалипсис, 13, 18)

Но столь ли очевидно, так уж само по себе явно то, что описанные здесь силы зла представляют собой конкретных духовных существ? Не может быть и речи о не критическом принятии этого факта; эта проблема нуждается в специальном тщательном рассмотрении. В антропософии духовный мир изображается как дифференцированный, многообразный, состоящий из высших и низших существ. Для материалистически ориентированной науки, для поверхностных суждений, для обыденного мышления это может казаться плодом бездоказательной фантазии. Для того, кто добросовестно изучает эту проблему, сверяясь с жизнью, с историей, эти спиритуальные данности становятся пот крайней мере пригодными к употреблению, в высшей степени убедительными идеями, которые с тем же, или даже с ещё большим правом, нежели другие идеи, могут служить для решения многочисленных загадок нашего бытия.

Если мы будем рассматривать процесс против тамплиеров с точки зрения проявления злых сил, то описание сведется к следующему: в начале 14 столетия действовал сильный ариманический импульс, чьим орудием был король Франции Филипп IV. Под воздействием этого импульса орден тамплиеров и его репутация были уничтожены вплоть до нашего времени. То, что Филипп IV действительно мог быть орудием в руках Аримана, объясняется тем, что у него был особенно развит один из человеческих пороков: алчность. Проклятие священного солнечного металла,

золота было так сказать "вытравлено" напечатлено в душевной конфигурации Европы вследствие событий 1307-1314 гг. по Р.Х. Уничтожение Ордена тамплиеров и всё, что вследствие этого произошло, было прямым ударом по эзотерическому христианству. Если мы рассматриваем тамплиеров как "посланцев Св. Грааля", то это нападение можно считать импульсом антиграаля.

Мы наблюдали историю Грааля на ранних, предшествующих стадиях, которые восходят к дохристианским мистериям; точно также должны мы искать в прошлом импульс антиграаля, чтобы понять, как его позднейшее действие подготавливалось. При этом важно знать, что зло возникает в том случае, если благо, добро, сдвигается во времени, то есть выступает или слишком рано, или слишком поздно. Духовные силы, которые на некоторой стадии эволюции служат поступательному развитию, прогрессу, становятся помехой, тормозом, если они хотят в более позднее время утвердить нечто более раннее. Такое задерживающее влияние может носить люциферический или ариманический характер. Так даже в наше время ещё ощущается влияние из Древней Атлантиды. В Азии оно имеет люциферический, а в Америке - ариманический характер. И то, и другое действовало ещё в дохристианское время, распространяя влияние вплоть до Европы, хотя явно обнаружили своё лицо лишь в христианскую эпоху. Азиатское влияние переживалось как монгольское нашествие; американское - после открытия Америки в 1492 г. - переживается совершенно иным образом. Надо подчеркнуть при этом, что вследствие американского влияния в действие вступают не только злые, но и положительные аспекты, так что, указывая на эти вещи, не следует впадать в антиамериканизм.

Все проявления зла разоблачаются, когда на них падает свет Существа Христа. Когда Христос спустился на Землю, Его явление вызвало сопротивление, так что противодействующие власти выступили с полной силой. Христос ведь не устраняет воздействия Люцифера и Аримана, он преодолевает их, высвечивая Своим светом их сущности. Зло становится видимым для пронизательного человека, и только это даёт человеку свободу; или отказаться от этого зла, или сознательно следовать ему. История христианства, однако, показывает нам, что эта пронизательность по отношению ко злу, способность увидеть зло, даётся нелегко.

Хорошо известно, что в первое время христианство боролось с двойным противником: с люциферической силой в виде декадентских мистериальных культов, с туманным, древним оккультизмом, сибиллианством, язычеством, магией ит.п. В качестве второго противника выступала власть, "князь мира сего", сосредоточенная в Римском императоре. Из апостольской истории мы знаем, как эти силы зло преследовали первые Общины в Палестине, Сирии, Малой Азии. Но эта атака носила внешний характер; по отношению к ней первые христиане ещё могли защищаться именем Господа, Который преодолел обе эти силы, хотя им, христианам, часто приходилось ради этого жертвовать своей жизнью. Но вскоре мы наблюдаем, как противодействующие силы внедряются в ряды самих христиан, неослабно действуют уже оттуда.

Относительно этих внедрившихся врагов церковная история сохраняет лишь один аспект - люциферический. Он проявляется в сектах, в течениях гностического типа, в "Зересях", пропитанных деградировавшей сущностью мистериальных культов. Всем им должна была указать на дверь та Церковь, которая в начале 4 века стала, благодаря св. Константину Великому, признанной. Однако скрыто в ней действовали ариманические враги, которые сумели незаметно в Церковь древний "анти-дух" Рима. (По Р.Штейнеру Римской церковью овладел Дух древнего Рима, Римской империи, Архай Древнего Рима - примечание переводчика) Это влияние особенно сказалось в юридическо-организационных формах, а также в импульсе римской императорской власти; оно - это влияние - перешло от Императора как Верховного Жреца (*pontifex maximus*) к епископу Рима, Римскому Папе.

Данте указывал на ариманический импульс Римской церкви; он боролся против наличия светских владений у папства, восходящих к "дару Константина"; ведь именно из-за этого волчица алчности проникла в церковь.

Вскоре после возникновения церкви исторические описания стали принимать баснословный характер *fable convenue*, так что от всеобщего обозрения остались скрыты те группировки людей, которые с 4 столетия поставили себе задачей уничтожить всё, что связывало христианство с мудростью истинных мистерий. Рудольф Штейнер указывал на эту "коллегию антиграаля" (ПСС, т. 127), и в качестве её местопребывания он называл Среднюю Италию. Их этого тайного центра исходила огромная сила, власть. Вследствие преступных действий этих людей были уничтожены не только языческие сочинения, храмы, произведения искусства; особенно искоренялись сочинения, носившие эзотерический христианский характер. Об одном из них рассказывает нам Рудольф Штейнер как о значительнейшей поэме, поэме о событиях в Палестине, поэме, в которой Существо Христа изображается в качестве Великого Солнечного Духа, Который соединился с человеком Иисусом из Назарета через голубя.

Всякое знание о связи Христа с космическим миром Солнца хотели искоренить: таково было намерение сил антиграаля внутри церкви. Их злодеяние привело к тому, что император Юлиан Клавдий Флавий (Апостата) (361-363 гг. по Р.Х) был устранён. Этот Император был посвящён в Элбвзинские мистерии, но ни в коем случае не был врагом христианства. Но в формах

"Константиновского христианства" он не мог найти то, что искал.* *(Константин Великий на 1 Вселенском Соборе в Нике поддержал Афанасия против Ария, но спустя несколько лет принял крещение от арианского епископа Евсевия Никомидийского, воспитателя будущего Императора Юлиана. Сын Константина Констанций был арианином, при нём дьякону Афанасию пришлось скрываться - примечание переводчика).* Юлиан хотел обрести более глубокое знание о Солнечном Существо, нежели то, которое могла ему предоставить церковь. Он отправился на Ближний Восток, где надеялся встретить остатки древней мудрости Заратустры.

Область, в которую он вступил (Месопотамия, Ирак) со своими римскими легионами, была полем деятельности Мани (*Мани был казнён за 70 лет до рождения Юлиана - примечание переводчика*). Если бы Юлиан столкнулся с манихейством, что вполне могло тогда произойти, ему бы открылось то, что в этом эзотерическом христианском потоке с полным пониманием прозревали связь Христа Иисуса с Солнечным Духом. Но встрече Юлиана с учением Мани помешали. Рукой неизвестного было пущено копьё, которое убило его - убийца совершил деяние, угодное "коллегии антиграаля". *(Известно, что персидский Царь Шапур приказал тому, кто сразил Юлиана копьем, явиться за наградой: никто из персидского войска не явился. Современник Юлиана Аммиан Марцелин пишет, что в убийстве Юлиана подозревали христиан. - примечание переводчика).*

То, что здесь мы имеем дело с сильной антихристианской властью, следует из одного особого замечания Р.Штейнера, сделанного им на эту тему; он указывает, что из-за махинаций этой коллегии, бывшей орудием Аримана, Христос в сверхчувственных сферах должен был претерпеть второе распятие.

Вышеописанные подробности были всего лишь подготовкой к сильнейшей атаке в середине седьмого столетия. Здесь мы соприкасаемся с радикальной антибожественной силой, которая в Апокалипсисе Иоанна обозначена числом 666.

В главе 2.5 в связи с Аристотелем описывается один город новоперсидского царства, где была основана одна влиятельная Академия. Город называли Гондишапур - это то же самое место, где Мани умер в тюрьме, и где его тело было выставлено на позор на городских воротах на всеобщее обозрение. *(По другим данным Мани подвергся исключительно жестокой казни: с него заживо содрали кожу и сожгли его. Кожу набили соломой и выставили на обозрение. См. например Энциклопедия мистиков, мудрецов и магов, Беренс, изд. Миф 2003 г).*

В Гондишапуре, прежде всего съезжались те философы, которые как представители языческой философии и науки были изгнаны из Восточной Римской Империи (Византии) в 529 г. по Р.Х при Императоре Юстиниане I. Они постепенно содействовали тому, что Гондишапур превратился в блестящий центр эллинистической культуры, где особенно расцвела астрология, астрономия и медицина. Именно отсюда к 666 г. по Р.Х было предпринято внешнее наступление зла на человечество. Благодаря своим спиритуальным исследованиям Р.Штейнер смог установить, что по отношению к человечеству планировалось в этом году со стороны власти, обозначенной в Апокалипсисе числом 666. Из Гондишапура должна была распространяться тонкая, рафинированная интеллектуальность, для того, чтобы часть человечества проделала преждевременное, ускоренное развитие, которое должно было привести е уже тогда к тому состоянию сознания, которое существует ныне. Вследствие такого преждевременного развития души сознательной у одной части людей, которая должна была в ходе времени сильно влиять на других, человеческая душа оказывалась столь сильно ориентированной на земное, что стала бы целиком и полностью прикованной к материальной технике. Тем самым человек был бы отрезан от развития своего высшего "Я" и , как своего рода "эго-робот" подпал власти "Зверя".

Эти намерения зла не сбылись, точнее, они были достигнуты лишь частично. Это случилось благодаря тому факту, что Христос ускорил Своё явление на Земле ради отражения этой дьявольской атаки. Первоначально определённое время приходилось точно на середину четвёртого послеевангельского периода, но оно было сдвинуто на 333 года раньше. Ускорение Мистерии Голгофы оказало на всё человечество духовное влияние, благодаря действию которого душа человека стала менее сильно связана с телом и более сильно - с духом. Вследствие этого опасность от 666 хотя и не была устранена, но, по крайней мере, уменьшилась.

Была и ещё одна причина, почему атака дьявола могла быть отчасти отражена. Это наступление арабизма. Хотя арабы, арабский народ до некоторой степени стали на службу Гондишапура, его импульс был в то же самое время ослаблен. Арабы, захватившие во второй половине седьмого века новоперсидское царство, жадно впитывали блестящую учёность Гондишапура и распространили её по всему свету. Они в академии Гондишапура придали мудрости Аристотеля чрезмерно интеллектуальный характер, и, тем самым создали основу для позднейшей европейской материалистической науки. О том, насколько предвосхитили арабские учёные, - особенно в мавританской Испании, - нашу сегодняшнюю науку и технику, мало кто знает, ибо эта учёность вытекала именно из этого импульса преждевременного развития, исходившего из Гондишапура.

Но в каком отношении арабы уменьшили, ослабили указанный импульс? Надо представить себе,

какой убийственной силой могла бы стать запланированная интеллектуальность неумолимой, железной остроты, и ледяного холода? Однако дурманящая, фантастическая душевная жизнь арабов - а также и магометанского богослужения - содействовали смягчению этого экстремального импульса 666.

Но даже несмотря на это, влияние зла возрастало с чудовищной силой. Рудольф Штейнер указывал на то, что именно с тех пор в каждом человеке засело жало атеизма. Отрицание Бога внедряется в человека как болезнь. Решением восьмого мнимо-вселенского Собора в Константинополе в 869 г. по Р.Х дух был упразднён, что следует рассматривать как фатальное следствие импульса Гондishaпура. "Коллегия антиграаля" в Риме, которая и тут приложила руку, ещё задолго до 666 года по Р.Х служила злу.

Теперь мы должны спросить: не было ли здесь, наряду с вышеописанной ариманической атакой, ещё и люциферического удара? Это действительно имело место. В девятом веке по Р.Х свою инициативу проявляла "Коллегия антиграаля", что отразилось в более поздних поэтических традициях. Всё, что описывает Кретьен де Труа как волшебное царство Шастель Мервиль с его искушениями и ужасами, несомненно носит люциферический характер. В данном случае мы соприкасаемся уже не с железно-ледяным холодом мертвящей интеллектуальности, но с жаром удовольствий и вожделений. Вследствие преступных деяний этой силы король Грааля Амфортас страдает от своей неизлечимой раны, нанесённой ему отравленным копьем в нижнюю часть тела. Таинственный правитель волшебного царства, маг Клингзор, выведен на театральные подмостки в музыкальной драме Рихарда Вагнера; у Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха он всё же остаётся скрытым за кулисами, о нём только рассказывают. Герой Гавен в легендах о Граале становится господином Шастель Мервиль, так как ему удаётся преодолеть испытания и ужасы этого царства. Тем самым читателю указывают на то, что в этом царстве Клингзора всё дело в том, чтобы господствовать над вожделениями и страстями собственной души, чтобы научиться преодолевать их. Но всё это не исключает того, что и здесь имела место объективная, исторически подтверждённая деятельность антиграаля, связанная с фигурой Клингзора.

Вероятнее всего, исторической фигурой, стоявшей за Клингзором, был Ландульф II, герцог Капуи, который жил в IX веке по Р.Х. и пользовался расположением императора Людовика I (1). Его брата Пандо арабы, уже в 827 г. захватившие Сицилию, вызвали в Апулию; Ландульф тоже был до известной степени связан с арабизмом. Легенда о Граале говорит именно о Клингзоре и его романе с языческой королевой Иблис. Её супруг оскотил Клингзора, когда застал в объятиях своей жены. Следствием этой кастрации стала глубокая ненависть Клингзора как к мужчинам, так и к женщинам. Всё это происходило в замке Калот Балот или Кальта Беллота, расположенном в одном местечке на юго-западе Сицилии. "Иблис" - это, однако, исламское имя Люцифера. Эту местность мы должны рассматривать как оккультный центр, исходя из которого, велась борьба со св. Граалем. К Клингзору прилагалось второе имя - "колдун", "волшебник"; тем самым указывалось, что он использовал чёрномагические силы. Он был связан с Ариманом, ибо последний является мастером чёрной магии.

В сфере зла нет самостоятельного волеизъявления, произвола. Всё от начала до конца происходит по заранее немеченому плану. Будущее задолго до наступления заранее подготавливается. Все ходы на шахматной доске мировой истории тщательно взвешиваются с помощью совершенных логических умозаключений. Из этой сферы происходит то, что называют детерминированным мышлением. И всё же и Люцифер, и Ариман раз за разом обманываются в своих ожиданиях. Сначала кажется, что зло победило, но при более тщательном рассмотрении оказывается, что победа не полная, так что иной раз результатом античеловеческих усилий зла оказывается более высокий уровень человеческого бытия, результатом оказывается то, что человеческая эволюция делает ещё один шаг вперёд. Но, несмотря на свои разочарования, силы зла не отступают. В первой инстанции свобода означает богооставленность, так что человек, преуспевая в свободе, становится всё более податливым для зла. Зла никогда не импровизирует. Уже за столетия загодя готовит оно свои мероприятия.

Удар, уничтоживший Орден тамплиеров был ритмическим повторением импульса 666. Если взять это число как число лет (тогда оно имеет иное оккультное значение), то его последующими датами будут 1332 г. и 1998 г. (12).

Уже указывалось на то, как сработала дьявольская проницательность Филиппа IV, как был нанесён удар по Ордену тамплиеров. В этом можно узнать исключительную интеллектуальность импульса Гондishaпура; она в первую очередь направлена против мышления человека. Ледяной холод интеллектуальности создал для людей предпосылку полностью эмансипироваться от божественного мира. Эта интеллектуальность, умственное грехопадение укоренилось повсюду в наше время, но уже тогда оно было тщательно подготовлено.

Второй удар был нанесён не столько по мышлению, как по чувству. Рыцари тамплиеры, конечно, не отличались учёностью, это были люди, строившие всю свою жизнь на основе сил сердца. Зло должно было направить теперь свой удар на мистерии золота и мистерии крови, которые охраняли тамплиеры, направить удар так, чтобы лишить эти мистерии святости и обратить в свою

противоположность. Мы видим, что здесь действия зла коренятся в сфере чувства: клевета, стремление обесчестить и опорочить честных, благородных рыцарей проникло в чувства последующих поколений.

Кроме того, зачатки христианского социального устройства долгое время оставались бесплодными.

В качестве позитивного влияния этих событий мы можем рассматривать то, как христианско-эзотерическое течение, заторможенное в социальной жизни, нашло выход в имажинативном мире поэзии, как это произошло в случае Данте. Возникли также романы о Св. Граале.

Между тем уже шла подготовка к обновлению христианских мистерий для нового времени. Это связано с именем Христиана Розенкрейца.

Третий удар со стороны зла мы переживаем теперь, в 20 веке - это удар по силам воли. Силы из волевой сферы материального мира будут раскованы. В этой третьей атаке можно будет опознать и две других, хотя их воздействие имеет теперь глобальный характер. То, что в предшествующие времена подготовлялось на Востоке и Западе и заявило о себе в конце средневековья - как нашествие монголов, - а к началу нового времени - как открытие Америки, - привело теперь к острейшим, гигантским противоречиям между восточным и западным миром.(3)

6.2. РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

Если мы задаёмся вопросом: продолжился ли духовный импульс тамплиеров, то ответ на это будет, с одной стороны, очень прост, но с другой - крайне сложен. В любом случае легко доказуемое продолжение Ордена тамплиеров можно найти в португальском Ордена Христа (Christusorden). Этот Орден, чьим наиболее замечательным Великим Магистром был Генрих Морепплаватель (*португальский принц и Магистр Ордена Иисуса Христа с 1420г. примечание переводчика*), представлял собой не только прямое продолжение Ордена тамплиеров, но и своего рода обновление его. Он, во всяком случае, внёс свой вклад в то, что в новое время акцентируется экономика, даже мировая экономика, отчасти благодаря открытию морского пути в Индию. Когда же в конце 15 века был проложен морской путь на Запад, изначальный импульс Ордена Иисуса Христа не только утерял свою действенность, но и обратился в свою противоположность. При открытии Америки испанцами жажда золота проявилась во всю силу. Это был триумф "волчицы алчности".

Другие рыцарские Ордена, существовавшие ещё тогда, когда Орден тамплиеров был мощным - Госпитальеры или Иоанниты, испанский Орден Сант-Яго и Орден Калатравы, а также различные похожие братства активно продолжали вести борьбу против мавров или турок. Однако их уже нельзя считать носителями продолженного эзотерического потока, который присутствовал в импульсе тамплиеров.

Мы уже видели, что первый португальский вице-король Индии, Франциско де Альмейда посчитал необходимым скрыть от Ордена Сант-Яго важное эзотерическое сокровище, судьба которого была в его руках.

Но в то время, как в Ордена Золотого Руна рыцарские идеалы в Европе ожили в последний раз, готовя правителей к новому времени, произошло скрытая метаморфоза христианской мудрости; это произошло в розенкрейцерском течении.

Известно, что некоторые писатели из франкмасонских кругов высказывали мнение, что между тамплиерами и масонами существует прямая связь. Истинность такого мнения можно признать лишь в том случае, если исследовать источники масонства. Но даже тогда прямую связь можно отыскать лишь с трудом. Но не прямые связи духоиспытатель откроет в оккультной истории, если направит свой взгляд на стражей Грааля и, особенно на таинственную фигуру Христиана Розенкрейца.

Но по отношению к нему, как и ко всему розенкрейцерству распространяется клевета и неверное понимание в ещё большей степени, чем по отношению к тамплиерам. Помимо существующей научной или полу научной литературы на эту тему, которая упускает из виду суть предмета, ввиду отсутствия о нем письменных документов, нынешние, называющие себя "розенкрейцерскими" союзы немало содействуют дурному или искаженному имиджу изначального розенкрейцерства. Чтобы избежать таких заблуждений, надо обратиться за советом к точной науке посвящения, данной Рудольфом Штейнером.

Уже в средние века готовилось то, что затем в пятом послеатлантическом периоде должно было воодушевить главный поток человеческой эволюции: с одной стороны это естественнонаучное исследование космоса и природы, а, с другой стороны - поиск связи с Божественным миром посредством личной религии. Но надо было позаботиться и о том, чтобы эта естественная наука и личная религия, которые в наше время приняли крайне материалистический характер, позднее снова смогли проникнуться спиритуальным потоком, к которому человек мог бы свободно примкнуть.

Этот спиритуальный поток приходит из непрерывно продолжающейся христианской мистерии.

Именно благодаря ей появляются неожиданные новые возможности. Например, у человека развиваются способности, с помощью которых он учится овладевать жизненными силами так же, как сегодня он уже распоряжается механическими силами природы. Последнее мастерство, умение развилось на протяжении тысячелетий благодаря стремлениям и борьбе сынов Каина. Возникли науки, искусства, государственные учреждения, при этом люди мало помалу научились обрабатывать природные субстанции, придавать им форму; все большие сооружения, все технические открытия, а также вся скульптура и живопись, возникавшие на протяжении разных столетий, точно так же как и общественные учреждения, правила и законы - всё это покоится на овладении физическим, неорганическим миром. Основные столпы культуры - мудрость, красота и сила несут человеческий отпечаток. На них с незапамятных времён возводят свою постройку франкмасонские братства, вольные каменщика. При этом не играет роли, носят ли они этот титул внешне, или нет

Но овладение жизненными силами ещё только предстоит. Первые его зачатки должны быть развиты в наше время, причём именно в социальной жизни, в общественной жизни. Сначала надо придти к воззрению, что само по себе овладение неорганическими силами не несёт социальной жизни людям ничего позитивного. Только на основе жертвенного принципа Грааля, в котором оживает и импульс тамплиеров, могут быть развиты социальные силы. Начиная с нашего времени, должен быть преодолен односторонний мужской принцип, который играл решающую роль при овладении силами мертвой материи. В существе женщины заложены будущие силы живого, тогда как мужчина должен приложить особые усилия, чтобы вовлечь их в свою сферу.

Изначальное масонство, тамплиерство и розенкрейцерство исключительно тесно связаны друг с другом: все три хотели быть духовными и социальными движениями, несущими главный эмоциональный поток; тем самым они хотели служить прогрессу человечества. За ними, а также и в их рядах стояли в качестве инспираторов великие посвящённые мастера, принадлежавшие к Великой Белой Ложе человечества, которую можно было бы назвать Ложей Грааля.

Одной из таких индивидуальностей является Хирам Абиф, с которым мы уже познакомились в главе о Фениксе и в главе о строительстве Храма. Он родился вновь как "Ученик, которого любил Господь", как Лазарь, которого посвятил Сам Христос; Он пробудил его от смертельного посвятительного сна, продолжавшегося три с половиной дня. Уже как Иоанн он пережил христианское посвящение - мощный духовный опыт, изложенный им в книге Апокалипсис (Откровение). Позднее в своём Евангелии он описал семиступенчатый путь к этому посвящению.

Подготавливая свою будущую миссию, эта индивидуальность инкарнировала в восьмом столетии по Р.Х. как Хараберт или Гериберт Лаонский, чья дочь Берта "с широкими ступнями" стала матерью Карла Великого. О Хариберте как исторической личности сохранилось очень мало, но легенда, сложенная о нём относится к наиболее излюбленным иджиллическим рассказам средневековья. Это роман, повествующий о "Флор и Бланшфлор" В образе юноши Флора, который то теряет, то снова находит свою невесту Лилию, мы, как и в случае Парцифаля должны искать одного из величайших посвящённых человечества.

Легенда происходит из Прованса, родины Киота, вдохновлявшего Вольфрама фон Эшенбаха; Киот пришёл не с Востока, как это часто утверждают. Флор или Флор не был сыном христианского короля; легенда приписывает ему происхождение от мусульманских родителей, или, как это тогда говорили, от язычников. Его отца звали Фенус или Феникс (тот самый Феникс) и правил он в Испании. Без сомнения, тем самым указывается на мотивы, родственные мотивам Грааля. Бланшфлор - дочь одной христианки, попавшей в плен. Она графского рода, однако, при дворе короля Феникса она считается рабыней, несмотря на хорошее расположение королевы.

Любовь между Флором и дочерью рабыни так сильно беспокоила короля Феникса, что он хотел приказать, чтобы её убили. Но его супруга заступилась за неё и предотвратила это убийство. Вместо этого прекрасная девушка была продана в рабство проезжим купцам. Они увезли её на Восток, где её увидел эмир Вавилона. Там её, вместе с другими его жёнами держали взаперти в одной известной башне посреди города. Эмир воспылал к ней страстной любовью из-за её необычайной красоты и любезности и хотел даже сделать её своей королевой.

Граждане, которые продали Бланшфлор восточным купцам, получили за девушку бесценные сокровища в качестве цены. Среди них находился золотой гребень, на котором была искусно выгравирована история Елены и Париса. Между тем, кто-то сообщил Флору, что Бланшфлор будто бы умерла и привёл его к её могиле. Он хотел убить себя от горя, но ему удалось узнать, как всё было на самом деле.

Флор отправляется на поиски своей любимой, он берёт с собой и гребень, и именно этим даром он подкупает стража, который пускает его в гарем, спрятав в коробке со свежими розами.

Когда же его обнаружили, эмир хотел собственными руками убить влюблённых, но благодаря совету одного мудрого своего вассала, который был тронут красотой обоих и их пламенной любовью и верностью, король передумал. Он простил их и разрешил помилованным вступить в брак. Флор и Бланшфлор оставили эмира и вернулись назад в свою страну. Между тем король Феникс скончался, Флор стал христианином, а вместе с ним и все его подданные.

За этой милой историей любви скрывается многое. В образах, которыми столь богато и таинственно насыщен красочный и радостный рассказ, то, кто доверяет подобным вещам сможет распознать алхимические мотивы. Там описывается и пустая гробница Бланшфлор, и волшебный конь, на котором скачет Флор, и женская башня эмира. Даже гребень с рельефом из жизни греческой Елены не случайно встречается в рассказе. Елена - это Селена, лунная богиня, которую из-за её красоты похищают на Западе (в Греции) и увозят на Восток (Троя, Малая Азия). В то время как её возвращают обратно лишь в ходе яростной войны, во всей истории о Бланшфлор демонстрируется только сила любви. Тут нет мощного флота с грозными героями; всего лишь слабый юноша, почти ещё мальчик, невинный как ягнёнок. И он отваживается освободить её.

Здесь, как и в случае символики Грааля, лунная сущность (белая Лилия) хочет соединиться с солнечным существом (красная роза). Этот чистый, ещё не эгоистический элемент мудрости, подобный серебряному зеркальцу девушки, эта целомудренная красота Лилии, происходят из уже истекшей эпохи мистерий, из небесных сфер. Это лунное существо удивляет благородную душу восточного человека, тогда как красная роза с Запада символизирует горячую личную любовь, которая может расцвести на Земле, которая может влить новый поток духовных сил в безличный элемент мудрости.

Почему эти дети так полюбили друг друга? Они были рождены в один день, в пальмовое (Вербное) Воскресение, в день, когда Христос въехал в город, в котором должно было свершиться его великое жертвенное деяние любви.

В сказании о Флор и Бланшфлор лежит не только зачаток легенды о Парцифале, в ней заложен первоисточник всего, что в истории Европы связано с глубокой символикой лилии и розы. И нова в этой легенде очень большое значение играет движение с востока на запад и с запада на восток.

Вальтер Иоаганн Штейн предполагает, что первое посольство Пипина Короткого, отца Карла Великого, посланное ко двору арабского халифа Аль-Мансура в Багдаде состоялось благодаря инспирации посвящённого Флоса. Он стремился не только к политическому союзу с Восточным Халифатом; в большей степени он искал связи с арабским Востоком для того, чтобы спасти для Европы ещё сохранявшуюся на Востоке сущность мистерий. (4)

Связь существа древних мистерий с христианской любовью, христианской мистериальной мудростью, часто принимала форму народных сказок. Известно, что Берта, дочь Флора и Бланшфлор, получившая также прозвище "Берта с гусяными лапками" - в голландском народном предании "матушка гусыня" - эта Берта была легендарной сказительницей. Определенные эзотерические потоки, такие как катары, тамплиеры и розенкрейцеры распространяли мудрость в народе именно в сказках. Короткие сказания первоначально рассказывались не только детям, но и взрослым, а иногда только взрослым. В имажинативных образах людям сообщались учения большой глубины и красоты, наполненные легким юмором. Это - помимо того, что преподносилось в церкви - становилось учебным материалом для воспитания народа.

"Берта с гусяными лапками" рассказывала такие сказки. А поскольку с Бертой связан такой легендарный образ великого христианского посвящённого, стоящего, предположительно за образом юноши Флора, это указывает на эзотерический источник сказок Берты. В более раннее время люди ещё имели смутное представление об этом источнике, в то время как позднее, когда братья Гримм и другие стали записывать эти сказки, эта связь была потеряна. Благодаря такому забвению целительное действие этих сказок могло на протяжении ряда столетий беспрепятственно распространяться всё дальше и дальше, так что, будучи записаны в 19 веке, они, слава Богу, стали доступны нам сегодня.

Вследствие того, что наша нынешняя культура очень далеко отошла от данной проблемы, нам зачастую остаётся неясным, как сильно средневековая культура была ещё пронизана элементом эзотерики, несмотря даже на то, что уже не было мистериальных посвящений, таких, как в древности. Совсем маленькие братства вели скрытый образ жизни, непроницаемый для исследователей истории; отдельные посвящённые как "Божий друг из Оберланда", инспиратор христианской мистики, а также широко известные учителя из Кюни, Шартра, ранние схоластики - они тоже в некотором смысле черпали из скрытых мистериальных источников. Тамплиеры, алхимики, поэты, мастера-строители кафедральных соборов, и все, несущие в себе потребность в сверхчувственном познании, смогли удержать связь между старым и новым временем. В то же время должны были появиться совершенно новые спиритуальные пути, а это новое могло осуществиться только в том случае, если старые пути в духовный мир на некоторое время будут совершенно закрыты. Рудольф Штейнер указывает на 1250 г. по Р.Х. как на момент такого закрытия (ПСС, т. 15) (Астрономическое значение этого года, непосредственно связанное также с историей, мы здесь рассматривать не будем)

На короткое время высшие посвящённые на Земле не должны были больше иметь никаких духовных восприятий. Они могли иметь только воспоминания, связанные с их более ранним посвященным опытом, или опытом, полученным в более ранних инкарнациях.

Новые возможности духовного опыта открылись вновь благодаря индивидуальности, с которой мы уже познакомились как с Хирамом - Иоанном - Флором. Эта индивидуальность с момента

своего нового посвящения стала именоваться Христианом Розенкрейцом (ПСС, т. 130).

Около 1250 г. по Р.Х в Средней Европе жило 12 мудрецов, которые были призваны стать носителями нового христианского эзотерического импульса. Семь из этих двенадцати было посвященными Древней Атлантиды; они действовали тогда в оракулах, посвященных различным планетарным божествам под водительством великого духа Ману. Как семь Риши, древних учителей древне-индийской культурной эпохи они снова стали учениками Ману. В них сконцентрировалась вся космическая мудрость Атлантиды. Они могли пробуждать её в своей памяти. Четверо из двенадцати были представителями четырёх послееатлантических эпох, культурных периодов - древнеиндийского, древнеперсидского, египетского и греко-латинского. Двенадцатый был, главным образом интеллектуалом, он владел знанием своего времени, но благодаря своей сильной интеллектуальности являлся также представителем следующей (ещё не наступившей тогда) пятой эпохи, то есть нашей эпохи.

Эти двенадцать мудрецов встретились для того, чтобы руководить тринадцатым; это было индивидуальность, которой предстояло пройти посвящение. Ещё ребенком он был передан на попечение двенадцати, которые передали ему свою мудрость. Каждый из них был глубоко проникнут христианством, но они сознавали то, что внешнее церковное христианство является искаженным образом истинного христианства. Каждый из них мог осветить один из аспектов христианства, исходя из своей специфической мистериальной точки зрения. Их общие стремления были направлены на слияние потоков мудрости, исходящих от каждого из них в отдельности. Они видели вою цель в синтезе всех религиозных и мировоззренческих направлений человечества, а для этого им был нужен тринадцатый.

Между тем ребенок становился юношей, не имея иных соприкосновений с миром, кроме опеки и обучения со стороны его двенадцати учителей. Он воспринимал всё с величайшей серьезностью и величайшей внутренней глубиной. Юноша принял посвящение. Оно воздействовало на него вплоть до самых глубин физической конституции. Он больше не принимал никакой пищи и впал в состояние подобное смерти, которое продолжалось три дня. При этом его тело стало совершенно прозрачным. Рудольф Штейнер пишет об этом (ПСС, т. 130):

"Тогда произошло событие, которое было единственным в истории. Это было одно из тех событий, которые могут наступить, если макрокосмические силы - ради плодов, которые должно принести событие во времени - действуют совместно".

Во время мнимой смерти двенадцать мудрецов образовали вокруг него круг, и в кратких мантрических изречениях изливали свою мудрость тринадцатому. Через некоторое время юноша был пробужден от смертного сна. С ним произошло глубокое преобразование. Его душа была как бы заново рождена из гармонического созвучия двенадцати мудростей. Его вновь ожившее тело было необычайно прозрачно, оно сияло.

Двенадцать мудрецов теперь воспринимали свою мудрость заново из уст тринадцатого, юноши. Она была дана ему Самим Христом в новой форме. В течение своего посвятельного сна он, как апостол Павел перед Дамаском имел переживание Христа. То, что теперь он открывал своим учителям, они называли истинным христианством, синтезом всех религий и мировоззрений.

Юноша этот умер вскоре после этой наиболее священной мистерии, которая совершалась благодаря ему. Двенадцать мудрецов посвятили свою жизнь тому, чтобы записать ту мудрость, которую они восприняли из уст юноши. Это можно было записать лишь с помощью символических образов и фигур, которые указывали на сверхчувственное, имагинативное содержание. Только к концу 18 столетия эти символические фигуры розенкрейцеров появились в форме книги.

В результате посвящения, качестве плода, эфирное тело посвящаемого после его смерти сохранилось; оно не растворилось в мировом эфире, как это в обычном случае происходит у людей. Это эфирное тело могло теперь инспирирующим образом действовать от Земли и на Землю; действовать не только на двенадцать мудрецов, но и на их учеников и последователей. отсюда и возникло розенкрейцерское течение.

Немного больше века после тех событий, которые разыгрались в полной тайне, индивидуальность тринадцатого воплотилась снова. На этот раз он жил свыше ста лет (1378-1484 гг. по Р.Х) и с тех пор именуется Христианом Розенкрейцом. Это мистериальное имя, и поэтому его нельзя найти в реестровых книгах о крещениях. Вначале он был воспитан подобным образом, как и ребёнок в 13 столетии. Его учителями стали ученики и последователи тех изначальных двенадцати мудрецов, но на этот раз ребёнок уже не был так сильно изолирован от мира, как в тот раз.

Достигнув двадцати восьми лет, он отправился путешествовать на Восток. В Дамаске с ним повторилось то посвятельное переживание, которое имел апостол Павел. Непреходящее эфирное тело, оставшееся с 13 века снова пронизало его: он проникся им с тех пор на все последующие инкарнации, имевшие место в каждом столетии. Вследствие этого это эфирное тело, которое может инспирировать других людей и даже проникать в них, достигло блеска и силы. После того, как Христиан Розенкрейц в своих путешествиях на Восток и на Запад за семь лет полностью усвоил знания своего времени, он вернулся назад в Среднюю Европу, двенадцать

учеников, которые были наиболее развиты, взял себе в качестве братьев и начал с ними розенкрейцерское делание, розенкрейцерскую работу.

Конечно, для материалистического мышления и чувства, которыми в наше время повсюду обладают люди, трудно поверить описанному; понятно и то, что вначале из этого маленького круга посвящённых учеников ничего не проникало наружу. В книге "Fama fraternitatis", знаменитом розенкрейцерском сочинении Иоганна Валентина Андреа (1614 г.) сообщается нечто об истории жизни Христиана Розенкрейца в 15 веке. Но только благодаря трудам Рудольфа Штейнера непосвящённым стали доступны эзотерические подосновы розенкрейцерства. Важным обобщением изложенного выше - по лекциям Рудольфа Штейнера в Ньюкастле (1911г) (ПСС, т. 130) являются записи, коорые Р.Штейнер дал французскому писателю Эдуарду Шюре; это так называемые "Документы де Бара" (ПСС, т. 262) Там говорится:

"В качестве высшего градуса в этом течении рассматривалась инициация Манеса, который в 1459г. по Р.Х. посвятил Христиана Розенкрейца: она состоит в истинном познании функции зла. Это посвящение в своих подосновах должно ещё долгое время оставаться совершенно скрытым от большинства людей".

Тем самым указывается, что ранее упомянутый в этой книге эзотерический поток Манеса или Мани связан с розенкрейцерством.

6.3. ЭЗОТЕРИКА И МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

Вышеупомянутый "Документ де Бара" содержит следующее:

"Христиан Розенкрейц в первой половине 15 века отправился на Восток, чтобы найти равновесие между инициацией Востока и инициацией Запада. Следствием после его возвращения было дефинитивное основание розенкрейцерского направления. В этой форме розенкрейцерство должно было представлять собой строго удерживаемую в тайне школу для подготовки тех задач, которые эзотерика должна была поставить внешним образом к 19 или 20 столетию, когда естествознание подойдёт к предварительному решению определённых проблем. В качестве таких проблем Христиан Розенкрейц обозначил:

1. Открытие спектрального анализа, благодаря которому обнаруживается материальное устройство космоса.
2. Возникновение представлений о материальной эволюции в науке об ограниченном
3. Знание о наличии иных, помимо обычного состояний сознания, благодаря признанию гипноза и суггестии.

Только в том случае, если эти ползнания о материальном созреют как научные в сфере науки, надо будет открыто сообщать и некоторые розенкрейцерские принципы из области тайноведения.

Тем самым оказываются связанными важные вещи, которым мы должны уделить своё внимание.

Христиана Розенкрейца можно рассматривать как высшего, тайного "Рыцаря Христа" который действует в нашу эпоху как её духовный руководитель, вождь. Его течение несёт священный символ креста с розами; христиане должны направить свой взор от распятия к чёрному кресту с семью розами, должны идти от смерти к жизни. Но это выражение "к жизни" значит - идти через жертвенную смерть к воскресшей жизни, жизни Воскресения"

Розенкрейцерство основывается на единении восточного духа с духом Запада, оно является выражением метаморфозы течения Грааля и течения тамплиеров. Всё, что разделяет Восток и Запад, всё, что действует между Востоком и Западом поляризующим образом, противостоит принципам розенкрейцерства. Надо сказать и вот о чём: люди, что дух надо искать только на Востоке также действуют вопреки розенкрейцерским принципам, как и те, кто заверяет, будто дух - а именно дух Востока - всего лишь суеверие, что западное практическое материалистическое мышление превыше всего.

Розенкрейцерское течение должно было оставаться тайным до начала 20 века. Почему же так должно было быть? В течение пятисот лет (1400-1900гг.) наша эпоха должна была как следует узнать о материальной стороне мира. Этому знакомству не должны были мешать никакие оккультные силы: ведь именно от этого знакомства с материальной стороной мира зависела свобода человека. Водительство Христиана Розенкрейца состояло в том, чтобы зло, которое с необходимостью выступало вместе с материализмом и свободой, принять как необходимое, как должное, взяв тем самым на себя мученичество как "Подражание Христу".

Благодаря деятельности, скрываемой на протяжении 500 лет, он посылал в ходе мировой истории непрерывный эзотерический поток инспираций. Из него, с одной стороны возникли прогрессивные идеи внешней культуры, которые были всё же более или менее чужды духу; с другой стороны - смогли образоваться поистине целительные силы противодействия.

Благодаря спиритуальным исследованиям Р. Штейнера мы в состоянии заглянуть в эту

сокровенную деятельность. лишь проникшись большим благоговением и удивлением можно увидеть, в какой форме, в каких областях и посредством каких людей осуществлялась манифестация инспираций Христиана Розенкрейца. Само собой понятно, что розенкрейцерство, проявившееся через великих посвящённых вождей нашей эпохи, нельзя мерить обычными мерками. В каждом столетии инспирация становилась иной, поскольку того требовал исторический момент, меняющаяся актуальность.

Поток эзотерического христианства нельзя уложить в прокрустово ложе, нельзя представить в виде религиозного исповедания, ибо оно универсально. Вот почему для людей религиозных, воцерковлённых так трудно установить отношения с этой эзотерикой. Такой человек, по большей части сам того не осознавая подвергается одностороннему влиянию догматизма; он не видит христианства там, где оно присутствует больше всего, и где оно не заявляет о себе как вероисповедание. Другая трудность при выработке суждения о розенкрейцерстве состоит в том, что в ходе времён возникли как истинные, незапятнанные поборники розенкрейцерства, так и ложные розенкрейцеры. Особенно в 18 веке существовали розенкрейцерские союзы, франкмасонские ложи, алхимики, адепты, тайные союзы, круги иллюминатов, которые напряжённо боролись друг с другом, так как знали слишком мало, или вообще не знали истинных целей Христиана Розенкрейца. И всё же он, действуя в своей инкарнации как весьма спорная фигура графа фон Сен-Жермена, оказывал влияние на эти круги.

Как следует представлять себе это влияние, которое от одного столетия к другому принимало иные формы? В первую очередь следует рассматривать алхимию. Средневековая алхимия была христианизированным продолжением мистериальной мудрости древних. Алхимия в смысле пути посвящения была противоположна мистике. Старые алхимики больше не могли проникать к существам более высокого порядка, к так называемой космической интеллигенции, мировым разумам, действующим в звёздных регионах - это было возможно лишь для древних посвящённых античного мира. Зато они вступали в связь с духами природы, с элементарными существами огня, воды, воздуха и земли, с которыми они знакомились, изучая процессы природы. Эти существа говорили им о космических тайнах, они сообщали им глубокие познания о человеке и природе, так что алхимики могли действовать среди своих ближних как врачи, как целители. Тем самым они подготавливали естественную науку нового времени. В алхимии жило познание природы, или, лучше сказать природная мудрость, в которой чувственно-материальные процессы, проводимые алхимиками в своих лабораториях, связывались с моральной, внутренней жизнью человека. Природа и дух тогда ещё не шли раздельными путями. Получаешь впечатление, что посвящение, полученное Христианом Розенкрейцом в преклонном возрасте (1459 г. по Р.Х.), которое описано в сочинении "Химическая свадьба Христиана Розенкрейца" (1616 г.) было посвящением в загадки материи - носительницы зла. Но с другой стороны "Химическая свадьба" связана также и с социальным вопросом. К этому я вернусь позднее.

Первоначальное братство розенкрейцеров, основанное после возвращения посвящённого мастера в 15 столетии, состояло из маленькой группы алхимиков. Благодаря этим людям и их последователям Христиан Розенкрейц мог оказывать инспирирующее воздействие на истинную алхимию, как на христианский путь ученичества. Это происходило с 15 по 18 столетие; затем алхимия потеряла своё значение. Она должна была быть заменена чем-то другим.

Другой аспект розенкрейцерской инспирации, который иногда связан с только что названным, представляло собой его влияние на более или менее тайные братства. Среди них самыми известными являются ложи франкмасонов. В главе 3.5 уже указывалось на то, что храмовая легенда, игравшая столь важную роль в масонских ложах, восходит к Христиану Розенкрейцу. Но кроме масонов существовали совершенно никому не известные братства, которые посылали к людям своих посвящённых "миссионеров". Часто они выступали как незримые незнакомцы, которые ни своим внешним видом, ни речью, ни образом действий не отличались от других людей. Одного слова, одного короткого разговора с тем, к кому их посылали было достаточно, чтобы установить связь, которая вела к инспирации. Люди часто совершенно не осознавали значения таких моментов, а тем не менее, могли воспринимать важные как для них, так и для мира мысли, прозрения, втекавшие затем в ход исторических событий. Наиболее знаменитые, наиболее почитаемые мыслители и писатели того времени получали самое существенное для своей духовной работы благодаря таким невидимым встречам. Так было, например, с Вольтером, Жан-Жаком Руссо и с Лессингом (5).

Великие художники тоже получали сильное побуждение к деятельности от таких неизвестных. Сам Мастер или один из его братьев был тем, кто инспирировал Иеронима Акена (Иероним Босх) в его необычных произведениях, насыщенных эзотерическими образами. К Рембранту Ван Рейку приходил человек, учивший его тайнам света и мрака. Рембрант изобразил его как "Польского рыцаря" и "Рыцаря со щитом и копьём". Картина эта находится в Глазго. На этих картинах изображён Христиан Розенкрейц, во время своей голландской инкарнации в 17 веке.

Неизвестно, имел ли Уильям Шекспир личную встречу с Христианом Розенкрейцем, но все его сочинения проникнуты розенкрейцерским импульсом; Рудольф Штейнер называл этого великого

английского поэта одним из тех, кто ощущал инспирацию Розенкрейца. (ПСС, т. 167). То же самое имело место и с сапожником-философом Якобом Бёме, мистические труды которого оказали необычайно глубокое влияние на Среднюю Европу. Необычным образом розенкрейцерские инспирации получал и Френсис Бэкон, однако он обратил их в свою противоположность.(17). Учение Бэкона, "бэконизм", стал одной из важнейших опор современной материалистической науки. Её можно было бы рассматривать как верховного врага эзотерического христианства. Но такая характеристика не соответствовала бы розенкрейцерскому импульсу, который даже противодействующие силы вовлекает в процесс поступательного развития. Высший принцип, живущий в розенкрейцерском импульсе - а именно, манихейский принцип - учит, что избавиться от зла можно лишь тогда, если установить с ним некоторую связь. Можно было бы перечислить ещё более или менее известные исторические фигуры, в своих важнейших мыслях и деяниях побуждённых - прямо или косвенно - розенкрейцерским влиянием. При этом надо особо отметить, что оккультное влияние, под которое они подпадали сознательно или бессознательно, несколько не уменьшает их собственных заслуг и величия, ибо форма, в которую облекались инспиративные дары, всегда определялась их собственным талантом и трудолюбием. Они не проспали наития высших миров, но поставили себя им на службу.

Для того, чтобы измерить полный объём скрытой деятельности Христиана Розенкрейца было бы недостаточно отыскивать её лишь на физическом плане; мы должны обратиться также и к космическим областям. Рудольф Штейнер обращает наше внимание на то, (ПСС, т. 130), что развитие естествознания и, особенно, представлений Коперника о нашей Солнечной системе было задачей Христиана Розенкрейца. При этом Р. Штейнер в оккультной точке зрения высказал мнение об учении Коперника: как бы широко оно не использовалось в материалистическом мировоззрении, его, всё же недостаточно для понимания действительности, так как понятия, на которых опирается эта теория являются иллюзорными.

Для того, чтобы определить позицию христианского оккультизма по отношению к новой картине мира, Христиан Розенкрейц в конце 16 века собрал великих посвящённых, великих водителей человечества, независимо от того, были ли они в тот момент инкарнированы на Земле, или нет; собрал для того, чтобы обсудить этот вопрос. Среди этих духовных вождей находился также и Готама Будда, который после своего просветления хотя и не воплощался больше на Земле, но тем не менее продолжал свою высокую миссию на службе человечества, проявляясь в нефизических формах. Так он действовал в мистериальном центре на Чёрном море, где позднее его самым выдающимся учеником стал св. Франциск Ассизский. (см. глава 2.4) На собрании посвящённых Мастеров, Христиан Розенкрейц указал на большую опасность, которую он видел в том, что в будущем человечество разделится на две большие группы, у которых не будет возможности обоюдного понимания и отношений друг другом. Одна группа была бы проникнута материалистическим образом мыслей; она с помощью своего рассудка овладела бы внешним миром, занимаясь практической жизнью. Однако её воззрения о духовной реальности в мире носили бы в высшей степени иллюзорный характер. Другая группа стала бы жить своим внутренним миром, одухотворением, совсем в смысле Франциска Ассизского, но она полностью отделилась бы от земной, практической жизни. На Земле не осталось бы больше средств, чтобы препятствовать образованию второй группы, поскольку склонность размышлять в смысле Коперника приносится с собой из жизни, предшествующей рождению, из предрождения.

Между смертью в последней жизни и рождением в будущей жизни душа проходит планетарные сферы и берёт оттуда важнейшие импульсы и силы. С момента перехода от 15 к 16 столетию в сфере Марса господствовали такие силы - они, конечно, исходили от духовных существ - которые впечатлелись человеческим душам, проходящим через эти сферы совместно со стремительно мощными люциферическими импульсами. Эти души рождались потом с иллюзорными, призрачными мыслями о космосе.

В сфере Марса, в которой раньше человек всегда мог получать весьма позитивные силы, произошла демонизация, которая была подобна состоянию на Земле перед Мистерией Голгофы. Чтобы приостановить процесс дегенерации, на Марсе должно было быть совершено жертвенное деяние, подобно совершённом Христом в земной сфере.

Христиан Розенкрейц сообщил кругу водителей человечества, что духовное существо, действовавшее на Земле как Готама Будда, переносит свою деятельность в сферу Марса. Таким образом Христианом Розенкрейцом существо Будды было направлено на Марс. Там оно совершило то жертвенное деяние, которое можно сравнить со смертью Христа на Земле. Это произошло в 1694 г. по Р.Х. Так великий учитель внёс в сферу непримиримой агрессивности и яростной борьбы благотворное влияние сострадания и мира. Человеческие души, проходя через сферу Марса между смертью и новым рождением снова смогли получать из этой космической области позитивные силы. Тем самым было предотвращено фатальное разделение человеческих душ на две различные, односторонне развитые группы. То, что приводило на Земле к монашеству буддистско-францисканского типа, стало, начиная с 17 века приходить в упадок и изменяться, чтобы все люди в предрождении смогли воспринять антиматериалистические, целительные силы.

Импульсы материализма, которые были раскованы негативными воздействиями Марса, хотя и не исчезли вследствие жертвенного деяния Будды, но были до некоторой степени уравновешены.

Эти столь целительные для Космоса и Земли деяния Христиана Розенкрейца и Готамы Будды были совершены ими как служение Христу, Великому Водителю человечества, совершены в продолжающемся потоке Его откровения.

В ходе этого события в начале 17 столетия было открыто нечто, благодаря чему эзотерический элемент влился в мировую историю. Публикация в Германии розенкрейцеровских сочинений, основание розенкрейцеровских союзов в различных странах Европы являлось, может быть только подготовкой, да и сами они носили до некоторой степени гибридный характер. Однако то, вполне положительное воздействие, которое исходило от них, а также сильное сопротивление, которое им оказывали, дают нам возможность признать, что речь здесь идёт не попытках, но о серьёзных намерениях, чтобы интегрировать розенкрейцеровство в европейскую культуру.

Друг за другом в Германии появились сочинения Иоганна Валентина Андреа. Наиболее известное из них "Химическая свадьба Христиана Розенкрейца" (1616 г.) "Fama fraternitatis" (1614г.) и Confessio fraternitatis (1615 г.) Достоинно удивления, что состарившись Иоганн Валентин Андреа отрёкся от этих сочинений, коорые были прямой инспирацией Христиана Розенкрейца и которые представляли для него нечто исключительно серьёзное, когда он, будучи ещё юношей, записывал их. Однако движение, возникшее благодаря этим сочинениям в Германии, Англии, Голландии и в некоторых других европейских странах с большой притягательной силой воздействовало на просвещённые умы того времени, на философов, художников, поэтов, естествоиспытателей. Тайный братский союз, стремившийся к крупной реформации в духовной и политической жизни, союз, о котором сообщали "Фама" и "Конфесию" ещё не был обнаружен теми, кто усердно стремился найти мудрых мужей, тем не менее, влияние розенкрейцеров было велико, особенно в протестантских странах. О каких же принципах шла при этом речь?

Это, в первую очередь были забота об естественной науке, которая остаётся в долгу у духа. Затем приходилось бороться против Рима и против магометанства, то есть против одностороннего авторитарного принципа Римско-Католической Церкви и против арабского влияния на естественную науку, а также - что непосредственно связано с вышеназванным - против так называемой "двойной истины" Это один из важнейших пунктов. Благодаря номиналистам (Аверроэс), благодаря Френсису Бэкону и другим возникло представление, что могут существовать религиозные истины и истины научные, которые противоречат друг другу. При этом приводили довод, что вера и рассудок должны идти разными путями. Розенкрейцеры хотели устранить эту фатальную пропасть на пути стремления к истине, или, лучше сказать, построить мост через неё.

Для этого же они стремились к вышеупомянутой реформации в социально-политической области. В чём должна была состоять эта реформация, было, возможно ясно только действительно посвящённым братьям, но мы вполне вправе допустить, что идеи, которые в 18 веке стали движущей силой великой французской революции были подготовлены ещё в 17 веке братствами, объединениями, ложами и бундами розенкрейцеровской ориентации.

Всё это, разумеется, вызывало форсированное сопротивление мощных реакционных сил. Это выражалось отчасти в открытой враждебности, а, с другой стороны, косвенной враждебности вследствие половинчатого понимания, тенденции к упрощению и формализму, иллюзионизму, внутренним и внешним заблуждениям.

В Германии розенкрейцеровское движение погубила Тридцатилетняя война (1618-1648 гг. по Р.Х.). В Англии Френсис Бэкон обратил соответствующие (розенкрейцеровские) инспирации в их противоположность, а пуританин Оливер Кромвель сделал невозможным какую-либо активность спиритуального христианства. В Нидерландах это розенкрейцеровское движение потерпело крах из-за узколюбости священников и из-за материалистического образа мыслей среди профессоров самого почитаемого Университета, который был основан в городе Лейдене как награда за героизм, проявленный горожанами при осаде в 1573 г. (8). Контрреформация Римско-Католической Церкви направляла своё остриё против розенкрейцеровского движения в различных его формах, при этом доминирующую роль играл Орден иезуитов. (1540г.)

На переднем плане всемирно исторической сцены разыгрывалась война на суше и на море; мирные трактаты, дворцовые перевороты, захват гигантских колоний, образование государств, прогресс в науке и технике, расцвет городской культуры, закат придворных салонов и феодальной власти, а, с другой стороны выступление третьего сословия, достигших зрелости горожан, граждан как носителей нового естественнонаучного и экономического образа мыслей. Но за этими внешними феноменами, которые история могла бы рассматривать как симптомы более глубокой реальности - за всем этим в то же самое время скрывались или проявляли себя духовные вожди нашей эпохи.

В 18 столетии Христиан Розенкрейц расстался со своим анонимным существованием и действовал как граф Сен-Жермен в забродившем мире европейской культуры. Очень трудно создать себе правильный образ этой загадочной фигуры, поскольку он, по всей вероятности,

действовал под другими именами, а его имя "Граф де Сен-Жермен" использовалось некоторыми шарлатанами и обманщиками для всяких злоупотреблений.

В некотором отношении, он был инаугуратором великих социальных и политических преобразований, имевших место в конце 18 столетия, хотя, с другой стороны, его личное влияние на правителей Европы сводилось к тому, чтобы эта "перестройка" могла совершиться постепенно и ненасильственно.

Это ему не удалось. Французская революция пришла как извержение вулкана, сопровождаемая страданиями и насилием. Великие идеалы графа Сен-Жермена - Свобода, Равенство и Братство хотя и были подхвачены, но не были поняты.

6.4. СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО

Если с помощью внешних документов составить себе представление о том, когда перед французской революцией заявили о себе великие идеалы человечества - свобода, равенство и братство - то успеха мы не добьёмся. Единственное, что можно утверждать с гарантией, это то, что масоны, не вдаваясь в подробности приписывают происхождение этих идеалов своим ложам. Тот, кому известно, какую роль сыграли франкмасонские ложи в подготовке великой революции 1789г, едва ли усомнятся в этом утверждении.

Но остаётся открытым большой вопрос: удалось ли масонским ложам понять глубокое значение этих идеалов, или они и там были поняты с исключительно внешней стороны, а значит - в неверном смысле.

В любом случае, начиная с того момента, когда эти три идеала начали делать историю, они вызвали самые ужасные, негативные последствия. С одной стороны, во имя свободы, равенства и братства были вызваны невероятные, безудержные страсти, извержения чувств, которые переросли в кровавый террор; с другой стороны эти понятия, будучи захвачены мертвой, абстрактной мыслительной системой, деградировали и превратились в пустые лозунги. Но несмотря на это, эти три идеала связанные с триединым, трехчленным человеком оставались важнейшими импульсами для будущего. Вникнув в них ближе, мы обнаружим, что они являются центральным мотивом нашей темы "Храм и Грааль".

Карл Хайер уже опубликовал на эту тему важный материал под названием "Исторические импульсы розенкрейцерства"; мне хотелось бы вести исследование в том же духе.

На первый взгляд кажется, что эти три идеала противоречат друг другу. Кажется, что свобода устраняет равенство, точно также свобода вступает в конфликт с братством. Братство и равенство до некоторой степени совместимы друг с другом. Мы ощущаем их как воспоминание о том образе мыслей, который воодушевлял первых христиан в их первых общинах, они напоминают идеалы социалистических коммун. Любовь тоже с известным правом можно считать комбинацией братства и равенства. Тогда сразу же становится ясно, что третий идеал - свобода - вовсе не противоречит двум другим, но даже является их предпосылкой. Любовь даётся лишь в свободе, во всяком случае, если мы имеем в виду духовную активность человека, а не интенсивное влечение или вожделение. Но также и свобода не может обходиться без любви, чтобы быть плодотворной в сообществе людей.

Хотя свобода и любовь составляют единое целое и всегда связаны с равенством, мы можем всё же в истории культуры распознать два потока, поток свободы и поток любви, которые противопологаются друг другу. Чтобы увидеть поток свободы, мы должны понять, что свобода проявляется в первую очередь не в делах, а в мыслях. Свободное деяние реализуется в том случае, если некое свободное прозрение становится мотивом для действия. Прозрение осознание, есть результат познавательного процесса, даже если он опирается на интуицию. "Древо познания" стоит на первоисточнике "потока свободы". Все стремления к мудрости, познанию и прозрению были изначально даром Люцифера. Люциферические духи, влияние которых на человека берёт своё начало в ранних периодах развития Земли, были побудителями самостоятельности, свободы. По существу, само по себе это не было злом, хотя создавало возможность зла.

С позитивной точки зрения люциферический поток свободы был поком мудрости и познания. Носителями этого потока были короли. Короны на их головах были выражением мыслительной силы, стремящейся к прозрению, к пониманию. Итак, этот поток можно назвать королевским потоком человечества. В качестве его важнейшего представителя в дохристианское время можно назвать Заратустру, основателя персидского мистериального богослужения. Он тоже происходил из королевского рода; мы можем представить себе, несколько королевский, величественный вид имел этот мудрый учитель человечества. Он был свободен благодаря своему знанию о небесных и земных делах (9). Не только о познании добра и зла сообщало его учение; всю мудрость, изложенную в Авесте, священной зороастрийской книге персов можно рассматривать как откровение Святого Духа, Духа Истины, которого на персидском языке называют Спента Майнью. Это тот Дух, который делает свободным (" И познаете истину, и истина сделает вас свободными"

Иоанн, 8-32).

Другое течение напоминает о райском происхождении человека, когда силы Древа Жизни ещё действовали во всей своей полноте. Человеческое существо было тогда подобно грезящему младенцу, находящемуся в благе светлых и тёплых божественных покровов. На Земле из этого настроения возникла заботливая, любящая готовность к помощи, мягкосердечность и способность к состраданию людей-пастухов. Величайшего дохристианского представителя этого течения мы видим в Готаме Будде. Его наивысшее стремление направлено не к "истине, которая делает свободными"; он ищет путь к чистой райской жизни в братстве и равенстве. Люди, принадлежащие к этому потоку пастухов, не становятся гордыми, штурмующими небо мыслителями, о которых можно было бы сказать словами Ницше "одинокое на высотах". Зачастую это простые люди, которые переживают просветление в сердце и, исполненные чувства сострадания и всеобщей сопринадлежности тепло общаются с земными творениями.

В Евангелии от Луки и от Матфея мы находим оба эти потока; причём описания событий рождения различны. Поток свободы мы находим в Евангелии от Матфея, его представителем является царский младенец из Соломоновой ветви рода Давида. К нему приходят из стран Востока три мудреца. Поток любви знаменует младенца из Натановской ветви того же рода Давида, которому молятся пастухи, слышащие ангельское благовестие на поле перед Вифлеемом. Мы уже сообщали в этой работе (глава 2.4), как антропософия указывает на то, что в ангельском откровении "Gloria in excelsis Deo", в "Славе Божьей" действовало существо велико Будды, его Ниманакайя. Из существа Будды струилось благовестие "Мир на земле, в человеках благоволение" (мир на земле тем людям, у которых одна добрая воля) - мир на Земле, если люди действительно хотят жить идеалом равенства перед Богом и братства, как земные создания.

В Иисусе из Назарета оба потока объединились благодаря тому, что королевское "Я" младенца из Соломонова рода соединилось с ангельской душой и телом младенца из рода Натана, который был проникнут духом Будды (глава 2.4). Можно сказать, в подобном Граалю существе Иисуса свобода, равенство и братство соединились. Но только благодаря вселению в него Христа возникло нечто творческое, и вышеуказанное соединение свободы, равенства и братства смогло осуществиться.

В другой связи тоже уже указывалось на то, как дохристианские мистерии обрели своё полное завершение в Мистерии Христа, и в преображённом виде получили в Нём своё продолжение. В принципе, можно сказать, что всё, что разделяется, снова объединяется на более высоком уровне, но сначала всё это должно быть переработано человеком в длительном эволюционном процессе.

Как мы видим, поток любви и поток свободы в средневековье снова выступают отдельно: это произошло в двух больших Орденах, Ордене францисканцев и Ордене доминиканцев. О связи между Франциском Ассизским и Буддой уже было сказано; каждый из них знал импульсы равенства и братства, упражнения в которых практиковали Франциск и его монахи. Это оказало на мир столь глубокое воздействие, что его трудно представить. Если же мы должны считать, что доминиканцы подобным образом были представителями потока свободы, мы неизбежно окажемся в затруднении и смущении из-за инквизиции, которой занимались доминиканцы и о которой крайне трудно было бы утверждать, что она есть нечто свободное. Но всё же приходится такой исторический симптом как инквизиция рассматривать в качестве парадоксальной формы проявления влечения к свободе. Та форма, в которой реализовывалось это влечение в высшей степени проблематична. Но происхождение потока свободы уже заранее сделало возможным то, что зло с легкостью смогло примешаться к нему. В грандиозной "Повести о Великом Инквизиторе" из романа Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы" автор непринуждённо и откровенно обсуждает эту проблему. Инквизитор упрекает Христа в том, что Он несправедливо принёс человеку свободу. Человек не может вынести свободы, и поэтому Римская Церковь снова отобрала эту свободу у человека. Лишь инквизиторы обладают горестной свободой познавших, которую они должны использовать для того, чтобы даровать людям - по мнению Инквизитора целительную - несвободу!

Но в любом случае из того же самого Ордена доминиканцев проявились и высшие формы стремления к истине, представленные трудами Фомы Аквинского и Альберта Великого.

В новое время королевский поток свободы трансформировался в поток математики и астрономии; нет никаких сомнений в том, что точное абстрактное мышление нашего времени немало способствовало эмансипации личности, то есть свободе.

"Поток пастухов" мы находим в исполненном любви наблюдении природы, которое впечатляющим образом демонстрировали Гёте и Геккель. В прежней главе указывалось: космической причиной того, что математический и астрономический образ мыслей вместе с Коперником вошёл в историю, было ухудшение ситуации в сфере Марса. При этом упоминалось, что великий вождь человечества Христиан Розенкрейц был поставлен перед необходимостью предотвратить грозную опасность разделения человечества на две группы: на первый поток буддийско-францисканских монашеских душ, негодных для земной практики, и второй поток душ, привязанных к земле, имеющих, однако полностью люциферическую иллюзорную картину мира,

созданную Коперником и Ньютоном. Можно было бы также сказать, что угрожает разделение на поток свободы, который всё сильнее и сильнее углубляется в иллюзорную математическую односторонность, и на поток любви, потерявший все связи с земной материальной действительностью. При окончательном разделении этих двух потоков в них, в конце концов, не будет ни свободы, ни любви.

Ответом духовного водительства человечества на эту опасность было жертвенное деяние Будды в сфере Марса; вследствие его на Земле появилась возможность объединить три понятия свободы, равенства и братства - социальные идеалы - в троичную сопринадлежность.

Без сомнения, сам Христиан Розенкрейц как граф Сен-Жермен дал возможность этому социальному триединству влиться в качестве идеи, причем в тот момент, когда должна была родиться новая Европа, а феодальная и абсолютистская Европа - погибнуть. Он только не смог воспрепятствовать тому, что эти идеалы даже в среде просвещенных людей предреволюционного времени реализовались в коррумпированной форме, поскольку материализм стал доминировать.

Но как свобода, равенство и братство могут быть они правильным образом применены не в историческом процессе, а к отдельному человеку, человеческому существу?

Все три не могут иметь равного значения для тела. Равенств вообще нельзя найти там, где физическое тело проявляет себя в бесконечных различиях. А души людей разве могут быть равными? Совсем наоборот: они выявляют ещё большие различия, чем тело. Равенство может иметь значение только как равенство перед Богом. Наш человеческий дух, наше "я" по отношению к другим членам нашего существа, которые возникли на более ранних стадиях космического развития, - имеются виду физическое, эфирное и астральные тела человека, - ещё так юно, что подобно новорожденному. Мы можем сказать: точно также как существует равенство между маленькими детьми, у которых ещё есть нечто общее, ангельское, так и все наши "я"-существа равны перед Богом. Если мы, благодаря нашей индивидуальной душе проникаем к прозрению. к истине, мы обладаем ею как духовной собственностью, ценной для всех людей. Посредством нашего "я" индивидуальное становится общечеловеческим. Благодаря "я" мы как люди можем понимать друг друга. Посредством духа основывается равенство в высшем смысле, он связывает человека с человечеством. Братство имеет отношение к телу. Там, где мы как земные создания должны жить на земле - одеваться, кормиться, находить жилище и работу - вот тут требуется братство. Без братства нельзя жить на Земле хорошо.

Свобода, напротив, не так важна для тела, она живёт в душе. Когда на неё действует силовая игра высшего духовного мира и низший земной мир, а она должна найти равновесие, душа раскрывается в свободе. Она встречает то, что выбрала, отдаёт предпочтение одной или другой области. Так, в сущности, возникают творческие силы человека. Свобода является творческой силой, а творческая сила - свободой. Если же свобода выступает на арене социума, она может реализоваться лишь в том, что у одной души возникнет интерес к другой, которая также изживает свою судьбу. Всюду, где свобода, действует среди людей без глубокого понимания, без любви, она приносит несчастья. Это мы можем проследить на примере всех стремлений к эмансипации и свободе в наше время. Когда "освобождали" рабов к колониях, или крепостных к России, не проявляя настоящего интереса к этим людям, а исключительно ради абстрактной идеи свободы, возникали неразрешимые проблемы. "Освобождение цветных рас" как политический лозунг без любви к этим людям скорее усилит, а не уменьшит расовую ненависть.

В 18 столетии просвещённые умы, подготовившие французскую революцию, ещё не могли ясно представлять себе различия между свободой для души, равенством для духа и братством для тела, поскольку они ещё не познали человека как триединое существо; ведь дух Церковь отрицала ещё на мнимо-вселенском соборе в 869 г. по Р.Х.

Но если все эти три понятия приложить лишь к физическому телу, что более или менее сознательно происходит из-за материалистического образа мыслей, то эти идеалы принимают отчуждённый, карикатурный вид.

В общественной жизни совершают ошибку, взваливая все три идеала на государство. Вместо того, чтобы заменить единое государство, которое при господстве абсолютизма становится Молохом, - заменить трехчленным, триединым социальным организмом, в котором все три идеала могли бы действовать подобно трём принципам тела души и духа в человеке, где они до известной степени автономны, хотя всё же втянуты друг в друга, - вместо этого организуют государство как республику, в которой все три идеала должны быть лейтмотивом.

В июне 1791 г. призыв "Свобода, равенство и братство" был выставлен в качестве революционной программы, а при страшном режиме 1792 г. к нему были добавлены слова "Ou la mort", "Свобода, равенство и братство или смерть!"

Но ещё в мае 1791 г. якобинец Дюпорт произнёс пророческие слова, когда он, предостерегая, указал, что под свободой будут понимать эгоистические влечение, а под равенством - всё более углубляющийся процесс нивелирования. В 19 столетии присоединили сюда карикатуру на братство, когда Маркс и Энгельс штемпелевали коммунизм: классовую борьбу на основе эксклюзивного братания рабочих.

И снова силы зла праздновали свой триумф, те силы, которые хотят отвлечь человека от строительства незримого храма.

Атака против тамплиерского импульса Грааля имела двойное следствие: жертва замученных и убитых рыцарей могла в духовном потоке развития послужить источником инспирации для тех людей, которые хотят работать совместно над усилением христианского начала в человечестве, над его христианизацией. Но, с другой стороны, в торговом деле произошло глубокое падение в материализм. Это случилось потому, что Ариману удалось при ужасных пытках, которым подвергали рыцарей, выпытать из них ложные признания о них самих и об Ордене; это влилось в культуру как поток неправдивости.

Снова и снова кажется, что мероприятия благих сил влекут за собой лишь малые последствия. Но эти меры подобны хорошей терапии: больной человек должен сначала сам внутренне пожелать выздоровления, тогда, хотя и медленно, станет действовать лекарство.

Деяние Будды было оздоровительным деянием в сфере Марса. Существо Будды, однако, связано само по себе со сферой Меркурия, из которой исходят целительные, растворяющие космические силы, тогда как силы уплотнения, отвердения исходят от Марса. Христиан Розенкрейц и Готама Будда работают над преобразованием импульсов Марса в меркуриальные импульсы. В этих задачах следует искать то, над чем работает христианская эзотерика сегодня, и будет работать в будущем.

Французская революция 1789 г. могла бы оказать меркуриальное, высвобождающее воздействие на Европу, если бы идеалы свободы, равенства и братства были приведены в действие правильным образом. Этого не произошло. Как следствие внедрился чрезвычайно убийственный импульс: появление Наполеона. Единое государство в результате стало гораздо сильнее, так что разочарованные идеалисты испытывали отвращение к лозунгам 1791г. В последующих революциях как внутри, так и вне Франции, социально-политические импульсы Христиана Розенкрейца были всё менее понимаемы.

В то же самое время, когда во Франции готовилась и потерпела крах великая революция в Средней Европе тоже происходила своеобразная революция, которая, несмотря на свой совершенно бескровный характер, была не менее сенсационна и влиятельна, чем политические и социальные перевороты во Франции. В Лессинге, Виланде, Гёте, Шиллере, Новалисе, Гегеле, Фихте, Шеллинге и во многих других, к которым относятся также и великие композиторы, мы находим уже не зерно, а зрелые плоды исполненной духа, обновлённой христианской культуры. У этих великих мыслителей, естествоиспытателей, поэтов, художников и композиторов можно обнаружить безусловные следы прямой или косвенной розенкрейцерской инспирации.

Наиболее прямо эта инспирация была реализована у Гёте в его фрагменте "Тайны", но внимательный читатель найдёт и узнает её и в его "Сказке о Зелёной Змее и Прекрасной Лилии", и в "Фаусте", и во многих других его произведениях.

Но даже в наиболее ценные классические труды 19 века просочился материализм. Классика или совсем забыла тезисы о реинкарнации, просто и убедительно преподанные в сочинении Лессинга "Воспитание человеческого рода", или считали их историческим курьёзом, оставшемся бесплодным для жизни. Великие композиторы занимали лучшую позицию, ибо они были на стороне романтиков, которые или боролись с материализмом, или избегали его. Они с величайшим почтением относились к музыке своих предшественников и исполняли её.

Так неужели в условиях возрастания материализма в 19 веке импульс Храма и Грааля целиком и полностью погиб? Казалось, что это почти так. Но за кулисами мировой истории, позади всё более обывательских, ставших чуждыми духу культурных потребностей, за "всевозрастающим прогрессом" происходила гигантская борьба сил света и мрака.

Духовное водительство человечества действовало, но не как инструмент Всемогущества Божья. Ведущие Мастера должны были уважать свободу человека, должны были приспособливаться к обстоятельствам; они могли только создавать возможности, но воспринимать и использовать их - оставалось делом самих людей. Они должны были ждать звёздного часа, когда можно было воспринять инспирацию, получить импульс.

О том, какие попытки предпринимались в 19 веке с духовной стороны, чтобы придать культуре духовный характер, будет подробно рассказано в следующей главе.

В полную силу обновлённый импульс Грааля смог воздействовать только тогда, когда наступило назначенное время, когда начался переходный период от 19 к 20 веку.

6.5. ЗАДАЧА СЕРЕДИНЫ

В течение 19 столетия древние противоречия между Востоком и Западом начали проявляться вновь, причём "тени прошлого" всё снова и снова выступают за вполне прозрачными проблемами нашего времени. Несмотря на то, что в 19 веке история ещё делалась в Европе, мы видели, как по одну стону Атлантического Океана поднимается, формируя будущее, западный континент с его безграничными возможностями, а по другую сторону приходит в движение наша старая мать-Азия,

создавая новое из сил прошлого.

Становится очевидно, что европейский Запад, который в прошлом ещё тащил Америку на буксире, - в 20 веке он меняется с ней ролями - достигает мирового господства, поскольку он безукоризненно овладел естествознанием, техникой и доминирует в экономике. Этому содействует власть капитала. Это правящее положение позволило манипулировать всем остальным миром, морочить человечество иллюзией прогресса и благополучия, но в то же время, руководствуясь принципом корыстной выгоды и экономического инстинкта, безжалостно и хладнокровно эксплуатировать этот мир. Эти дельцы не останавливаются даже перед тем, чтобы обрекать на гибель целые народы.

В качестве примера достаточно изучить хотя бы так называемые "Опиумные войны" (1839-1842 гг. и 1856-1860 гг.). Эти войны вела Англия - позднее её поддержала Франция - против Китайской Империи для того, чтобы открыть гавани для исключительно прибыльной морской торговли опиумом. Китайское правительство хотело ради защиты народа запретить торговлю опиумом, но англичане и французы одержали победу. Гавани были открыты для западных торговцев, и медленнодействующий опиумный яд начал свою разрушительную работу среди миллионов китайцев.

Столетие спустя Западу пришлось поплатиться за это; расплатой стали наркотики, жертвой которых пали миллионы западных людей.

Наверняка, этот мрачный итог западной мировой гегемонии представляет собой лишь одну сторону происходящего. В позитивном смысле можно указать на достижения, которые наука и техника принесла всему человечеству. Распространение транспортных средств и средств связи дало человеку возможность, например, получать гораздо более полное, чем когда бы то ни было представление о мире, о своей планете, осознать её. Свобода и зрелость индивидуума составляет положительную сторону баланса, утрата религиозного чувства благочестия и духовности - отрицательную. Об атомных ракетах, об умирающих лесах, я здесь теперь вообще не хочу говорить.

И напротив - Восток: в 19 веке казалось, что древняя мудрость индийской части мира вновь напомнила о себе. Появилось несколько великих учителей, которые снова пробудили индийскую культуру. Это послужило сигналом для возникновения политического движения за независимость от английского режима. Это стремление увенчалось успехом в 1947 году, когда послевоенное лейбористское правительство Этли подписало декларацию о независимости, которую Уинстон Черчилль характеризовал как: "самое неанглийское дело, до которого когда-либо опустился англичанин".

Йога, буддизм и некоторые другие восточные течения ещё прежде завоевали влияние в Европе и Америке, но наибольшая инвазия мудрости восточных гуру состоялась только во второй половине 20 века. Странно, что многочисленные приверженцы этих восточных направлений все же не испытывают опасений по отношению к образу действий чересчур ориентированной на Запад капиталистической экономики.

В других азиатских областях достигнута, наконец, эмансипация на политическом уровне; среди них Китай и Вьетнам, но это лишь видимость. Коммунизм из политической ориентации превратился в новую религию. То же самое явление обнаруживалось и в тогдашних советских республиках. Теория, импортированная с Запада (марксизм), которая отнюдь не отрицает своего западного материалистического характера, и в основе которой лежит одна единственная экономическая платформа, в руках восточных деспотов волей-неволей превратилась в государственную религию, даже с привлечением сакральных элементов, которые превзошли все существовавшие ранее формы.

По большому счёту можно сказать: на Западе, в Европе и в Америке возникла культура тела, внешнего благополучия, внешнего здоровья, лишённая религиозных представлений и спиритуальности. То, что ещё существовало как пуританская духовность американского Запада, уже долгое время представляет собой всего лишь мумию культуры, которая распадается под натиском необузданных влечений. Здесь сильно действует проклятие золота, то есть - алчность и эгоизм являются движущими силами и пружинами торговли. Свобода и равенство (демократия) ещё котируются высоко, но не ради "общественной жизни, организованной по принципам идеализма - идеализм в качестве идеологии был бы непрактичен - но ради своих выгод. Свободный гражданин в демократическом государстве является, само собой разумеется, лучшим бизнесменом, чем верноподданный в тоталитарной системе.

В характеризованном выше обществе, индивидуум, индивидуальный человек, жизнь и стремления которого несомненно отклоняются от большинства, не может реализовать своих прав. Столь же мало понимает оно и глубокие спиритуальные силы американского Запада.

Восток, который вынужден защищать себя от Запада, хранит свою культуру духа, хотя речь здесь идёт не о древней, а о более актуальной спиритуальности. В отдельных областях Азии, напротив, атеистический марксизм стал государственной религией. Ислам тоже направляет миллионы душ по своему пути благодаря своей возвышенной и простой религиозности и

сакраментальным формам. Братство изначально является для восточного человека данностью, само собой разумеющимся делом, также как и столь непонятная для западных душ способность принимать на себя страдания: жизнь отдельного человека не ценится.

Достойный внимания вариант восточной культуры мы наблюдаем в Японии. Японец столь совершенно перенимающий и имитирующий западную технику, считает, что он сможет преодолеть западного человека его собственным экономическим оружием, того самого западного человека, который всё же одержал победу над восточным, причем военной силой. Но в сущности, высоко индустриализированная Япония остаётся верной своим многовековой таинственной спиритуальной мудрости.

Так Запад и Восток стоят друг против друга, как по всей видимости непримиримые стороны, что с особой силой проявилось в израильском конфликте.

Можно спросить, неужели между враждующими сторонами, западными и восточными братьями и сестрами нет примиряющей середины? Знаменитые слова Р.Киплинга "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет небо с землей на Страшный Господень Суд" по большей части цитируются не полностью. (Далее у Киплинга следует: "Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род, если сильный с сильным плечом к плечу у края земли встаёт." - примечание переводчика). (10). Из-за неполного цитирования текст обращается в свою противоположность. Р.Киплинг исходил из того, что встреча обоих возможна при наличии определённых предпосылок. Эта возможность для встречи должна рассматриваться как задача для середины, центра.

Центральная или Средняя Европа на стыке 18 и 19 столетий фактически создала культуру, которая могла бы стать мостом между односторонними тенденциями, обозначившимися на Востоке и на Западе. По отношению к Западу необходимо было создать естествознание, которое не было бы исключительно материалистическим и утилитарным; которое могло бы познавать в природе дух. А это предполагает наличие совершенно иной установки по отношению к действительности, нежели та, которую имеет западный человек.

Тем, кто инагурировал и развивал такую естественную науку, был, прежде всего, Гёте. Он делал это, будучи инспирирован Христианом Розенкрейцом (Р. Штейнер, ПСС, т. 99) Если бы естествознание было с состоянием принять эти гетёанистические исследования, то тогда, вероятно, техника имела бы иной характер. Можно предположить, что возникла бы связь искусства и техники, связь, благодаря которой силы, превращающие сегодня человека в раба техники, были бы нейтрализованы.

В трудах Р.Штейнера есть указания на то, что Гёте также получал из духовного мира инспирации от рыцарей-тамплиеров, которые в начале 14 века погибли в пламени костров. (ПСС, т. 171) Гёте написал стихотворение, оставшееся непонятым - "Тайны", и сам говорил, что в нём он хотел привести читателя к "идеальному Монтсеррату". Он имел в виду переживание Грааля.

Осуществить связь двенадцати мировых регионов или мировоззрений, представителями которых являются двенадцать человек, группирующиеся вокруг тринадцатого, названного именем "Гуманус", подготавливая сообщая будущее - вот высокий человеческий идеал, который видел Гёте.(11)

Востоку же должно быть противопоставлено нечто совсем иное для того, чтобы смочь построить мост. Гёте написал сказку, содержанием которой является "строительство моста". В ней Зелёная Змея жертвует собой, чтобы связать духовное царство Прекрасной Лилии с земным царством. Как известно, в сочинении "Письма об эстетическом воспитании человека" (12) примирение полярных сил облечено по большей части в философские формулировки; эти силы Шиллер открыл в человеке и культуре. Духовные силы объединяются понятием "влечение разума", а земные - понятием "вещественные влечения" Между ними действуют "влечения к игре". Творчество Шиллера мы можем назвать творческой силой, которая делает человека свободно творящим существом. Это "влечение к игре" является силой свободы, которая, как средняя точка между обоими односторонними влечениями - "влечением разума" и "влечением вещественным", оба из которых принудительны. "Влечение к игре" действует не только гармонизируя, но и оздоравливая, то есть устраняя вредные следствия односторонних влечений. "Играть" как дети, непринуждённо, творчески раскрывая себя - именно это имеется здесь в виду, не занимать себя какими-либо игрушками, нет, но играть в радостной серьёзности. Западный человек должен освободиться от своей чрезмерной преданности веществу, от своего "превознесения вещества", а восточному человеку надо освободиться от "презрения к веществу" Западный человек должен пересмотреть своё презрительное отношение к духу, "Презрение духа", а восточный человек должен актуализировать свою "преданность духу", то есть освободить себя от подвластных Люциферу сил прошлого. Свобода в среднеевропейском смысле не есть прагматическая свобода хозяйствования, но творческая сила индивидуальной человеческой души.

Шиллер тоже раскрывался навстречу тамплиерским инспирациям; об этом свидетельствует запланированная им драма "Мальтезер". Он не смог дописать эту драму, существует лишь фрагмент первой сцены. Из его заметок можно, тем не менее, заключить, что в этой театральной

пьесе он хотел вывить глубокие тамплиерский импульсы.

Не только "Тайны" Гёте и "Мальтазар" Шиллера остались незавершёнными; надо уяснить себе, что и завершённых их трудам, как и трудам авторов, родственных им по духу не суждено было раскрыться в 19 веке в качестве "среднего импульса". Немцы едва поняли, или вообще не поняли свою задачу в этом направлении. Они подпали под власть Мамоны западного материализма и оставили на произвол судьбы восточного человека, который бессознательно стремился к обновлению старой спиритуальности.

В захватывающей истории Каспара Хаузера трагедия Центральной (Средней) Европы предстаёт перед нашим взором. Индивидуальность, имевшая высокую миссию - о чем стало известно из духовных исследований - ведь она пришла на землю, чтобы на социальной арене сделать плодотворной эпоху Гёте и Шиллера - эту индивидуальность сатанинские силы сначала отодвинули от выполнения её общечеловеческой задачи, а затем убили, опасаясь, что она несмотря ни на что, всё же исполнит эту задачу (13).

В год смерти Гёте (1832г.) и год смерти Каспара Хаузера (1833г.) мипульс Грааля, импульс середины был утрачен для Германии. Сто лет спустя он был извращён в свою полную противоположность, когда выступил Гитлер и его приверженцы. Но не следует полагать, что духовное водительство человечества в 19 веке не предпринимало попыток дать влиться в человечество другим импульсам, или, по крайней мере, создать противовес по отношению к чрезмерно усилившемуся влиянию материализма.

Одной из таких попыток мы можем признать спиритизм, который в 1848 году появился в Америке, или, скорее, распространяясь оттуда, принял характер культурного течения. Движения это, захватывая тысячи людей в Европе и Америке, принесло веру в духов, и несмотря на то, что спиритизм был ещё весьма далёк от прозрения в духовную действительность, он всё же сыграл положительную роль по отношению к всепроникающему материализму. Позднее спиритизм тоже примкнул к материализму, поскольку "духи" возвещали о себе посредством исключительно вещественных явлений.

Второй попыткой с оккультной стороны были те инспирации, которые привели к откровениям Елены Петровны Блаватской, основательницы Теософского Общества (1875 г.) Первоначальным инспиратором этой замечательной женщины был Христиан Розенкрейц (Р.Штейнер, ПСС, т. 254) Она обладала необычайными духовными дарованиями, но и большими слабостями из-за которых она пала жертвой низких оккультных властей Запада, которым удалось направить всё Теософское движение в одностороннее русло и отклонить его от его первоначального курса. Наиболее заметным при этом было индийское влияние, проявлявшееся всё сильнее и сильнее, особенно, когда преемницей Елены Петровны Блаватской стала Анни Безант. Хотя здесь обнаруживается связь между Западом и Востоком, но без середины. Христианский элемент полностью отсутствует. Отсутствует также и столь характерный для Средней Европы "эстетический элемент", представителем которого был Шиллер.(14)

Когда Рудольф Штейнер - с совершенно иного исходного пункта, исходя от Гёте и Шиллера завязал отношения с Теософским Обществом, он действовал в надежде, что ему удастся дополнить это Общество недостающим средним звеном, отсутствующим элементом. Его антропософия проистекала не из теософии Е.П. Блаватской, как это иногда говорят или пишут, но была метаморфозой изначального иоанновского христианского импульса, который был присоединён к теософии, сильно ориентированной на Восток. Он знал, что госпожа Блаватская первоначально была инспирирована Христианом Розенкрейцом. Он, в сущности, стремился вернуть теософии её первоначальное направление, при этом он привил ей розенкрейцерский импульс тем, что связал теософию и Гёте.

Однако руководство Общества было уже целиком вовлечено в англо-индуистский фарватер, было отягчено политически (достаточно посмотреть лишь на крайние антигерманские высказывания со стороны теософов перед Первой Мировой войной); руководство не могло отдать должного и содействовать импульсу Рудольфа Штейнера, обращённому к середине. С 1913 г. теософия и антропософия пошли разными путями. Большая часть германских членов Общества последовала за Рудольфом Штейнером, и с ними он основал Антропософское Общество.

В заключение надо в этой связи осветить труды и творческие усилия Рихарда Вагнера. Композитор Рихард Вагнер, которого анафематствовали столько же раз, сколько и почитали, будучи более или менее в одиночестве, пробовал создать из источников середины новую мистериальную культуру. Первоначально он нашёл точку соприкосновения в древнегерманских сказаниях, он создал "Кольцо Нибелунгов" и раскрыл в нём "проклятие золота". Но особенно переработал он христианский мотив спасения в "Летучем голландце", "Тангейзере", в "Лоэнгрине" и, наконец, в своём "Парцифале". У Вагнера интересны и восточные мотивы. Его восхищение Буддой позволило ему пережить мотив сострадания. Также и мотивом реинкарнации, который захватывающим образом связывает легенду об Агасфере с Иродиадой-Кундри, мы обязаны, по всей вероятности, его интересу к Востоку. И всё же возможно, что это выступило из его души как спонтанное прозрение. Связь драмы и музыки он рассматривал как мистериальное искусство, раг

exsellense, которое может вести к спасению души от силы зла. Он инспирировал важного последователя Рудольфа Штейнера, француза Эдуарда Шюре, а также Фридриха Ницше до его поворачивания.

Остаётся сожалеть, что в глазах многих людей он был, так сказать, дисквалифицирован, по той причине, что Гитлер считал его самым любимым своим композитором. Такое суждение столь же умно, как если бы стали осуждать Солнце за то, что оно услаждает какого-нибудь негодяя. Осуждают и восхваление Вагнером германцев, фигурирующее в расистской теории почвы и крови. Тот факт, что Гитлер был высокого мнения о Вагнере не означает, что он понял какие-либо поистине глубоко христианские, эзотерические интенции Вагнера. С другой стороны можно также и без особо углублённых исследований заметить, как идеи и идеалы, пользующиеся дурной славой являются сатанинским искажением высоких спиритуальных импульсов. Национал-социализм в Германии и Австрии нашёл такой отклик, потому что он с самого начала крайне рафинированным образом подменил, имитировал задачу середины, в то время как на самом деле уничтожил эту задачу и оторвал немецкий народ от его народного Духа.

Убийство Каспара Хаузера и приход к власти Гитлера точно сто лет спустя, лежат в том же русле.

Стратегия зла пространна, долговечна, активна и осуществляется с железной последовательностью.

Но между этими двумя событиями лежит событие, открывшее возможность взяться за задачу середины более основательно и глубоко, чем это было возможно во времена Гёте и последующие времена. Эта перемена дана нам наступлением второго важнейшего эволюционного момента в истории человечества.

В 1899 году завершился временной период, который в индийской традиции называется Кали-Югой, темной эпохой, в которую человечество всё больше и больше отдалялось от древней мудрости и теряло связь с миром света. В конце этой Кали-Юги материализм, - тёмное мировоззрение - достиг своей наивысшей точки. Но после 1899 г. стало возможным получить новую современную связь со светлым царством Духа; при этом решающее содействие должен оказать плод пяти тысяч мрачных лет - свобода человеческого сознания.

Этот путь будет проложен, если будут обеспечено двоякое: во-первых основой этого развития должно быть ясное дневное сознание, должны быть созданы теоретико-познавательный, гносеологический исходный базис, посредством которого мышление может переживать себя в своей творческой свободе, которая является первой формой связи с духовным миром.

Во-вторых: душевная жизнь должна усилиться благодаря откровениям оккультной мудрости, чтобы человек смог обрести мужество и отважно отправиться в неизведанную страну духа. Иными словами; должна возникнуть наука посвящения, действующая как фактор культуры. Оба условия выполнены Рудольфом Штейнером; первое благодаря его книге "Философия свободы" (ПСС, т. 4), второе - благодаря Антропософии.

Под вторым эволюционным моментом имеется в виду начало новой Солнечной эпохи Михаила в 1879г.

Оккультная наука говорит не только о культурных эпохах, которые продолжаются 2160 лет; она различает также короткие отрезки времени от 354 лет, в которых действуют в качестве Духов Времени семь Архангелов семи "классических" планет (15). Михаил является Архангелом Солнца, космически рыцарем Христа. Он снова принял своё служение в качестве ведущего Духа Времени в 1879 году. Благодаря этому он может правильным образом соединить с Существом Христа новые силы света, активизировавшиеся в душе человека после истечения Кали-Юги, тёмной эпохи. Но Михаил тоже должен уважать свободу человека. Если люди не захотят принимать новое откровение под действием Михаила, он не будет навязывать его им. Но тогда силы тьмы смогут вести свою игру свободно. Ведь с концом Кали-Юги они вовсе не исчезли, напротив, чем ближе человек подходит к порогу светлого царства, тем энергичней действуют силы зла, чтобы помешать правомерному развитию человека.

Задачу середины, которую можно также представить себе в образе весов, мы должны рассматривать как михаэлическую задачу, то есть как специфическую задачу нашего времени. В этой задаче достигает кульминации именно то, что в этой книге обозначается как течение Грааля. Все импульсы, которые мы описали в предшествующей главе, - поток апостола Павла, - он же иоаннический, платонизм и аристотелизм как эзотерическое христианство, поток Грааля и его метаморфоза в Орден тамплиеров и Братство розенкрейцеров на основе манихейства, - всё это слилось в мощном михаэлическом течении - антропософии, соединяющем в себе обновлённую силу искусства, науки и религии. Тот народ, который был больше всего призван к тому, чтобы приготовить русло для этого потока, уже в 19 веке пошёл по ложному следу Фатальные следствия ещё долго не иссякнут; середина, центр, в сущности ликвидирован..

Но функции этой середины должны и могут теперь выполнять все те люди или группы людей во всем мире, которые осознали михаэлическую ответственность.

6.6. МИХАЭЛИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО

Жизнь и труды Рудольфа Штейнера (16) можно рассматривать различными способами, но смысл и значение они получают лишь "в свете св. Грааля", о есть в смысле описанного в данной книге развития. Сам Рудольф Штейнер в записной книжке в 1924г. (17) записал различные даты, которые имели особенное значение; при этом обращает на себя внимание, что он ставит свою судьбу в точную связь с мнимо-вселенским восьмым собором в Константинополе (869 г. по Р.Х.), на котором Католическая церковь отрицала дух. Через тысячу лет после этого соборного решения мы видим восьмилетнего Рудольфа Штейнера в исключительно важный момент его жизни. Семья Штейнеров переезжает в Нойдорф, где он посещает народную (общеобразовательную) школу. Там он с помощью учителя знакомится с геометрией и благодаря сельскому священнику, - который с большим воодушевлением читает произведения этого духовного лица для старшеклассников этой школы, - Штейнер знакомится с астрономической картиной мира Коперника. Маленькому Штейнеру позволяют присутствовать при чтении.

Мальчик, обладавший ясновидением испытывает огромную радость от геометрии, ибо в ней он открывает область, которая, несмотря на свою доступность нормальному сознанию человека, может всё же рассматриваться как чистый дух: она явилась для него подтверждением того, что он испытывал благодаря своим духовным восприятиям. Об этом он говорит в книге "Мой жизненный путь" (ПСС, т. 28):

" В моём отношении к геометрии я должен был видеть первые зачатки того созерцания, которое постоянно развивалось у меня. Оно жило во мне более или менее подсознательно в детстве, и только к двадцати годам приобрело вполне осознанный характер. Я сказал себе: предметы и процессы, воспринятые органами чувств, находятся в пространстве. Но точно также как это пространство находится вне человека, так в его внутреннем мире находится своего рода душевное пространство, которое является ареной духовных существ и процессов. Я не мог видеть в мыслях нечто подобное тем образам, которые человек создаёт себе от вещей (von den Dingen macht) - эту роль играли откровения духовного мира на душевной арене. Геометрия открывалась мне как знание, которое человек, по видимому, создаёт себе сам, но которое, несмотря на это имеет совершенно независимое от человека значение. Будучи ребёнком, я, конечно, не отдавал себе в этом ясного отчета, но я чувствовал, что геометрия должна нести в себе знание о духовном мире. Ибо действительность духовного мира была для меня так же несомненна, как и действительность чувственная. Но мне надо было своего рода оправдание, подтверждение этого предположения. У меня могло бы возникнуть желание сказать себе, что переживание духовного мира столь же мало обманчиво, как и переживания мира чувственно-воспринимаемого. В случае геометрии я говорил себе: здесь можно узнать нечто такое, что лишь сама душа переживает посредством своей внутренней силы. Это чувство давало мне право говорить о духовном мире, переживаемом мною, говорить точно также, как о мире чувственном. И я говорил об этом".

Действительность духа была для юного Рудольфа Штейнера объективным опытом, несмотря на то, что он, конечно, знал, что эта действительность раскрывается на внутренней арене его субъективной души. Он не впал в ошибку константинопольских догматиков, которые квалифицировали дух как свойство души, и тем самым, упразднили его как объективную реальность. Благодаря этой победе над тысячелетним, древним обманом Аримана - ведь как таковое, постановление мнимо-вселенского собора 869 г. было результатом ариманической атаки Гондишапура (глава 6.1.) - Рудольф Штейнер смог построить мост между миром чувственным и миром духовным.

Замечательно то, что он испытывал и радость от оправдания своего духовного опыта посредством геометрии, и воодушевление от "бездуховной" картины мира Коперника, которую сообщил ему католический священник.

В 1879 году он начинает учёбу в Высшем техническом колледже в Вене, - изучает естествознание и математику. В том же году он встречается с одним собирателем трав, в высшей степени оригинальным, несколько уединённым, обособленным природным мудрецом, который знакомит его с посвящённым Мастером. Рудольф Штейнер никогда не открывал имени этого Мастера. В начале новой эпохи Михаила студент борется с драконом материализма, он делает это по указанию Мастера, при этом он забирается в самую голову дракона. Он борется с материализмом не извне, он погружается в него, он даже становится пламенным защитником Эрнста Геккеля, когда тот испытывает нападки со стороны церкви, учёных и философов, от всех тех, кого пугает и отталкивает мужественный образ мыслей Геккеля. Р. Штейнер даже защищает "анти-христианского" Фридриха Ницше.

Последовательно выдержанный материалистический способ рассмотрения, материалистический образ мыслей подталкивает его к тому, чтобы на основе тех же методов основать науку о духе, духовную науку. Она должна основываться не на бегстве от мира, не на высвобождении от земного, нет, она должна вырасти из желания смягчить загрубевшую, ставшую слишком жёсткой принципиальную картину мира, привести в движение всё, что застало,

окостенело, пробудить к жизни то, что умерло. Это могло произойти, если застывшая материалистическая картина мира будет охвачена пламенем воодушевления, склонность к которому Рудольф Штейнер проявлял ещё ребёнком, если вспомнить, как радостно воспринял он картину мира по Копернику.

В 1899г. в конце Кали-Юги Рудольф Штейнер был готов внутреннюю борьбу против власти Аримана, разыгравшуюся в недрах его души перенести во внешний мир, причем самым решительным образом. Завоёванные им духовные прозрения он решает сделать достоянием гласности, и, тем самым, вступить в открытый конфликт со всеми консервативными официальными взглядами, утвердившимися в религии, церкви, государстве и прессе, со всеми теми, кто называет фантастикой и мистическими бреднями то, что им непонятно.

В 1902 г. появилась его книга "Христианство как мистический факт" (ПСС, т. 8), в которой он раскрывает мистику Лазаря-Иоанна. Эта публикация о христианстве и мистериях древности может рассматриваться как начало обновлённого потока иоаннового христианства, которому Рудольф Штейнер посвятил все свои дальнейшие труды. Познания, полученные в результате посвящения, которые он сам вывел на свет общественного мнения, он сам назвал "Пятым Евангелием". Он также называл его "Евангелием познания", наряду с другими Евангелиями веры. Центральным пунктом было откровение Второго Пришествия Христа в сфере эфирного мира, которое состоится в течение 20 века.

В 1909 г. Рудольф Штейнер пишет книгу "Очерк тайноведения" об эволюции человечества и Земли (ПСС, т. 13). В ней мы находим подтверждение того, что это тайноведение, тайная наука может быть названа наукой Грааля. (Слово "тайный" указывает здесь на сверхчувственный аспект действительности). В главе "Настоящее и будущее человеческого развития" мы читаем о христианских посвящённых:

Так возникло у этих новых посвящённых познание, охватывающее всё то, что было предметом древнего посвящения, но в центре этого посвящения сияло высшее знание о тайнах события Христа... Затем наступал новый период, который можно обозначить как пятый. Сущность его заключается в том, что развитие рассудочных способностей продолжалось и дальше, и достигло могущественного расцвета; им предстоит ещё дальнейший рост в будущем. Но зато в это же время начало также развиваться и то, что может быть названо всё более усиливающимся притоком в человеческие души познаний сверхчувственного сознания нового времени. "Сокровенное знание" вливается, хотя и очень незаметно вначале в образ представления людей этого периода.... "Сокровенное знание", которое в этом смысле охватывает человечество и будет охватывать его всё больше, может быть названо, согласно известному символу, познанием о "Граале". Кто сумеет понять это символ, как он дан в сказаниях и легендах, в его более глубоком значении, найдёт, что он глубоко символизирует сущность того, что было названо выше познанием нового посвящения, сосредоточенного вокруг тайны Христа. Поэтому посвящённые нового времени могут быть названы "посвящёнными Грааля". К науке о "Граале" ведёт путь в сверхчувственные миры, первые ступни которого были описаны в этой книге. Это познание обладает той особенностью, что его факты можно исследовать только при помощи тех средств, которые были характеризованы в этой книге. Но будучи исследованы, они могут быть поняты как раз теми душевными силами, которые развились в пятом периоде... Мы живём теперь в такое время, когда эти познания должны сильнее восприниматься общим сознанием, чем это было доселе".

Семью годами позже в 1916г. Рудольф Штейнер читал свои большие лекции об Орденах тамплиеров. (ПСС, т. 171). В лекции от 2 октября 1916 г. речь шла на тему о свободе, равенстве и братстве в связи с импульсом тамплиеров и в связи с атакующими их противодействующими силами. Последующие годы были посвящены активной деятельности, возникшей в связи с Движением за социальное обновление, движением за социальное триединство (трехчленность). Оно развернулось в период с 1917 по 1922 годы, но затем Р Штейнеру пришлось свернуть его, поскольку оно возбудило против себя слишком большое противодействие со стороны властных политических и церковных кругов. Этот период закончился сожжением Первого Гётеанума, здания, которое надо рассматривать как современный Храм Грааля. Это была Свободная Высшая Школа духовной науки и, в то же время то средоточие произведений искусства - к которому стремился ещё Рихард Ванер (18) - где одновременно сливались воедино все искусства; музыкальное, пластическое, скульптурное, каждое в своём своеобразном стиле. Здание полностью сгорело в Сильвестрову ночь 1922 г. Враги Грааля сожгли его.

Из-за ликвидации импульса социальной трехчленности и гибели Гётеанума центральному импульсу, "импульсу середины" был нанесён чувствительный удар. Ведь в безвозвратно потерянном здании в Дорнахе - средоточии произведений искусства, Запад имел внешне воспринимаемое, зримое выражение того, что в своих формах, красках, архитектуре, в эвритмических движениях и слове являло собой для Запада свидетельство Духа. Тогда как народы Востока могли бы увидеть в общественном строе, основанном не на власти и духовной несвободе, нечто такое, что могло бы вызвать у них внутреннее доверие, тогда как в настоящее

время Европа вызывает у них одно недоверие.

Лучше бы этого не было. Но работа должна продолжаться, сказал Р. Штейнер.

В 1923 году он создал новую форму Всеобщего Антропософского Общества. Гётеанум был отстроен заново в новой форме, которая была возведена на так называемом "краеугольном камне" - мантрическом изречении, в котором в словах была выражена мистерия трехчленного человека как образа Божественной Троицы.

После Рождественского Собрания 1923 г., которое сопровождалось созданием нового Устава, новой Конституции Антропософского Общества, Рудольф Штейнер прожил ещё пятнадцать месяцев. До конца сентября 1924 г. он развернул сверхчеловеческую лекционную деятельность - курсы, беседы, доклады, создание новых инициатив; так он основал лечебную педагогику и биодинамическое сельское хозяйство. В течение последних семи месяцев своей жизни он был прикован к постели и мог обращаться к членам Общества только в письмах. Эти письма, опубликованные в "Листке сообщений" были затем названы "Михаэлическими письмами" (ПСС, т. 26), поскольку во всех них речь шла о Михаиле.

Деятельность Рудольфа Штейнера начиналась в Вене; её начало совпало с началом новой эпохи Михзаила (1879 г.). Заканчивалась она глубочайшим откровением о сущности и задачах этого небесного Воителя.

В предшествующей главе о задачах середины говорилось о том, насколько необходимым было бы: в промежуток между угрожающей односторонностью Востока и Запада поместить культуру Весов, то есть область Михаила, несущую равновесие. Это может произойти только тогда, если осуществится связь по вертикали, то есть, если человек создаст новую связь с духовным миром, с миром умерших и миром ещё не родившихся. Это бытие после смерти всё снова и снова интересовало людей. Они стремились к тому, чтобы воспринять знамения из того мира, - стремились, даже в эпоху глубочайшего материализма - поскольку эгоистическое желание продолжения существования после смерти побуждало такие мысли. Но мысль о предрождении человеческого "я" лежит вне рамок эгоизма.

Вот почему эта мысль, независимо от её объективной истинности, носит терапевтический характер. Эгоизм - глубоко укоренившаяся болезнь человеческого рода. Великой целебной терапией при этом является учение о реинкарнации и карме, если только оно не понимается поверхностно, по дилетантски. Знание о перевоплощении, о сохранении индивидуального "я", о закономерности человеческой судьбы, о карме - как развил его Рудольф Штейнер в своей антропософии - открывает возможность для совершенно нового понимания взаимных социальных связей между людьми.

Именно отсюда можно развить конкретный исходный пункт для оживления стагнирующего общества в нашем нынешнем мире. Мышление в застывших моделях и структурах - и соответственные действия - должны быть преобразованы к жизни, протекающей в процессах, в движении. Конкретные предложения по обновлению социального порядка в ситуации, сложившейся после Первой Мировой войны Рудольф Штейнер изложил в книге "Трёхчленность социального организма" (ПСС, т. 24) При этом речь идёт об относительной самостоятельности трех главных сфер общества: политическо-правовой, культурной и экономической, которые в современном государстве нездоровым образом сливаются друг с другом, причём так, что одна из них закабаляет две других. На Западе доминирует хозяйственная жизнь, экономика, которая накладывает свои цепи на политику и культуру. Основные черты социальной трёхчленности (триединства) Рудольф Штейнер резюмирует следующим образом:

1. Суть социализации экономики состоит в том, что организация производства и сбыта, регулируется в них самих заложенными экономическими законами. В возникший на их основе хозяйственной организм властные "правовые" структуры не вмешиваются. Все "права как таковые" реализуются **политическим организмом**, основанном на принципах равенства всех людей перед законом, и обладающем равным значением с **экономическим организмом**. Все духовные усилия в целом, включая технические идеи, должны представлять собой третий равнозначный свободно самоуправляемый **духовный организм**.

2. В качестве представителей хозяйственного организма рассматриваются лица, избранные ассоциациями, организованными на основе профессиональной и деловой принадлежности. В качестве представителей политического организма рассматриваются лица, избранные на основе всеобщего, равного (тайного) голосования. В качестве представителей духовной организации рассматриваются лица, стоящие - по обстоятельствам - на вершине отдельных духовных ветвей. Для соединения трёх корпораций служат делегации, которые избираются из представителей каждой отдельной из них. (Три корпорации существуют рядом друг с другом как три относительно независимых государства, которые упорядочивают общественные отношения посредством посольств)

Эти основные тезисы позволяют увидеть, что в этих трёх вышеназванных действительно

независимых друг от друга членах общественного организма, трёх частях общества речь идёт о трёх основных принципах: в экономической жизни действует принцип ассоциаций, и мы могли бы здесь говорить о братстве; в государственной жизни - исключительно принцип равенства, охватывающий все трудовые и правовые отношения, а в культурной жизни - принцип свободы.

Но эти основные принципы не следует рассматривать как модель; они знаменуют собой различные процессы, которые в каждой отдельной области носят собственный характер.

Сегодняшняя ситуация, разумеется, иная, нежели тогда, после Первой Мировой войны, но конфликт между Востоком и Западом, ещё тогда воспринимавшийся Рудольфом Штейнером, стал с тех пор ещё актуальней, также и потребность в уравновешивающих функциях середины.

Социальная трёхчленность, которая должна была быть введена тогда благодаря Германии и Австрии, стала бы ответом на программу Вудро Вильсона с её ликвидаторскими 14 пунктами, и ответом Ленину с его большевизмом. Это могло бы предохранить Германию - как страну середины - от гибели, а тем самым предотвратить гибель миллионов людей, последовавшую по вине национал-социализма. В ситуации на сегодня тоже, вероятно, возможно где-то в мире ввести трёхчленность как некую целостность.

В конце предыдущей главы я уже сообщал, что теперь функция середины стала задачей всего мира в целом и должна реализоваться всюду, где только можно, пусть даже параллельно. В этом направлении важную роль играют Вальдорфские школы, которые в настоящее время имеются во всём мире. Вальдорфские школы возникли из этого социального импульса обновления - из импульса социальной трёхчленности. На них можно опираться и от них исходить в дальнейших социальных действиях.

Теперь в связи с заголовком этой главы нас могут спросить: как связана трёхчленность с христианством? Если рассматривать трёхчленность как выражение науки Грааля на социальном уровне, связь установить не так уж трудно. Однако видеть в движении за социальную трёхчленность прямое продолжение импульса тамплиеров, значило бы упрощать проблему; эта версия слишком проста, чтобы быть истинной. Некоторые аспекты трёхчленности, тем не менее, могли бы как-то соотноситься с устремлениями тамплиеров, так что мы приближаемся к ответу на поставленный вопрос. (19) Дело в том, что тамплиеры ещё не знали о свободе, равенстве и братстве как о начале, посредством которого порядок общественной человеческой жизни организуется тройственным образом. У них все эти три принципа ещё находились под колпаком орденовских связей. Братство и равенство были монашескими обетами, занесёнными в Устав Ордена. С помощью интенсивной молитвы тамплиеры могли иметь прямую связь с духовным миром, но свободу как творческую душевную силу человека они ещё не развивали. Ведь их общественная жизнь в Европе принципиально не отличалась от жизни других монашеских Орденов, например, Ордена Ключни или Ордена Цито (цистерцианцев). И всё же значительное отличие состояло в том, что монахи были в то же самое время рыцарями, что они больше чем церкви, строили крепости и замки, но что они эту материальную силу преобразовывали в социуме в меркуриальное движение. Это относится к их денежным операциям, отличным от тех, которые обычно совершались в то время и от тех, которые совершаются сегодня. Деньги, которыми они в виде серебра и золота владели в неслыханных размерах, точно также как и неизмеримое богатство, состоящее из земельных наделов - все это принадлежало Ордену, но не людям. Орден служил Христу, на службу Которому вставал каждый в отдельности, жертвенно проливая свою кровь. Денежное обращение, циркуляцию денег они упорядочили так, что деньги как питающий поток могли протекать через экономическую, культурную и даже политическую жизнь, причем эта циркуляция сохраняла свой неэгоистический характер. Интернациональный характер их организации был тоже связан с полной самоотдачей, которую Орден как единое целое, и как отдельные члены несли навстречу Христу - Представителю всего человечества. Они совершали это правдиво и достойно. Любое внешнее проявление сакраментальности было им чуждо.

Таким образом, судя по отношению к деньгам, можно считать тамплиеров предшественниками движения за социальную трёхчленность. Ведь даже в созданной Р.Штейнером теории трёхчленности, деньги должны были играть совершенно иную роль, нежели в капиталистической или коммунистической государственной системе. Неэгоистическое, макросоциальное обращение с деньгами как с неким питательным процессом, а не средством сосредоточения власти тоже соответствует концепции социальной трёхчленности.

Здесь заложена сущность всего дела. Социальная практика, которая служила Христу, - высвобождение денег от эгоистических интересов - преподана нам жизнью тамплиеров, а также соответствует социальному импульсу Р.Штейнера. Она является в меньшей степени структурным, и в большей - функциональным аспектом социальной трёхчленности: рабочие методики тамплиеров могут служить для нас прообразом. С известной долей осторожности мы можем считать наши нынешние устремления продолжением устремлений тамплиеров.

Но может ли человек сегодня столь же безоговорочно поставить себя на службу Спасителю, как делал это со всей силой чувства человек средневековья? Едва ли. Мы должны идти другим путём, путём прозрения, путём понимания. Благодаря истинам духовного содержания мы находим

Христа. Это путь к свободе. Безоговорочно служить Христу - означает в наше время практиковать безоговорочную духовную свободу. Это и есть михаэлическое христианство.

Надо отдавать должное социальной сфере, а не только "неэгоистическому началу" в "основном социальном законе" Рудольфа Штейнера, в соответствии с которым:

"Благополучие коллектива работающих вместе людей будет тем больше, чем меньше каждый отдельный его член запросит зарплату за свою работу, то есть, чем больше отдаст своих доходов своим сослуживцам, и чем больше его собственные потребности будут удовлетворяться оплатой не за его работу, но за работу других".

Будучи понято, это должно стать социальным чувством, социальным инстинктом. Тогда оно как и мысль о трёхчленности общества может рассматриваться как христианская истина, может мыслиться как "Евангелие познания", ещё до вступления в действие. Социальная трёхчленность является невидимым знаменем будущего человечества, поскольку она есть образ трёхчленного человека. Обе концепции принадлежат друг другу, они взаимнопринадлежны. Они возникли из источников тайной науки, которую питает центральная Мистерия Христа.

Неслыханная власть зла, противодействующая здесь, невольно свидетельствует об истинности этого дела.

6.7. МИРОВОЕ БУДУЩЕЕ

В одной лекции января 1911г. (ПСС, т. 130) Рудольф Штейнер говорил о деяниях Христа на Земле начиная с Мистерии Голгофы как об обновляющей, созидательной силе; также он говорит и о силах разложения, распада, противодействующих ей. В этих силах демоны реализуют свою сущность - это и есть антихристовы силы. Это сообщение вызывает впечатление, как если бы поступательное движение эволюции в котором действует Христос - эфиризация, то есть одухотворение материи, высвобождение человека и Земли от их плотности, привязанности к вещественно-физическому - вызывает в то же самое время в качестве реакции атаку космических сил в тех деятельных сферах, которые лежат ещё ниже, то есть под нынешней вещественно-физической природой.

Эту подприроду мы и должны рассматривать как сферу зла, но мы, тем не менее, должны использовать эти силы распада, ибо судьба Земли состоит в том, что в процессе одухотворения она, как материальная "вещь" в более позднюю эпоху погибнет;

"для того, чтобы человек стал свободным от Земли и отбросил земное тело".

Р.Штейнер различает три региона подприроды, в которых действует три различных вида сил: электричество, магнетизм и

"некая третья сила, которая более ошеломительным, потрясающим образом вольётся в культуру".

Отвечая на вопросы, заданные непосредственно в связи с лекцией, он сообщил об этой третьей силе следующее:

"Есть ещё одна страшная сила, которую недолго будет храниться в тайне. Желательно лишь, чтобы когда эта сила придёт - её мы должны представлять себе гораздо более мощной, чем самые мощные электрические разряды - она появится в любом случае - и тогда было бы желательно, чтобы прежде, чем эта сила будет открыта человечеству, люди перестали быть такими аморальными".

Мы можем допустить, что эта сила, между тем, стала доступной человечеству как ядерная энергия, и мы знаем, что пожелание Рудольфа Штейнера, чтобы человечество не было столь аморальным к тому времени, - это пожелание осталось неисполненным. Так человек попал в опасную ситуацию: с одной стороны для подъёма, или, если хотите - приведения в нормальное состояние, построения культуры ему приходится использовать уничтожающую силу распада. С другой стороны, без должной моральной основы, зрелости было бы преждевременно иметь дело с силами, которые могут привести к тотальному уничтожению Земли и человечества. Тем паче, что эти разрушительные силы находятся в руках таких людей, которые служат целям государства, что исключает всякую мораль.

Атака против человечества, начавшаяся в седьмом веке, продолжавшаяся в первой половине 14 столетия достигла в 20 веке в Европе своего апогея, который без сомнения имеет решающее значение. Можно предположить, что открытие "третьей силы" раньше времени, то есть до того, как человечество обрело моральный противовес, является составной частью этого третьего удара.

В уничтожающей силе третьей подприродной сферы действуют так называемые Азуры, силы зла, которые по мощи и по злобности намерений превосходят люцифереических и ариманических существ (Р.Штейнер ПСС, т. 107). По отношению к этому тройственному союзу сил зла, которые теперь, в конце 20 века развили свою деятельность, добро - позитивный человеческий элемент - кажется лишь соломинкой, низвергнутой в стремительный поток и обречённой на гибель. Многие люди чувствуют себя призванными остановить это бурное течение внешней силы и материального уничтожения, хотя бы чисто внешними акциями. Их протесты, демонстрации, петиции и другая

подобного рода активность часто впечатляет. Она обнаруживает добрую волю тысяч людей по всей Земле, но руководит ею зачастую страх, отвращение и простое чувство: "я не хочу погибать", или "я со своими детьми хочу жить в безопасном мире". Могут ли они рассчитывать на успех, поскольку здесь против деяний зла встают не свободные деяния людей, развивших внутреннюю силу самоотверженности и творческой нравственности, которые не уступят страшной, огромной силе зла?

Должен ли человек при этом полагаться на себя, или в этой титанической борьбе он может ожидать помощи от добрых духовных сил? В главе 6.5 указывалось на то, что Мистерия Голгофы состоялась на 333 года раньше, чем она была первоначально назначена божественными силами? Это произошло, чтобы предупредить атаку Гондшапура: человеческая душа вследствие жертвы Христа стала меньше связана с преходящим телом и сильнее с духом.

Силы зла вторично кульминировали в импульсе, выявившем апокалиптический характер числа 666, то есть в начале 14 столетия. Не было ли тогда какой-либо сравнимой по масштабам помощи со стороны благих духовных сил? Задача этой книги - показать, что и тогда существовали предотвращающие импульсы. Эзотерическое христианство, поток Грааля, всё, что в глубоком смысле присоединяется к Мистерии Голгофы, воодушевляло людей на протяжении всего средневековья и служило в то же время некоторой защитой от наступающего зла. Но такое воодушевление - мы наблюдаем его уже у тамплиеров - всегда несло опасность перерождения в люциферическое, что могло отдалить людей от своего истинного предназначения на Земле.

В настоящее время мы встречаемся с третьей волной атаки, которая достигает своего апогея непосредственно перед 2000 годом. Предшествует ли ей нечто, что могло бы создать противовес превосходящим силам зла? Без сомнения! Этой третьей атаке предшествовало в 20 веке спасительное событие - Второе Пришествие Христа, пришествие в эфирном мире. Не в физическом, вещественном теле, как в своё время в Палестине, является Христос в наше время: нет, но Его переживают так, как пережил апостол Павел перед Дамаском. Как эфирный световой образ, облечённый сиянием Он будет являться многим людям и говорить с ними.

Впервые Рудольф Штейнер описал "Второе Пришествие Христа" в своей Дrame-Мистерии "Врата посвящения" (ПСС, т. 14). Ясновидящая Теодора имеет в присутствии нескольких лиц видение эфирного Христа, и она сообщает о словах, обращённых к ней (ПСС, т. 14).

Также во многих лекциях, начиная с 1910 года, Р.Штейнер вёл речь об этом событии; он указал сроки, когда эфирный Христос начнёт раскрываться сначала отдельным людям, а затем всё большему числу людей на Земле в ходе текущего столетия, то есть 20 века (ПСС, т. 118). Этот год - 1933, то есть тот год, когда Гитлер добился власти в Германии; событие, которое надо рассматривать как прелюдию к третьему удару зла. Переживание эфирного Христа будит в человеке зачаток нового ясновидения, которое постепенно должно занять место нынешнего интеллектуального сознания. Из сообщений Рудольфа Штейнера об этом ожидаемом событии, как особо утешительное, спасительное ощущается то, что как сила исходит от эфирного Христа. Как много людей с 1933 года пережили эту встречу, сказать трудно; ведь такой интимный опыт по большей части не записывают и не афишируют. Французская писательница Симона Вейль (1909-1944) несомненно описала встречу со Христом. Переживания американского врача Георга Ричи, изложенные в его книге "Утро возвращается", тоже, по всей вероятности, является таким дамасским Явлением.

Эта новая возможность - повстречать Христа даётся людям как благодать, как милость. Эта милость, конечно, имеет глубочайшее значение для переживающих её, но, по большей части, он считает это важным лишь для своего личного развития. Однако требуется ещё нечто иное для того, чтобы осознать, что в этом личном сокровенном опыте зачинается мировое будущее, что только Второе Пришествие Христа в эфирном мире может пробудить моральные силы, благодаря которым человек сохранит равновесие по отношению к силам зла, и вследствие этого сможет, помогая и спасая, включиться в социальную жизнь. Требуется прозрение, расширение сознания, нацеленное в то же время в глубины собственного существа. Многие люди хотят проявить активность, быстро и эффективно сделать что-либо, противодействуя злу, чтобы предотвратить его в мире. Но каждый человек в отдельности способен обозреть лишь малую часть тотального круга реальности. Сначала мы должны прощупать скрытые области этого круга действительности, так как движущие пружины мировых свершений всегда скрыты.

Нам нужны новые поиски Грааля, которые в наше время должны принимать научные формы. Наукой о Граале является антропософия, она непосредственно связана с Мистерией Второго Пришествия Христа. Но этой науке недостаточно просто оставаться в наличии, к ней надо стремиться, надо ей овладевать. Для этого надо развивать интенсивное мышление. И хотя это мышление осуществляется в обычном сознании, оно, тем не менее, имеет иной характер, нежели нормальное рассудочное мышление. Последнее связано с головным мозгом, можно даже сказать с распадающейся материей. Известно, что нервная система охвачена постоянным процессом отмирания. То мышление, которое нуждается в веществе нервов головного мозга не в состоянии понять ничего, кроме абстрактной, материальной стороны мира.

Напротив, мыслитель, который хочет постичь созидательное развитие, должен освободить своё мышление от мозга; он должен это сделать подобно тому, как если бы скрипичный мастер был в состоянии дать музыке звучать из окружающего пространства, а не из деревянного корпуса своего инструмента. В мышлении, свободном от тела воля изживается гораздо сильнее, чем в случае обычного мышления, которое имеет, главным образом, пассивную отражательную функцию.

Но рассудочное мышление могло бы задать вопрос: не сделает ли эта воля мышление слишком субъективным, неточным? Это так, но лишь с точки зрения самого рассудочного мышления. Переживание бессилия, в которое неизбежно впадает интеллект, подходя к границе, отделяющую рассудочное мышление, связанное с чувственными восприятиями от сверхчувственной сферы, постоянно отталкивает интеллект в область своих собственных иллюзий, которые являются обманчивой, ошибочно принимаемой за истину объективацией. Переживание границы на самом деле является проявлением страха. Мышление, которое мужественно перешагивает границу обычного сознания, чтобы достичь откровения духовной стороны мира, вовсе не теряет точности и объективности. Оно лишь менее ограничено телом; вместо этого оно способно воспринимать духовную реальность.

У Гёте можно проследить, как этот тип мышления, который он называл "созерцающей силой суждения" постепенно развился благодаря тщательному чувственному наблюдению, отдельные элементы которого могли "соткаться в целое". В то же время он отодвигал комбинирующее рациональное мышление, то есть построение теорий, теоретизирование о наблюдаемом. Вследствие этого его созерцающее мышление больше походило на медитацию. Он отдавался ему совершенно, с высшей внутренней активностью. При этом феномены в своей форме чувственно-воспринимаемых явлений начинали обнаруживать свою духовную сторону. Гёте говорил: "Всё фактическое уже есть теория".

При этой активности, которая при чистой медитации должна стать существенно сильнее, мышление медленно высвобождается от отмирающей материи головного мозга. Подвижность, которую в этом случае получает мышление, делает возможными самые первые шаги к достижению высшего познания духовного мира, то есть, ведёт к свободным, полученным в полном сознании имажинациям.

Иногда спрашивают: только ли антропософия Рудольфа Штейнера предлагает современную науку о Граале? Было бы не в духе антропософии давать на это догматический ответ. Дух Времени Михаил инспирирует также и тех людей, которые незнакомы с антропософской духовной наукой. Можно думать, что и помимо антропософии есть другие формы: новое "дамасское переживание" может быть не только у людей с антропософской духовной подготовкой, о чем можно узнать из вышеприведённых примеров. И всё же не было, насколько я знаю, ни философов, ни ведущих мыслителей в этом веке, чей труд по своей глубине, всеохватывающему объёму и точности исследования был бы соизмерим с антропософией Рудольфа Штейнера. Так что поставленный вопрос сам на себя и отвечает. Его часто задают только потому, что задающий или избегает антропософии, или хочет поставить ловушку своему оппоненту. Здесь, как и во всех значительных делах речь идёт не об определённом понимании, который может иметь в этой связи тот или иной человек, а о духовной действительности. Интеллект всегда ищет доказательств, но живой дух нельзя доказать на уровне интеллекта; он хочет быть познанным в своих действиях и пережит в своей действительности.

Если мы окинем взором эпохи до и после Рождества Христова, окнем взором то, что мы рассмотрели в этой книге как историю Храма и Грааля, мы сможем поставить себе нелёгкий вопрос: что должно происходить, чтобы будущее оказалось плодотворным в смысле земной эволюции? Ведь мы в наше время являемся свидетелями такого апокалиптического кризиса, каким он ещё никогда не был в послеатлантическую эпоху.

В главе "Невидимый храм" (глава 3.6), а так же и в других местах этой книги мы уже писали о будущем и о развитии человека. Можно будет удовлетворительным образом ответить на поставленные вопросы лишь в том случае, если мы знаем, что же это такое - человек. Здесь имеется виду не определение, но потребность начертать в своём сознании истинный, а не иллюзорный образ человека, осознав при э

том, что же является смыслом человеческого бытия в мировом целом?

Можно предположить, что для этой цели следовало бы сопоставить компендиум всех воззрений о человеке, рассматривая их с религиозной, философской, исторической, социологической и т.д. сторон, и в этих основных подразделениях обратить внимание на различие научных направлений и исходных пунктов. Вероятнее всего, мы прошли бы, в конце концов, к выводу, что решить загадку человека абсолютно невозможно. К такому выводу пришёл Алкес Каррель в 1925 г. в своей знаменитой книге "Непознанный человек" ("L'homme cet incouneu").

Удовлетворимся ли мы этим утверждением, означающем, что мы ничего не можем знать относительно того, что так необходимо для мирового будущего? Или же отважимся дисквалифицировать вышеназванный научный компендиум как совершенно ошибочный и методологически неплодотворный? Думаю, что нам придётся сделать именно это.

Призовём на помощь науку о Граале, которая отсутствует в компендиуме, и она позволит нам прежде всего достаточно простым образом подойти к феномену под названием "человек". Мы увидим тогда, не предпуская какие-либо теории, что человек связан с миром творя. Он имеет мир "ниже" себя, то есть три царства природы. Он имеет мир вокруг себя - его ближние, современники, и он имеет мир над собой - Божественный мир. Даже если он отрицает действительность последнего, он свидетельствует тем самым, что имеет отношение к этому миру, пусть даже негативное.

Кроме того он стоит в отношении к себе самому, причем существует глубокая связь между отношением человека к себе самому и к миру.

Нетрудно понять, что современный цивилизованный человек страдает от творя нарушения отношений. Ту природу, которая "ниже" его, которая его вынашивает и питает, он намеревается эксплуатировать до уничтожения. Лишь с огромным трудом удаётся ему сдерживать свой эгоизм по отношению к своим ближним, и всё чаще сегодня даже это ему не удаётся. И, наконец, можно отметить глубокие нарушения в его отношениях с высшим, Божественным миром.

Как часто мы только заболели, понимаем, что такое здоровье; так и здесь - на примере вышеперечисленных творя нарушений отношений можно выявить дефицит ничем не омрачённого человеческого бытия в этом мире. Если мы обнаружим причины этих нарушений, у нас появится уверенность, что все эти отношения надо строить заново.

Без сомнения, причины эти - эмансипация самосознания за счёт спиритуального понимания мира. Такая эмансипация происходит, начиная с 15 столетия. Духовные силы сознания у человека возросли, при этом он стал энергично отрицать дух. Это отрицание духа должно быть преодолено самосознанием, самосознающим "я". Почему? Творя нарушения в отношениях с миром вызваны не столько моральным недопониманием, сколько утратой способности к моральным действиям. В главе 6.1. указывалось на то, что "третья атака" направлена против человеческой воли, точно так же, как в 14 веке она была направлена против чувства, а в 7 веке - против мышления.

Отрицание духа (Собор 869 г. по Р.Х) было следствием атаки на человечество, которую зло направило против души, против мыслящей, чувствующей и волящей души. "Отделив" душу от духа и, тем самым, слишком сильно привязав её к плотскому телу, её оторвали от питающей её почвы - от Божественно-духовного мира, из которого подобно питательному, созидательному потоку струятся к человеку все моральные импульсы. Естествознание этого доказать не может по той простой причине, что естественная наука в новое время настойчиво отрекается от духовно-моральной стороны мира.

Душа, отдавая себя в распоряжение материалистического естествознания, предала себя силам смерти и разложения. Пусть это звучит несколько театрально, но это правда, и непредвзятое наблюдение мира может это доказать. Материалистическое естествознание, ведь, по праву может господствовать только в соответствующих ему сферах познания физического мира, но становится неправомерным, вторгаясь в какие-либо другие сферы.

Западная материалистическая цивилизация не нуждается в атомной войне, чтобы погибнуть. Если не найдётся достаточного количества людей, которые прекратят отрицать дух, наступит варварство, то есть человечество подпадёт всё возрастающему процессу демонизации.

Известный французский экономист и историк Жан Гримпель в своей сенсационной книге "Ultime rapport sur le destin de l'occident" (22) предсказывает гибель западной цивилизации, в особенности по экономическим причинам; он перечисляет некоторые симптомы, которые показывают, что мы находимся в фазе отмирания нашей цивилизации. В качестве одного из таких симптомов он приводит нарастающий поток мистической и оккультной литературы, сравнивая наше время с римской и египетской культурами, которых в нисходящей своей фазе тоже захватила подобная волна. Но тогдашние формы оккультизма были деградирующими проявлениями древней мудрости, которая когда-то жила в мистериях. В Римской империи демонизированные мистерии были побеждены христианством. Но в некотором смысле само христианство представляло собой наиболее оккультное течение среди всех иных. Мистерия Голгофы была осуществлением древних мистерий и всё, что утверждалось в древности, не пережив обновления в христианстве, было обречено на декаданс и демонизацию.

То, что мистицизм и оккультизм предлагают сегодня, есть проявление деградирующей сущности восточных мистерий. Обновлённую, омолаживающую силу, точно также как и прежде, можно ожидать только от христианства. И если то, что происходит из источника импульса Христа как обновлённое знание, как новый оккультизм - не мистическая сокровенная наука, но точная наука о сокровенном - было бы сброшено в один котёл с периферийными проявлениями, отягчёнными многочисленными симптомами упадка - это было бы трагическим непониманием с далеко идущими последствиями.

Антихристианские силы рассчитывают на такое непонимание, они прилагают все силы, чтобы удержать человека от нового союза со Христом. Они наверняка тоже осунут на Земле свои мистерии, в которых новое ясновидение многими людьми будет достигаться безблагодатно и в извращённом виде. Если всю свою мыслительную работу переложат на компьютер, у

опустошённых душ должна будет появиться сильная потребность в ясновидении.

С антихристовой стороны оно будет достигаться без усилий, как "спонтанное" посвящение, которое обходится без выработки сильного, проникнутого волей мышления и морального развития. Таким образом путь в позитивное будущее будет отрезан, или же для обретения его придётся столкнуться с труднейшими препятствиями.

На вопрос о том, так что же действительно необходимо для спасения человеческого рода и мирового будущего, ответом может быть лишь древний мистериальный призыв, не потерявший своей побудительной силы на протяжении веков: "О, человек, познай себя!" Здесь не имеется в виду самопознание в тривиальном смысле, но такое самопознание, которое охватывает глубины человеческого существа. Это не "вакцина" на которую - хотя и не без скепсиса - надеется Жан Гримпель, которая убьёт вирусы, ведущие к гибели мировую экономику и всю культурную жизнь Земли. Это также не чудо политической разрядки, которое по видимости может наступить, если ведущие правители Востока и Запада пожмут друг другу руки и торжественно гарантируют не стрелять друг в друга атомными ракетами или иным "нечистым" оружием.

Ведь если бы уже сейчас могла найтись такая "вакцина", и случилось политическое чудо, это было бы наименее слабой гарантией позитивного развития. Никакие внешние изменения не могут гарантировать его. Никакие "вакцины", никакое чудо миролюбия не помешает намерениям сил зла при третьем ударе. Лишь ясные мысли о сокровенных областях действительности могли бы это сделать. Например, мысль, что в мире правит не слепой механизм природы, но карма. Это означает, что всё происходящее руководится благодаря космическим закономерностям, причинно-следственным духовным связям, а также благодаря истинной свободе человеческой индивидуальности, которая, свободно познавая, воодушевляет себя к конструктивным, обновляющим деяниям в мире насилия и упадка.

7. ПОСЛЕСЛОВИЕ

В прежнее время люди совершали паломничество в места захоронения великих святых; ко гробу св. Иакова в Сант-Яго де Компостелло, ко гробу св. Перта в Риме, Ко гробу Господню в Иерусалиме. Удивительным образом людям зачастую даже не приходило в голову, что ЭТА гробница пуста, что нет мёртвого Христа, Которого надо искать, но есть Живой, и Он всегда рядом.

Ко гробу св. Иоанна Богослова в Эфесе в средние века паломничества не было. Это место с давних пор попало в руки магометан. Но это обстоятельство лишь внешним образом объясняет отсутствие паломничества ко гробу св. Иоанна. То, что со св. Иоанном не связан культ его захоронения, мы должны в большей степени рассматривать как симптом, как событие внутреннего значения.

Иоанново христианство, течение Храма и Грааля являются Христианством Воскресения. Воскресение Лазаря-Иоанна показало, что Христос декларировал окончание старых мистерий и открытие новых в свете Воскресения.

Иоанново христианство является христианством будущего. Это будущее наступило.

Чтобы свидетельствовать об этом и была написана эта книга.